

BRITISH SF AWARD, EUROCON

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

ВЫСОТКА

Джеймс Баллард

ВЫСОТКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Б20

Серия «Фантастика!»

James Graham Ballard

HIGH-RISE

Перевод с английского *A. Андреева*

Компьютерный дизайн *C. Озеровой*

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Баллард, Джеймс.

Б20 Высотка : [роман] / Джеймс Баллард ; [пер. с англ. А. Андреева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Фантастика!).

ISBN 978-5-17-090979-7

Сорок этажей, тысяча квартир, две тысячи жильцов — это и есть высотка, одна из пяти запланированных в новом жилом комплексе в Лондоне. Полная самообеспеченность, включая торговый центр, салон-парикмахерскую, два плавательных бассейна, спортивный зал и начальную школу для детей — несомненно, это образец будущего, новая социальная структура, дивный новый мир...

Вот только начинается что-то неладное — с электричеством, с лифтами, с мусоропроводом... Кто виноват? Виноваты другие — те, кто сверху, те, кто снизу. Что делать? Не давать спуску! И вот жильцы, обеспеченные состоявшимися профессионалами, вопреки всем ожиданиям, вопреки здравому смыслу, втягиваются в склоки — в стычки — в войну. Войну, ограниченную пределами одного дома — никто во внешнем мире не догадывается, что происходит в стенах высотки... Что же получилось — новый мир или старые грабли? Что построил архитектор: фантастический зоопарк или дикие джунгли?..

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© James Graham Ballard, 1975

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-090979-7

1. КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

Сидя на балконе и дожевывая кусок собаки, доктор Роберт Лэйнг размышлял о необычных событиях, происходивших в громадном много-квартирном доме в последние три месяца. Сейчас, когда все вернулось в нормальное русло, Лэйнг с удивлением понимал: трудно сказать, где именно их жизнь повернула в зловещем направлении. Сорок этажей и тысяча квартир, супермаркет и плавательные бассейны, банк и начальная школа — вся застрявшая посреди неба высотка предоставляла чересчур много возможностей для насилия и противостояния. Но уж свою собственную квартиру-студию на 25-м этаже Лэйнг ни за что не мог бы представить в качестве первого поля боя. Эту непомерно дорогую клетушку, втиснутую в отвесный склон много-квартирного дома, Лэйнг купил после развода именно ради спокойствия и тишины. Довольно любопытно, что, вопреки всем попыткам Лэйнга отгородиться от двух тысяч соседей, от банальных разговоров и недовольства — от всей этой общественной жизни, — первое значительное

событие случилось именно на его балконе, где он сейчас сидел у костра из телефонных справочников и закусывал жареной задней ногой немецкой овчарки — перед тем, как отправиться на лекцию в медицинский институт.

Три месяца назад, примерно в одиннадцать утра в субботу, доктор Лэйнг готовил завтрак и вдруг вздрогнул от взрыва на балконе. Бутылка игристого вина, прилетевшая сверху, отскочила от навеса и взорвалась на плиточном полу балкона.

Ковер в гостиной покрылся пеной и битым стеклом. Лэйнг стоял босиком среди осколков, наблюдая, как пузырится вино на треснувших плитках. Высоко над головой, на 31-м этаже, гремела вечеринка. Доносились чересчур оживленные речи и рев магнитофона. Видимо, бутылку смахнул с перил балкона кто-то из возбужденных гостей. Нужно ли говорить, что никого на вечеринке ни в малейшей степени не трогала судьба запущенной ракеты; жителей высотки вообще не интересовали соседи дальше чем на два этажа вниз.

Решив определить, что это за квартира, Лэйнг прошел по разлившемуся озеру холодной пены, перегнулся через перила и стал смотреть вверх, на фасад здания, старательно отсчитывая этажи. Впрочем, как всегда, от размеров сорокаэтажной громадины закружилась голова. Опустив глаза, Лэйнг уцепился за дверной косяк. Непомерный

объем открытого пространства, отделяющего дом от соседней высотки, выводил его из равновесия. Порой ему казалось, что он живет в кабинке колеса обозрения, зависшей в трехстах футах над землей.

И все же Лэйнгу нравился дом — один из пяти одинаковых корпусов жилого комплекса, который был достроен и заселен первым. Все пять высоток находились на площадке в квадратную милю — на бывшей территории дока и складов на северном берегу реки. Пять высоток стояли на восточном краю комплекса, над декоративным озером — пока это был пустой бетонный бассейн в окружении стоянок и строительного оборудования. На противоположном берегу находился только что достроенный концертный зал, а с двух его сторон — медицинский институт Лэйнга и новая телестудия. Громадные сооружения из бетона и стекла и само их расположение на излучине реки отделяли новый жилой комплекс от ветхих районов вокруг — доживающих свои дни однообразных домов девятнадцатого века и пустых фабрик, предназначенных для реконструкции.

При всей близости Сити, офисные здания центрального Лондона принадлежали уже другому миру — и во времени, и в пространстве. Зеркальные стены и антенные связи терялись в автомобильном смоге. Полгода назад, бросив дом в Челси и переехав в надежную высотку, Лэйнг перенесся на пятьдесят лет вперед — прочь от

запруженных улиц, автомобильных пробок, поездок на метро в час пик к студентам и к тесному общему кабинету в старой учебной клинике.

Здесь измерениями его жизни стали пространство, свет и по-своему приятная анонимность. Он добирался до института за пять минут; за исключением этой единственной поездки жизнь Лэйнга в высотке была самодостаточной, как само здание. По сути, многоквартирная башня была маленьким вертикальным городом, с двумя тысячами обитателей, заключенных в небо. Жители совместно владели домом и решали все вопросы сами через управляющего и его команду.

Громадное здание предоставляло впечатляющий спектр услуг. Весь 10-й этаж был отдан под большой вестибюль — просторный, словно палуба авианосца. Здесь располагались супермаркет, банк и парикмахерский салон, плавательный бассейн и спортзал, винный магазин с богатым ассортиментом и начальная школа. Высоко над Лэйнгом, на 35-м этаже, размещались второй, небольшой, бассейн, сауна и ресторан. Довольный набором удобств, Лэйнг все реже и реже покидал здание. Он распаковал аудиотеку и втягивался в новую жизнь, сидя на балконе и разглядывая автостоянку. Хотя квартира располагалась всего на 25-м этаже, Лэйнг впервые ощущал, что смотрит на небо сверху вниз. Каждый день башни центрального Лондона словно отодвигались вдаль, и пейзаж покинутой планеты постепенно таял в мозгу. По сравнению со свободными очер-

таниями концертного зала и телестудии внизу, рваный городской горизонт напоминал дерганую энцефалограмму душевнобольного.

Квартира обошлась недешево; гостиная-студия, спальня, кухня и ванная лепились друг к другу, чтобы сэкономить пространство и избавиться от внутренних коридоров. Своей сестре, Алисе Фробишер, жившей с мужем-издателем в квартире побольше на три этажа ниже, Лэйнг говорил:

— Похоже, профессиональные взгляды архитектора формировались на космической станции. Странно, что стены не круглые...

Поначалу Лэйнгу казался отвратительным пейзаж комплекса — какая-то военная архитектура. После всех треволнений развода меньше всего ему хотелось каждое утро глядеть на бетонные бункеры. Однако уже скоро сестра растолковала ему незамысловатую прелесть жизни в шикарной высотке. На семь лет старше брата, Алиса оценила его нужды в первые месяцы после развода. Она указывала на безукоризненный сервис в здании, на полную приватность.

— Ты как бы один в пустом доме — подумай об этом, Роберт, — говорила она и добавляла без всякой логики: — И здесь полно людей, с которыми тебе стоит познакомиться.

Она упирала на то, что не ускользнуло от внимания Лэйнга во время знакомства с высоткой. Две тысячи обитателей образовывали виртуально однородную коллекцию обеспеченных

профессионалов — юристы, врачи, налоговые консультанты, крупные ученые и рекламные менеджеры — наряду с маленькими группами пилотов авиалиний, работников киноиндустрии и стюардесс, проживавших по три на квартиру. По обычным финансовым и образовательным меркам они, вероятно, были ближе друг другу, чем члены любого мыслимого сообщества — по единству вкусов и взглядов, прихотей и стиляй. Это единство отражалось в автомобилях на стоянках, окружающих высотку, по элегантному, но достаточно единообразному выбору мебели для квартир и деликатесов в секциях супермаркета, по тембру уверенных голосов. Коротко говоря, жители комплекса представляли собой идеальное сообщество, в которое мог бы незаметно влиться Лэйнг. Высотка была гигантской машиной, созданной служить не коллективу владельцев, ноциальному изолированному жильцу. Системы кондиционирования и электроснабжения, лифты, мусоропроводы обеспечивали бесперебойный поток заботы и внимания, на который в прошлом веке требовалась целая армия неутомимых слуг.

Кроме того, когда Лэйнг получил должность старшего преподавателя на кафедре физиологии в новом медицинском институте, логично было приобрести квартиру поближе к работе. Так ему снова удалось отложить важное решение: бросить преподавание и открыть собственную практику. Но он повторял себе, что все еще ждет настоящих пациентов, — вдруг они найдутся прямо в высо-

тке? Взвесив все доводы, включая цену, Лэйнг подписал договор аренды на девяносто девять лет и въехал в свою квартиру — одну тысячную долю скалы.

Над головой продолжали гулять — шум вечеринки разносился завихрениями ветра вокруг здания. Последние капли вина, блеснув, утекли с балкона. Босой Лэйнг встал на холодные плитки и пальцами ноги содрал этикетку с осколов. Он сразу узнал вино, дорогую подделку под шампанское, которую продавали охлажденной в винном магазине на 10-м этаже.

Это же вино они сами пили вчера вечером на празднике у Алисы — таком же беспорядочном, как и тот, который шумел сейчас над головой. Лэйнг, желавший расслабиться после целого рабочего дня в физиологической лаборатории и положивший глаз на привлекательную гостью, необъяснимо втянулся в препирательства со своими ближайшими соседями с 25-го этажа — молодым честолюбивым хирургом-ортодонтом по имени Стил и его назойливой женой — модным консультантом. Из пьяной беседы Лэйнг понял только, что ухитрился чем-то обидеть их, и это связано с мусоропроводом. Парочка защала Лэйнга за стойкой бара, и Стил принялся забрасывать его острыми вопросами — словно пациента, безответственно относящегося к собственным зубам. Худое лицо хирурга-ортодонта — пробор посередине всегда был для Лэйнга признаком сложного характера — придвигалось

все ближе; того и гляди, воткнет между зубов металлический ретрактор. Поддерживала атаку Стила его упорная, гламурная жена, почему-то рассерженная отстраненностью Лэйнга от важного дела организации жизни в высотке. Ее раздражали пристрастие Лэйнга к коктейлям перед обедом и общее пренебрежение условностями. Она считала, что Лэйнг в свои тридцать лет обязан трудиться по двенадцать часов в день и быть во всех отношениях таким же уважаемым, как ее супруг. Несомненно, она рассматривала Лэйнга своего рода беглецом из медицины, нашедшим тайный подземный ход — в мир безответственности.

Дурацкая перебранка удивила Лэйнга, хотя уже вскоре после переезда в высотку он начал ощущать вокруг себя всеобщую неприязнь друг к другу. Разговор на вечеринке у Алисы словно шел на двух уровнях — под тонким налетом профессиональной болтовни скрывался толстый слой личных дрязг. Порой Лэйнг чувствовал: люди только и ждут, когда кто-нибудь допустит серьезный просчет.

После завтрака Лэйнг подмел осколки на балконе. Две декоративные плитки треснули. В легком раздражении он подобрал бутылочное горлышко — с фольгой и с проволокой на пробке — и швырнул за перила балкона. Через несколько секунд с автостоянки донесся звон.

Опомнившись, Лэйнг осторожно выглянулся за перила — вдруг попал кому-нибудь в лобовое стекло. Впрочем, он тут же вслух рассмеялся и посмотрел вверх — на 31-й этаж. Что за праздничник такой в половине двенадцатого утра? Шум тем временем нарастал — гости прибывали. Это вечеринка по ошибке стартовала с утра — или она длится с вчера, а теперь обретает второе дыхание? Внутреннее время высотки, как и ее искусственный психологический климат, подчинялось собственным ритмам, которые задавали алкоголь и бессонница.

На балконе выше и сбоку от квартиры Лэйнга одна из соседок, Шарлотта Мелвилл, ставила на стол поднос с напитками. Поглаживая усталую печень, Лэйнг припомнил, что вчера на вечеринке у Алисы принял предложение на коктейль. Спасибо Шарлотте, она спасла его от ортодонта, озабоченного мусоропроводом. Лэйнг слишком набрался, чтобы у него что-то вышло с этой миловидной тридцатипятилетней вдовой; он только выяснил, что она копирайтер в небольшом рекламном агентстве. Близость ее квартиры, как и легкость в общении, импонировали Лэйнгу, пробуждая странную смесь разврата и романтики — с возрастом он становился одновременно и романтичнее, и циничнее.

Секс — это то, что в изобилии могла представить высотка. Скучающие жены сидели у бассейнов и в ресторане или гуляли рука об руку по

вестибюлю 10-го этажа. Лэйнг наблюдал, как они коротают праздные часы, бросая по сторонам чарующие, но осторожные взгляды. При всем своем цинизме, Лэйнг понимал, что после развода находится в опасной зоне: один неосторожный романчик, хоть с Шарлоттой Мелвилл, хоть еще с кем, и он рухнет в очередной брак. В высотку он переселился, чтобы избавиться от отношений — любых. Достаточно было присутствия сестры и воспоминаний о нервной матери — вдове доктора, постепенно сползающей в алкоголизм.

Однако Шарлотта решительно развеяла его страхи. Ее мысли были слишком заняты смертью мужа от лейкемии, благополучием шестилетнего сына и — как призналась она Лэйнгу — бессонницей, обычным недомоганием обитателей высотки, приобретшим характер эпидемии. Все жители, с которыми встречался Лэйнг, узнав, что он врач, рано или поздно сообщали, что плохо спят. На вечеринках бессонницу обсуждали также, как говорили о других недостатках многоэтажки. Ранним утром две тысячи жильцов накрывал тихий прилив снотворного.

Лэйнг познакомился с Шарлоттой в бассейне на 35-м этаже, где обычно плавал — чтобы по-быть одному и чтобы не сталкиваться с детьми, которые пользовались бассейном на 10-м. Приглашение в ресторан Шарлотта охотно приняла, но за столиком сразу сказала:

— Учтите, я только хочу поговорить.

Лэйнгу это понравилось.

Вечером, когда он появился в квартире Шарлотты, там был еще один гость, телевизионный продюсер Ричард Уайлдер. Коренастый, драчливый, бывший профессиональный регбист, Уайлдер жил с женой и двумя сыновьями на 2-м этаже. Шумные вечеринки, которые он устраивал с друзьями низкого пошиба — пилотами авиалиний и стюардессами-соседками, — уже сделали его героем многочисленных пересудов. В определенном смысле свободный график жителей низших уровней отрезал их от верхних соседей. Сестра Лэйнга однажды неосмотрительно шепнула ему, что где-то в высотке организован бордель. Алису беспокоили таинственные передвижения стюардесс, ведущих активную общественную жизнь, особенно на более высоких этажах; они словно каким-то образом нарушали естественный социальный порядок в здании, его иерархию, целиком основанную на номере этажа. Лэйнг замечал, что и он сам, и его знакомые гораздо спокойнее относятся к шуму или беспорядкам с верхних этажей, чем с нижних. Однако ему нравился Уайлдер, его громкий голос и таинственные манеры регбиста. Отношения Уайлдера с Шарлоттой Мелвилл не поддавались анализу. Неудивительно, что его жена, бледная молодая женщина со степенью магистра, писавшая для журналов рецензии на детские книги, всегда выглядела истощенной.

Лэйнг, стоя на балконе, принял бокал у Шарлотты; шум вечеринки наверху звенел в чистом воздухе, словно сами небеса проводили звук.

Шарлотта показала на осколок на балконе Лэйнга, ускользнувший от щетки.

— На вас напали? Я слышала, как что-то разбилось.

Потом она повернулась к Уайлдеру, который, развалившись по центру дивана, изучал собственные ноги:

— Это те самые, на 31-м этаже.

— Какие «те самые»? — спросил Лэйнг, решив, что речь идет о каких-то конкретных людях, о клике сверхагрессивных киноактеров или налоговых консультантов; а может, о кучке алкоголиков.

Шарлотта уклончиво пожала плечами, словно никаких пояснений не требовалось. В ее мозгу, несомненно, пролегала некая демаркационная линия, и она, как и Лэйнг, оценивала человека по этажу его квартиры.

— Кстати, что мы празднуем? — спросил Лэйнг, когда они вернулись в гостиную.

— А вы не в курсе? — Уайлдер показал на стены и потолок. — Фулл хаус — полный дом. Мы достигли критической массы.

— Ричард хочет сказать, что заселили последнюю квартиру, — объяснила Шарлотта. — А нам обещали дармовую вечеринку, когда продадут тысячную квартиру.

— Интересно, сдержат ли обещание... — Уайлдер явно с предубеждением относился к высотке. — Неуловимый Энтони Ройял должен был

предоставить выпивку. Вы, кажется, знакомы с ним, проектировщик нашего висячего рая.

— Мы только играем вместе в сквош, — пожал плечами Лэйнг. Уловив вызов в тоне собеседника, он добавил: — Раз в неделю; я его толком и не знаю.

Уайлдер, наклонившись вперед, уперся подбородком в кулаки. Лэйнг уже давно заметил, что продюсер постоянно себя трогает: поглаживает волосы на крепких икрах, обнюхивает тыльную сторону ладони, покрытую шрамами, — словно только что обнаружил собственное тело.

— Вы удостоены чести с ним общаться. Интересно, почему.

— У него квартира и пентхаус, — сказал Лэйнг. Он познакомился с успешным архитектором, когда тот восстанавливался после небольшой автокатастрофы. Ройял жил «на макушке» здания и вызывал всеобщее любопытство.

— Ройял вселился первым, — сообщил Уайлдер. — Есть в нем что-то мутное. Возможно, даже чувство вины — он болтается наверху, словно ждет, когда его найдут. Я думал, что он съедет еще несколько месяцев назад. У него молодая жена, чего торчать в этой прославленной многоэтажке?

Не успел Лэйнг возразить, как Уайлдер продолжил:

— Я знаю, что у Шарлотты есть сомнения по поводу жизни здесь — беда таких домов в том, что

они не приспособлены для детей. Единственное место для игр вдруг оказывается чьей-то стоянкой. Кстати, доктор, я планирую снять документальный фильм о высотках — пристально взглянуть на физическое и психологическое давление в подобных громадных кондоминиумах.

— Ну, материала у вас предостаточно.

— Больше, чем нужно. Интересно, захочет ли Ройял принять участие. Его мнение — как архитектора и первого жильца — будет интересно. И ваше тоже...

Шарлотта внимательно смотрела на Уайлдера, серьезно кивая. Лэйнгу импонировала ее готовность постоять за себя и за маленького сына, ее здравомыслие и благоразумие. Его собственная женитьба на коллеге — специалистке по тропическим болезням — оказалась недолгой и завершилась катастрофой. Он связал себя с честолюбивой женщиной-врачом, для которой его отказ бросить преподавание и отдаваться целиком профилактической медицине предоставил бесконечные возможности для ссор и пререканий. Они провели вместе всего полгода; потом она вступила в международную организацию помощи голодающим и на три года уехала. Лэйнг даже не подумал последовать за ней, не пожелал бросить преподавание и сомнительное удовольствие крутиться в среде студентов.

Близость и дистанция, одновременно представляемые высоткой жителям, ровный эмоциональный фон, на котором могли развиваться

самые интригующие отношения, интересовали Лэйнга сами по себе. Даже эта, с виду обычная, встреча в квартире Шарлотты наверняка организована, чтобы выяснить его мнение по поводу нового конфликта: жители верхнего уровня хотели запретить детям пользоваться бассейном на 35-м.

— Условия найма гарантируют равный доступ ко всем удобствам, — объяснила Шарлотта. — Родители решили создать инициативную группу...

— Тогда я не подхожу.

— Нам в комитете нужен врач. Педиатрические доводы из ваших уст, Роберт, будут звучать убедительнее.

— Ну, возможно... — Лэйнг не горел желанием записываться. И глазом не успеешь моргнуть, как окажешься персонажем острого документального телефильма или будешь пикетировать у кабинета управляющего зданием! Не желая вlipать в межэтажные распри, Лэйнг извинился и вышел. Шарлотта вооружилась списком жалоб и, сидя рядом с Уайлдером, начала помечать пункты, которые намеревалась обсудить с управляющим — так педантичный преподаватель планирует следующий семестр.

Когда Лэйнг вернулся в свою квартиру, вече-ринка на 31-м уже закончилась. Лэйнг стоял в тишине на балконе, наслаждаясь волшебной игрой света на стенах соседней высотки. Здание только что было достроено; по странному совпадению, первые жители там появились в то же утро, когда

в высотке Лэйнга появились последние. Мебельный фургон задом подавал к грузовому лифту — вскоре ковры и стереосистемы, туалетные столики и ночники помчатся по шахте лифта, чтобы сформировать чье-то личное пространство.

Думая о восторге и предвкушении, которые охватят жильцов, когда они впервые выглянут из своего гнездышка на склоне утеса, Лэйнг по контрасту вспомнил о только что слышанном разговоре Уайлдера с Шарлоттой Мелвилл. И с неохотой признал то, с чем не желал бы соглашаться. Прошедшие полгода были наполнены бесцельными спорами и постоянными стычками между соседями — по поводу сломанных лифтов и кондиционеров, необъяснимых отключений электричества, шума и мест на парковке, — в общем, по поводу кучи мелких недочетов, которые архитекторы будто нарочно предусмотрели в непомерно дорогих квартирах. Скрытое напряжение жильцов приглушалось отчасти цивильностью атмосферы здания, отчасти естественной необходимостью сделать этот громадный много квартирный дом успешным.

Лэйнгу пришло на память вчерашнее — мелкое, но неприятное — происшествие в вестибюле 10-го этажа. Он обналичивал чек в банке, когда у дверей бассейна разгорелась скора. Группа детей, еще мокрых после купания, отступала перед внушительной фигурой бухгалтера с 17-го этажа. Противостояла ему в неравной схватке Хелен Уайлдер. Драчливость мужа давно лишила жен-

щину последних капель уверенности. Прикрывая собой детей, она stoически выслушивала выговор бухгалтера, лишь изредка втискивая слабое замечание.

Разобравшись с кассиром, Лэйнг отправился к спорщикам — мимо очередей у касс супермаркета, мимо ряда женщин под сушуарами парикмахерской. Остановившись рядом с миссис Уайлдер, Лэйнг сумел разобрать, что бухгалтер жалуется на ее детей, в очередной раз пописавших в бассейн.

Он начал было возражать, однако бухгалтер шумно ретировался через крутящиеся двери, уверенный, что достаточно запугал миссис Уайлдер.

— Спасибо, что вступились, жаль, что со мной не пошел Ричард... — Миссис Уайлдер убрала с глаз влажную челку. — Это просто невозможно — мы ведь обговорили специальные часы для детей, а взрослые все равно приходят!

Она схватила Лэйнга за руку и нервно покосилась в сторону многолюдного вестибюля.

— Вы проводите меня до лифта? Понимаю, похоже на паранойю, но мне все время кажется, что на нас могут напасть... — Она поежилась под влажным полотенцем и подтолкнула детей вперед. — Как будто это не те люди, которые живут рядом с нами.

Вечером Лэйнг вспомнил последние слова Хелен Уайлдер. А ведь и правда. То и дело соседи — ортодонт с женой — выходили на балкон и хмурились на Лэйнга, не одобряя его манеру

загорать нагишом. Лэйнг пытался представить их общие привычки, разговоры, половую жизнь. Не получалось, словно Стилы — пара секретных агентов и лишь старательно изображают супругов. Вот Уайлдер был, наоборот, совершенно реален.

Лэйнг лежал в шезлонге, наблюдая, как опускаются сумерки. Из-за игры света соседние дома словно меняли размер. Порой, возвращаясь вечером из медицинского института, Лэйнг был уверен, что высотка за день ухитрилась подрасти. Стоя на бетонных опорах, сорокатажный дом казался выше, как будто группа рабочих с телестудии во время отгула случайно возвела лишний этаж. Пять многоквартирных домов по восточной стороне комплекса образовывали частокол, в сумерках уже погрузивший пригородные улицы в тьму.

Высотки бросали вызов самому Солнцу — Энтони Ройял со своими архитекторами, разрабатывая комплекс, не предусмотрели драму ежеутреннего столкновения бетонных плит со светилом. Солнце, как нарочно, появлялось из-за горизонта между опорами многоэтажек, словно опасаясь будить гигантов. Все утро Лэйнг из окна своего кабинета на верхнем этаже института наблюдал, как тени ползут через автостоянки и пустые площади комплекса — словно через шлюзы, открытые, чтобы впустить день. При всех сомнениях, Лэйнг первым готов был признать, что дома-гиганты одержали победу в попытке колонизировать небеса.

После девяти вечера сбой в электросети временно погрузил во тьму 9-й, 10-й и 11-й этажи. Вспоминая потом этот случай, Лэйнг не уставал поражаться — какую небывалую суматоху вызвали пятнадцать минут темноты. В вестибюле 10-го находились сотни две жителей, и некоторые получили травмы в давке у лифтов и дверей на лестницу. Много нелепых, но неприятных ссор разгорелось в темноте между теми, кто стремился спуститься в свои квартиры, и жителями верхних этажей, которые были убеждены, что спасаться нужно на прохладных высотах здания. Во время затемнения сломались два из двадцати лифтов. Система кондиционирования отключилась, и женщина, застрявшая в лифте между 10-м и 11-м этажами, закатила истерику — не стала ли она жертвой сексуального домогательства?!

Когда погас свет, Лэйнг направлялся в спортзал. Чтобы не угодить в кучу-мала в вестибюле, он укрылся в пустующем классе начальной школы. Сидя за миниатюрной партой, посреди еле видных детских рисунков, пришпиленных к стенам, он слушал, как дерутся и ругаются в лифтовом холле родители. Когда дали свет, Лэйнг вышел к возбужденным жильцам и попытался всех успокоить. Он помог проводить истеричку от лифта к диванчику в холле. Женщина — ширококостная жена ювелира с 40-го этажа — с силой вцепилась в руку Лэйнга и не отпускала его, пока не появился муж.

Когда толпа рассосалась и жители разошлись, стучав пальцами по кнопкам лифта, Лэйнг обнаружил, что двое детишек прятались во время аварии в другом классе. Теперь они стояли у входа в бассейн, сжавшись от страха перед высокой фигурой бухгалтера с 17-го этажа. Этот добровольный страж воды держал большой сачок с длинной рукояткой, словно причудливое оружие.

Сердитый Лэйнг побежал к ним. Но детей вовсе не гнали из бассейна; они глазели. Бухгалтер стоял у воды, неуклюже двигая сачком по спокойной поверхности. На глубоком конце бассейна три пловца, просидевшие в воде все время отключения света, вылезали на бортик. В одном из них Лэйнг узнал Ричарда Уайлдера.

Лэйнг взялся за рукоять сачка и под пристальными взглядами детей помог бухгалтеру дотянуться до цели.

В центре бассейна плавал труп афганской борзой.

2. ВЕЧЕРИНКИ

В дни после гибели борзой атмосфера перевозбуждения в высотке постепенно утихла, но доктору Лэйнгу такое сравнительное спокойствие казалось еще более зловещим. Бассейн на 10-м этаже оставался пустынным — вероятно, из-за страха перед заразой. Над застывшей водой клубились ощутимые миазмы, словно дух утонувшего животного.

Через несколько дней, собираясь утром в медицинский институт, Лэйнг заглянул в вестибюль 10-го этажа. Заказав карт для сквоша — они каждую неделю играли с Энтони Ройялом, — Лэйнг подошел ко входу в бассейн. Он припомнил панику и бегство во время отключения света. Сейчас, наоборот, супермаркет был почти пуст — единственный покупатель заказывал что-то в винном отделе. Лэйнг толкнул дверь и обошел вокруг бассейна. Кабинки для переодевания были закрыты, души закрывал занавес. Из комнатки за трамплинами куда-то ушел официальный смотритель, учитель физкультуры на пенсии. Явно не выдержал осквернения воды.

Лэйнг стоял на плиточном полу у глубокого конца бассейна под ровным сиянием ламп дневного света. То и дело от легкого содрогания высотки под порывами ветров по воде пробегала предостерегающая рябь — словно могучее существо сонно шевелится в таинственных глубинах. Лэйнг вспомнил, как помогал бухгалтеру доставать из воды афганскую борзую — и какой легкой она оказалась. Гламурный мех пропитался хлорированной водой, и собака лежала на цветных плитках, как громадный горностай. Ожидая, пока хозяйка, телеактриса с 37-го этажа, спустится и заберет труп, Лэйнг внимательно осмотрел собаку. Ни открытых ран, ни признаков связывания не было видно. Очевидно, животное сбежало из квартиры, зашло в проезжающий лифт и оказалось в торговом зале во время суматохи при отключении энергии, затем упало в бассейн и утонуло от изнеможения. Впрочем, такое объяснение не соответствовало фактам. Электричество отключалось не больше чем на пятнадцать минут, а собака такого размера в состоянии плавать часами. Или просто встать на задние лапы в мелком конце бассейна. Но вот если ее бросил в бассейн, а потом удерживал в темноте под поверхностью сильный пловец...

Лэйнг поразился своим подозрениям и еще раз обошел вокруг бассейна. Что-то подсказывало, что утопление собаки — провокация, попытка вызвать ответный шаг. Присутствие примерно пяти десятков собак в высотке давно служило

источником раздражения. Хозяева почти всех собак жили на десяти верхних этажах — и наоборот, почти все из пятидесяти детей обитали на десяти нижних. Хозяев не слишком беспокоили комфорт и спокойствие соседей по дому. Избалованные породистые любимцы громко лаяли на вечерней прогулке по автостоянкам и помечали проходы между машинами. Нередко двери лифта были забрызганы мочой. Лэйнг слышал, как жаловалась Хелен Уайлдер: вместо того, чтобы пользоваться пятью скоростными лифтами, поднимающимися из отдельного вестибюля к верхним этажам, владельцы собак привычно пересаживались на лифты нижнего уровня, поощряя питомцев использовать их в качестве уборных.

Такое соперничество между собачниками и родителями младших школьников уже в некотором роде раскололо высотку. Центральная масса квартир между верхними и нижними этажами — примерно от 10-го до 30-го — образовали буферное государство. На некоторое время после смерти афганской борзой в центральной части высотки воцарилось спокойствие, словно жильцы поняли, что происходит в здании.

Лэйнг обнаружил это, вернувшись вечером из института. К шести часам участки автостоянки, предназначенные для этажей с 20-го по 25-й, уже были забиты, из-за чего Лэйнгу обычно приходилось оставлять машину на гостевой площадке за триста ярдов от здания. Архитекторы вполне разумно выделили зоны стоянки так, что чем вы-

ше расположена квартира (и соответственно, чем дольше жильцу ехать на лифте), тем ближе к дому парковочное место. Жильцам с нижних этажей приходилось топать довольно далеко от машины и обратно. Лэйнг порой со странным чувством за ними наблюдал, — каким-то образом высотка подогревала самые низменные порывы.

В тот вечер Лэйнг, уже добравшийся до набитой парковки, удивился миролюбивому поведению соседей. Он подъехал в одно время с доктором Стилом. Им бы полагалось наперегонки рвануть к последнему свободному месту, а потом ехать на свой этаж на разных лифтах. Но сегодня вечером они с преувеличенной галантностью начали пропускать друг друга вперед, ожидая, пока припаркуется другой. Они даже вместе вошли в главный вход.

В вестибюле группа жильцов, обступив кабинет управляющего, шумно ругалась с секретарем. Электрику на 9-м еще не починили, и ночью этаж погружался во тьму. К счастью, было лето, и темнело поздно, однако пятидесяти жителям 9-го этажа приходилось туда. Аппаратура в квартирах не работала, а соседи этажом выше и этажом ниже быстро устали от гостеприимства.

Стил взглянул на толпу без сочувствия. Хотя ему не было и тридцати, вел он себя, как мужчина среднего возраста. Лэйнг залюбовался его безукоризненным пробором.

— Всегда они на что-нибудь жалуются, — сказал Стил, входя в лифт. — Не одно, так другое.

Словно не желают понять, что в новом здании эксплуатационные службы требуют времени для наладки.

— Все-таки остаться без электричества — серьезная неприятность.

Стил покачал головой.

— А не надо перегружать предохранители навороченными стереосистемами и ненужными электроприборами! Электронные няни — ведь мамочкам лениво выбираться из мягкого кресла, — специальные миксеры для детского питания...

Лэйнг еле дождался своего этажа — он уже жалел о новообретенной солидарности с соседом. Почему-то Стил его нервировал. И уже не в первый раз Лэйнг пожалел, что не приобрел квартиру выше 30-го этажа. Скоростные лифты — это счастье.

— Как по мне, дети вполне нормальные, — заметил он, выходя на 25-м.

Ортодонт придержал его за локоть — хватка оказалась железной — и многозначительно улыбнулся, сверкнув полированными зубами.

— Уж поверьте. Я видел их зубы.

Обвинительный тон Стила — он как будто описывал безответственную шайку рабочих-мигрантов, а не собственных состоятельных соседей — поразил Лэйнга. Он знал случайно нескольких жильцов с 9-го этажа — социолога, который дружил с Шарлоттой Мелвилл, и авиадиспетчера, который организовал струнное трио

с друзьями с 25-го этажа. Лэйнгу часто доводилось болтать с этим интересным и утонченным человеком, когда он ехал в лифте с виолончелью. Впрочем, издали очарование терялось.

Степень разобщения стала ясна Лэйнгу, когда он отправился играть в сквош с Энтони Ройялом. Он приехал на 40-й этаж, как обычно, на десять минут раньше, вышел на крышу и нагнулся над парапетом, приятно поежившись в легком спортивном костюме. От сильных воздушных потоков, поднимающихся вдоль фасада, приходилось ладонью прикрывать глаза. Крыши зрительных залов, изгибы дорожных насыпей, прямолинейные стены, образующие загадочные геометрические узоры, напоминали не жилую архитектуру, а кодированную схему таинственного психического события.

В пятидесяти футах слева была в разгаре коктейльная вечеринка. На двух сервировочных, накрытых белыми скатертями столах красовались подносы с канапе и стаканы; официант за портативным баром готовил напитки. Несколько минут Лэйнг не обращал на них внимания, рассеянно хлопая чехлом ракетки по парапету, затем что-то в звуках чересчур оживленной беседы заставило его обернуться. Несколько гостей смотрели на Лэйнга и явно говорили о нем. Вечеринка передвигалась в его сторону — до ближайших гостей оставалось футов десять. Это были сплошь жители трех верхних этажей. Особенно удивляла нарочитая формальность нарядов. Ни

разу Лэйнг не видел на вечеринках в высотке гостей не в повседневной одежде, а тут мужчины были в смокингах с черными бабочками, женщины — в вечерних платьях до пола. Держались все чопорно, словно пришли не на вечеринку, а на совещание по планированию.

На расстоянии протянутой руки над Лэйнгом нависла безукоризненная фигура состоятельного торговца произведениями искусства — лацканы смокинга колыхались, как усталые кузнечные мехи. С двух флангов его сопровождали две средних лет женщины — жена маклера фондовой биржи и жена светского фотографа; они неодобрительно уставились на белый спортивный костюм Лэйнга и его тенниски.

Лэйнг подхватил чехол для ракетки и сумку с полотенцем, однако путь к лестнице перегородили окружающие люди. Вся вечеринка смеялась, лишь официант одиноко торчал между баром и столиками.

Лэйнг перегнулся через парапет, впервые осознав громадное расстояние до земли. Его окружали тяжело дышащие соседи — они надвинулись так близко, что он чувствовал смесь ароматов дорогих духов и лосьона. Лэйнгу было любопытно — что именно они собираются делать; и в то же время он понимал, что в любое мгновение может состояться акт бессмысленного насилия.

— Доктор Лэйнг... дамы, пропустите, пожалуйста, доктора! — Похоже, в самый последний

момент раздался уверенный голос, принадлежащий знакомой фигуре с ловкими руками и легкой походкой. Лэйнг узнал ювелира, жену которого он осматривал во время отключения электричества. Ювелир поприветствовал Лэйнга, и гости постепенно отхлынули, как статисты, переходящие к другой сцене, бездумно вернувшись к напиткам и канапе.

— Я вовремя подоспел? — Ювелир взглядался в Лэйнга, словно удивляясь, как тот попал в частные владения. — Вы хотели поиграть в сквош с Энтони Ройялом? Боюсь, он решил отменить игру. — И, обращаясь уже не то к Лэйнгу, не то к себе самому, добавил: — Моя жена собиралась сюда. Вы знаете, с ней обошлись ужасно, словно звери...

Чуть дрожа, Лэйнг дошел с ювелиром до лестницы и обернулся на благовоспитанных гостей коктейльной вечеринки. Уж не придумал ли он сам неминуемое нападение? В конце концов, ну что они могли ему сделать — не бросить же через перила?

Продолжая размышлять, Лэйнг заметил знакомую блондинистую фигуру в белой охотничьей куртке — в пентхаузе, выходящем на северную сторону крыши, стоял Ройял, положив руку на гимнастический тренажер. У ног Ройяла лежала роскошная овчарка — вне всяких сомнений, главный пес в высотке. Ни капли не стесняясь, Энтони Ройял задумчиво разглядывал Лэйнга. На его лице, как обычно, застыла смесь высокоме-

рия и неуверенности, словно он слишком хорошо представлял встроенные недочеты громадного здания, которое помог создавать, и готов был невозмутимо выслушивать любую критику, даже с помощью некоторой театральности — вроде белой овчарки и белой охотничьей куртки. Светлые волосы до плеч придавали этому пятидесятилетнему мужчине необъяснимо юный вид, как будто прохладный воздух высот каким-то образом хранил его от обычного старения.

Лэйнг, которого ювелир торопливо вел вниз, приветственно помахал, но Ройял не отреагировал. Почему он не позвонил, чтобы отменить сквош?.. Выходит, нарочно хотел, чтобы Лэйнг оказался на крыше в разгар вечеринки, — посмотреть, что будут делать гости.

Наутро Лэйнг проснулся рано, полный сил. Он чувствовал себя отдохнувшим, однако почему-то решил взять отгул: позвонил секретарше в институт и отложил вечерние занятия. Когда она посочувствовала и пожелала скорого выздоровления, Лэйнг отмахнулся:

— Да я не болен. Просто... кое-что произошло.

Но что? Озадаченный собственным поведением, Лэйнг бродил по квартирке. Шарлотта Мелвилл тоже была дома, причем в деловом костюме, хотя выходить, похоже, не собиралась. Она позвала Лэйнга на кофе, когда через час он пришел, рассеянно протянула ему бокал хереса. Вскоре стало ясно: она позвала его, только чтобы

он осмотрел ее сына. Мальчик, по словам Шарлотты, неважко себя чувствовал и не хотел идти в школу на 10-м этаже. А младшая сестра жены пилота авиалиний с первого этажа отказалась с ним сидеть.

— Кошмар какой-то, всегда была такая отзывчивая, несколько месяцев я на нее полагалась. И как-то странно говорила по телефону — как будто увиливалась.

Лэйнг сочувственно слушал. Не хочет ли она, чтобы он посидел с ребенком? Нет, похоже, об этом и речи нет. Играя с мальчиком, Лэйнг понял, что тот вполне здоров. Сын попросил маму отпустить его вечером в детский сад на 3-м этаже. Шарлотта, не раздумывая, запретила. Как и Лэйнг, она ожидала чего-то дурного.

Долго ждать не пришлось. После обеда начались новые провокации между враждующими этажами, заработала дремлющая механика разрушений и вражды. Происшествия были довольно вздорные, но Лэйнг уже понимал, что они отражают глубинные антагонизмы, которые все чаще прорываются на поверхность. Многие поводы были очевидными — жалобы на шум и неправильную работу коммунальных систем, споры по поводу лучше расположенных квартир (подальше от лифтовых холлов и технических шахт). Примешивалась еще и мелкая зависть привлекательных женщин, считающих, что они достойны этажей повыше — в этом распространенном веровании

Лэйнг убедился лично. Во время отключения электричества восемнадцатилетняя жена модного фотографа с 38-го этажа подверглась в парикмахерском салоне нападению незнакомки. Видимо, в отместку на трех стюардесс со 2-го этажа напали несколько матрон с верхних этажей, под предводительством широкоплечей жены ювелира.

С балкона Шарлотты Лэйнг следил за развитием инцидентов. Стоять рядом с симпатичной женщиной, держа в руке бокал и ни о чем не думая, было приятно. Под ними, на 9-м этаже, в полном разгаре был детский праздник. Родители и не пытались приструнить своих отпрысков, а наоборот подзуживали шуметь вовсю. Через полчаса, подогретые спиртным, родители разошлись не хуже детей. Шарлотта заливисто смеялась, когда безалкогольные напитки рекой потекли вниз на машины, заливая крыши дорогих лимузинов и салоны спортивных авто.

За этим безудержным весельем наблюдали сотни жителей, высыпавших на балконы. Работая на публику, родители продолжали подзуживать детей, и вечеринка вскоре вышла из-под контроля. Пьяные дети расходились, с трудом волоча ноги. Высоко над ними, на 37-м, разъяренно закричала женщина-адвокат — кожаные сиденья ее спортивного кабриолета были залиты тающим мороженым.

В доме царила атмосфера карнавала. По крайней мере, формальное поведение высотки изменилось. Не выдержав, Лэйнг и Шарлотта

расхохотались и захлопали, как на представлении любительского цирка.

В тот день вечеринок было очень много. Обычно редко кто собирался не в выходные, однако сегодня, в среду, все были вовлечены хоть в какую-то пирушку. Телефоны звонили беспрестанно — Шарлотту и Лэйнга приглашали на шесть разных мероприятий.

— Мне нужно уложить волосы. — Шарлотта весело взяла Лэйнга за руку и почти обняла его. — А что именно мы празднуем?

Вопрос удивил Лэйнга.

— Бог его знает. Хотя вряд ли ожидаются веселье и игры.

Одно из приглашений и Лэйнг, и Шарлотта получили от Уайлдера — и оба отказались.

— А почему мы не пошли? — спросила Шарлотта, еще держа в руке трубку.

— Уайлдеры живут на втором, — объяснил Лэйнг. — Там действительно чересчур шумно...

— Роберт, это отговорки.

За спиной Шарлотты телевизор показывал новостной сюжет о попытке побега из тюрьмы. Звук был отключен; мелькали фигуры крадущихся надзирателей и ярусы забаррикадированных камер. Лэйнг подумал, что все жители высотки смотрят телевизор с отключенным звуком. Он видел это в приоткрытые двери соседских квартир, когда возвращался к себе. Впервые люди оставили входные двери открытыми настежь и свободно ходили друг к другу.

Впрочем, такая интимность ограничивалась только соседними квартирами, а в целом раскол высотки был налицо. Обнаружив, что остался без спиртного, Лэйнг спустился на лифте на 10-й этаж. Как он и ожидал, алкоголь шел на расхват — очередь жильцов начиналась снаружи магазина. Заметив недалеко от прилавка сестру Алису, Лэйнг попытался обратиться к ней. Она прогнала его — и принялась вдогонку решительно осуждать за сегодняшнюю глупость, почему-то связывая Лэйнга с виновными жителями нижних этажей и буйном Ричардом Уайлдером.

Пока Лэйнг дожидался очереди, какие-то жильцы с верхних этажей — нечто вроде карательной экспедиции — устроили скандал в бассейне. Среди жителей трех верхних этажей была и актриса, чья афганская борзая утонула в бассейне. Актриса и ее спутники начали хулиганить в воде, пить шампанское, лежа на надувных матрасах — в нарушение правил бассейна, — и брызгаться в тех, кто выходил из раздевалок. После тщетных попыток вмешаться, пожилой смотритель сдался и ушел к себе в комнатку за трамплинами.

Люди в лифтах толкались и пихались. Кнопки срабатывали не всегда, и шахты лифтов гудели от нетерпеливого стука в двери. Лэйнг и Шарлотта, направлявшиеся на вечеринку на 27-м, оказались прижаты друг к другу, когда в лифт, спустившийся до 3-го этажа, втиснулись три пьяных пилота — с бутылками в руках они уже полчаса пытались добраться до 10-го. Добродушно обхва-

тив Шарлотту за талию, один пилот чуть не затащил ее в маленький кинотеатр рядом со школой; раньше там показывали детские фильмы, а теперь крутили частные порнопрограммы, включая снятые явно здесь, с местными исполнителями.

Вечеринка на 27-м этаже, устроенная Адрианом Талботом, женоподобным, но симпатичным психиатром из их медицинского института, позволила Лэйнгу впервые за день расслабиться. Он обратил внимание, что все гости — из соседних квартир. Знакомые лица и голоса успокаивали. Все они, как сказал Лэйнг Талботу, словно из одной деревни.

— Наверное, точнее сказать — из одного клана, — ответил Талбот. — Население высотки во все не так однородно, как может показаться на первый взгляд. Скоро мы уже перестанем разговаривать с людьми за пределами нашего анклава. Сегодня бутылкой разбили ветровое стекло моей машины. Можно мне ставить ее подальше, рядом с вашими?

Дипломированный врач, Талбот имел право ставить машину в рядах у самого здания. Лэйнг, видимо, предвидя опасность сближения, не ответил. Просьбу психиатра быстро удовлетворили соседи — ни один член клана не мог уклониться от призыва к солидарности.

В отличие от большинства вечеринок в высотке, где воспитанные гости стоят и беседуют на профессиональные темы, здесь и вправду царило радостное оживление. Через полчаса почти

все женщины набрались — надежный показатель успешной вечеринки.

Однако Талбот в ответ на комплимент выразил сомнение:

— Да, мы веселимся, только связано ли это с хорошим настроением и чувством дружбы? Помоему, совсем наоборот.

— И вас это не тревожит?

— Почему-то меньше, чем следовало бы, — впрочем, как и всех.

Такое замечание насторожило Лэйнга. Слушая оживленные беседы вокруг, он поразился явной вражде к людям, живущим в других местах высотки. Злобный юмор, готовность поверить любым слухам и небылицам о тупости нижних жильцов или заносчивости верхних доходили просто до расизма.

Но, как и указал Талбот, Лэйнг обнаружил, что не слишком переживает по этому поводу. Он даже почувствовал гадкое удовольствие, подтверждая слухи и глядя, как обычно умеренная Шарлотта Мелвилл прикладывается к бутылке.

Однако в разгар вечеринки в лифтовом холле 27-го этажа произошел неприятный инцидент. Хотя было уже больше десяти вечера, весь дом гудел от гомона. Жильцы бродили по квартирам соседей, кричали на лестнице, как дети, отказывающиеся идти спать. Замученные безостановочным нажиманием кнопок, лифты замерли; банды нетерпеливых пассажиров заполонили холлы. Хотя их следующая остановка, вечеринка

у лексикографа на 26-м, ждала всего на этаж ниже, люди, покинувшие квартиру Талбота, наотрез отказались идти по лестнице. Даже раскрасневшаяся Шарлотта, радостно вцепившаяся в руку Лэйнга, присоединилась к бесчинствам в холле и барабанила в двери лифтов.

Когда лифт наконец пришел, там оказался единственный пассажир — узкоплечая молодая массажистка, живущая с мамой на 5-м этаже. Лэйнг немедленно узнал в ней одну из «беспризорниц», которых было много в высотке; скучающие в четырех стенах домохозяйки и запертые дома взрослые дочери большую часть времени проводили, катаясь на лифте и бродя по длинным коридорам громадного здания, бесцельно мигрируя в поисках перемен или развлечений.

Напуганная натиском пьяной толпы, девушка вышла из состояния задумчивости и нажала кнопку наугад. Нетвердо стоящие на ногах гости весело заухали. Девушку мигом вытащили из лифта и подвергли якобы шутливому допросу. Перевозбужденная жена статистика заорала на бедняжку страшным голосом, протиснула через ряды дознавателей руку и ударила по лицу.

Оторвавшись от Шарлотты, Лэйнг ринулся вперед. Соседи были похожи на статистов, исполняющих без репетиции сцену линчевания.

— Идемте, я провожу вас. — Обхватив девушку за худые плечи, он попытался направить ее к двери на лестницу, когда раздались про-

тестующие крики. Женщины, отпихнув мужей, принялись бить девушку по рукам и груди.

Сдавшись, Лэйнг отошел в сторону и смотрел, как бедняжку втянули в толпу и прогнали сквозь строй, подгоняя тумаками, лишь после этого позволив ускользнуть на лестничную площадку. Его привычное рыцарство и здравый смысл сдались перед этой ватагой ангелов мести среднего возраста. Осторожно, Лэйнг, горестно сказал он себе, а то какая-нибудь жена брокера запросто оскопит тебя — ей это как косточку из авокадо достать.

Продолжалась шумная ночь, с непрестанными хождениями по коридорам, криками и звоном битого стекла в лифтовых шахтах, с грохотом музыки в темноте.

3. СМЕРТЬ ЖИЛЬЦА

Безоблачное небо, скучное, как воздух над остывшей ванной, зависло над бетонными стенами и пандусами жилого комплекса. На рассвете после странной ночи Лэйнг вышел на балкон и посмотрел вниз на тихую парковку. В милю к югу река привычно текла прочь из города, но Лэйнг обшаривал взглядом весь пейзаж, словно ожидая найти кардинальные перемены. Завернувшись в халат, он погладил побитые плечи — на вечеринках физического насилия было вдоволь. Лэйнг погладил нежную кожу, потыкал пальцем в мышцы, словно искал иного себя, того физиолога, что поселился в тихой студии в этом дорогом доме полгода назад. Все шло не так. Из-за непрерывного шума Лэйнгу удалось поспать не больше часа. Сейчас дом затих, хотя последняя из сотни вечеринок, проходивших в высотке, завершилась всего пять минут назад.

Далеко внизу машины в первых рядах парковки были забрызганы разбитыми яйцами, вином и растаявшим мороженым. С десяток лобовых стекол были выбиты упавшими бутылками.

Несмотря на ранний час, человек двенадцать жильцов уже стояли на балконах, разглядывая скопившуюся у подножия утеса помойку.

Лэйнг приготовил завтрак и по рассеянности вылил кофе, даже не попробовав. С трудом он припомнил, что с утра занятия на кафедре физиологии. Внимание целиком поглощали события в доме, словно громадное здание существовало только в мыслях и могло исчезнуть, если о нем не думать. Тревожное воспоминание — банда немолодых женщин, напавших на юную массажистку, — и его собственная реакция — то, как он с готовностью убрался с дороги, — многое говорили о развитии событий.

В восемь часов Лэйнг отправился в институт. Пол лифта усыпали осколки стекла и пивные банки. Часть кнопочной панели была разбита с явной целью не дать нижним этажам угнать кабину. На автостоянке Лэйнг с тоской оглянулся на высотку, словно прощаясь с частичкой самого себя. В институте он шел по пустынным коридорам, с трудом узнавая кабинеты и аудитории. В операционных факультета анатомии группы студентов непрерывно ампутировали конечности, резали грудные клетки, головы и животы, к концу семестра превращая каждый труп в кучку костей и погребальную бирку — все это очень напоминало распад мира вокруг высотки.

Днем Лэйнг вел занятия, потом обедал с коллегами в столовой, но мыслями был далеко. Ему пришло в голову, что доминирующие жильцы,

лучше других готовые к жизни в высотке, это не буйные пилоты авиалиний и работники киностудий с нижних этажей и не вздорные и агрессивные жены преуспевающих налоговиков с верхних этажей. Хотя, на первый взгляд, именно эти люди провоцировали напряжение и вражду, настоящая ответственность лежала на тихих и сдержанных жильцах вроде ортодонта Стила и его жены. Высотка породила новый социальный тип — холодных бесчувственных людей, не подверженных психологическому давлению жизни в многоквартирном доме и не слишком жаждущих приватности. Этим жителям достаточно было просто сидеть в дорогущей квартире, смотреть телевизор с отключенным звуком и ждать, пока кто-то из соседей совершил ошибку.

Возможно, недавние инциденты — последняя попытка Уайлдера и пилотов восстать против такой логики развития? Увы, шансов на успех у них мало, а именно потому, что противостоят им люди, довольные жизнью в высотке, которых не оскорбляет безликий ландшафт из стали и бетона, не беспокоит вмешательство в личную жизнь правительственные учреждений и статистических служб; наоборот, они приветствуют такое вмешательство и используют его в своих интересах. Они процветают на быстрой смене знакомств, на отсутствии тесных связей между людьми; их устраивает изолированная жизнь. Ничего не ждешь — не испытываешь разочарования.

Впрочем, не исключено, что их истинные потребности проявятся позже. Чем скучнее и бесодержательнее становилась жизнь в высотке, тем больше открывалось возможностей. Высотка сняла необходимость подавлять антисоциальное поведение и позволила людям исследовать любые аномальные порывы и капризы. Защищенные раковиной высотки, словно пассажиры авиалайнера под управлением автопилота, жильцы могли вести себя как угодно, — так технология открывает двери перед действительно «свободной» психопатологией.

После обеда Лэйнг вздремнул в кабинете, переделал какие-то мелкие дела и, наконец, поехал домой: промчался мимо недостроенной телестудии, а дальше путь ему преградила колонна цементовозов, въезжающих на стройплощадку. Именно здесь пострадал в аварии Энтони Роял, когда на его машину наехал задом грейдер. Иронично — архитектор стал первой дорожной жертвой комплекса, который сам помогал проектировать.

Раздраженный задержкой, Лэйнг сердито вцепился в руль. Почему-то ему казалось, что в его отсутствие происходят важные события. Появившись в высотке в шесть, он пошел к Шарлотте Мелвилл, — та уехала из своего рекламного агентства сразу после обеда, беспокоясь о сыне.

— Не хочу оставлять его здесь одного, а на сиделок положиться нельзя. — Шарлотта налила

виски в стаканы, тревожно махнув графином, словно собираясь швырнуть его за перила. — Роберт, что происходит? Какой-то кризис? Я боюсь одна садиться в лифт.

— Да не так уж все плохо. — Лэйнг словно со стороны услышал собственный голос. — Беспокоиться не о чем.

Верил ли он сам, что жизнь идет своим чередом? Нарушений и беспорядков хватало с лихвой, даже в один вечер. Уже дважды детей с нижних этажей изгоняли из прогулочного сада на крыше. Это огороженное пространство с качелями, каруселями и игровыми скульптурами Энтони Рой-ял изначально предназначил для детей жильцов. Теперь сад был заперт на висячий замок, и всем детям давали от ворот поворот. Тем временем некоторые жены с верхних этажей заявляли, что подверглись насилию в лифте. Многие жители, отправляясь утром на работу, обнаружили, что у их машин спущены шины. Какие-то вандалы вломились в классы начальной школы на 10-м этаже и содрали со стен детские рисунки. Холлы пяти нижних этажей таинственным образом оказались завалены собачьими экскрементами; жильцы быстро загрузили их в экспресс-лифт и отправили обратно на последний этаж.

Лэйнг смеялся над этими рассказами, но Шарлотта забарабанила пальцами по его руке, словно пытаясь пробудить его.

— Роберт! Будьте серьезнее!

— Я серьезен.

— Вы грезите!

Лэйнг вдруг осознал, что эта разумная и мильовидная женщина не понимает сути. Он обхватил ее рукой, ничуть не удивившись, когда она в свою очередь яростно обхватила его. Не обращая внимания на маленького сына, Шарлотта прижалась к двери и потянула Лэйнга к себе, словно убеждая себя, что нашелся кто-то надежный.

Они целый час ждали, пока сын Шарлотты уснет, и все это время она не отрывала рук от Лэйнга. Но не успели они присесть на кровать, а Лэйнг уже знал, что их отношения — как иллюстрация парадоксальной логики высотки — не начнутся, а завершатся с первым сексом, который в прямом смысле отделит их друг от друга, а не соединит. В соответствии с тем же парадоксом, любовь и тяга, которые ощущал Лэйнг к Шарлотте, казались грубыми, а не ласковыми, — именно потому, что не имели никакого отношения к окружающему миру. Знаки, обозначающие любовь, сделаны из очень зыбких материалов — эротики и порока.

Когда Шарлотта уснула в вечернем свете, Лэйнг вышел из квартиры и отправился на поиски новых друзей.

В коридорах и лифтовых холлах толпились люди. Лэйнг переходил от одной группки к другой и прислушивался к разговорам. Стихийные митинги приобрели почти официальный ста-

тус — на этих форумах жители могли озвучить свои проблемы и мнения. Теперь недовольство было направлено на других обитателей, а не на саму высотку. Отказы лифтов списывали на жителей верхних и нижних этажей, а не на архитекторов или неэффективные службы.

Мусоропровод, которым Лэйнг пользовался со Стилами, снова забился. Попытки дозвониться до управляющего ничего не дали; тот был зален всевозможными жалобами и требованиями. Несколько его подчиненных уволились, а оставшиеся бросали все силы на поддержание лифтов и на попытки восстановить энергоснабжение 9-го этажа.

Вооружившись чем смог, Лэйнг отправился в коридор, чтобы прочистить мусоропровод. Стил немедленно пришел ему на помощь, принеся сложное устройство с нескольким лезвиями. Пока они работали, пытаясь одолеть свернутые в узел парчовые шторы, тормозившие колонну кухонных отходов, Стил по-дружески делился с соседом сведениями о верхних и нижних жильцах, повинных в перегрузе системы утилизации.

— У некоторых самые необычные отходы, иногда просто диву даешься. Хоть полицию нравов вызывай. Взять хотя бы косметолога с 33-го и еще этих двух, якобы рентгенологов, живущих вместе на 22-м. Странные девушки, даже по нынешним временам...

В какой-то степени Лэйнг был с ним согласен. Пятидесятилетняя хозяйка парикмахерского

салона и вправду бесконечно отделяла квартиру на 33-м и запихивала в мусоропровод старые тряпки и стройматериалы.

Когда колонна отходов густой лавиной сошла вниз, Стил взял Лэйнга за руку, обводя вокруг пивной банки на полу коридора.

— Я слышал, что на нижних этажах люди оставляют небольшие пакеты мусора у дверей квартиры... Зайдете выпить? Жена будет рада.

Несмотря на воспоминания о ссоре, Лэйнг без колебаний согласился. Как он и подозревал, в атмосфере крупной конфронтации все местные размолвки были забыты. Миссис Стил сутилась вокруг гостя с радостной улыбкой, как мадам вокруг первого клиента. Она даже похвалила музыкальный вкус Лэйнга — плохо изолированные стены не заглушали музыку. Лэйнг выслушивал яркие описания непрекращающихся отказов систем в здании и вандализма в лифтах и раздевалках при бассейне 10-го этажа. О высотке миссис Стил говорила, как о живой таинственной силе, присматривающей за людьми и наблюдающей за развитием событий. В таком видении был смысл: лифты, снующие вверх и вниз по длинным шахтам, напоминали работу сердечных клапанов; жители текли по коридорам, словно клетки — по сети артерий; огни в квартирах горели, как нейроны мозга.

Лэйнг смотрел сквозь тьму на залитые яркими огнями этажи соседней высотки и почти не замечал других гостей, сидевших в креслах вокруг

него, — диктора теленовостей Пола Кросланда и кинокритика Элеоноры Пауэлл — сильно пьющей рыжухи, которую Лэйнг часто видел в лифтах, когда она, в пьяном угаре, пыталась найти выход из здания.

Кросланд стал номинальным лидером их клана — местного скопления примерно в тридцать соседствующих квартир 25-го, 26-го и 27-го этажей. На завтра они планировали совместную продуктовую экспедицию в супермаркет 10-го этажа — так банда деревенских собирается на грязнуть в ничего не подозревающий городок.

Сидя на диване рядом с Лэйнгом, Элеонора Пауэлл таращилась на Кросланда, а тот напыщенно излагал предложения, как обезопасить свои квартиры. Время от времени Элеонора протягивала руку, словно собираясь подстроить изображение Кросланда — возможно, чуть подправить цвет розовых щек или убавить звук.

— У вас ведь квартира рядом с лифтовым холлом? — обратился к ней Лэйнг. — Вам нужно забаррикадироваться.

— Да с какой стати? У меня дверь всегда настежь. — На озадаченный вид Лэйнга она добавила: — Так веселее.

— Вы думаете, мы в душе веселимся?

— Разве нет? Вместе мы победим пустой лифт. Впервые в жизни — лет, пожалуй, с трех — не имеет значения, что мы делаем. И если подумать, это действительно очень интересно...

Элеонора склонила голову Лэйнгу на плечо. Он сказал:

— Что-то, похоже, не так с кондиционером... на балконе, наверное, воздух посвежее.

Держа Лэйнга за руку, Элеонора взяла свою сумку.

— Хорошо. Вы, доктор, стеснительный распутник...

Они дошли до балконной двери, и тут высоко над ними раздался звон разбитого стекла. Осколки мелькнули ножами в ночном воздухе. Большой неуклюжий силуэт пролетел в футах двадцати от их балкона. Элеонора испуганно ткнулась в Лэйнга. С земли донесся неприятный металлический лязг, как от столкновения автомобилей. Наступила полная тишина — действительно полная, подумал Лэйнг, какой высотка не слышала много дней.

Все высыпали на балкон; Кросланд и Стил уцепились друг за друга, словно каждый старался не дать другому сирануть через край. Прижатый к перилам, Лэйнг видел собственный балкон в пятнадцати футах и в немыслимый миг паники даже испугался: не он ли жертва. Вокруг люди, перегнувшись через перила, вглядывались через бинокли во тьму.

Далеко внизу, вдавленное в мятую крышу автомобиля в переднем ряду, лежало тело человека в вечернем костюме. Элеонора Пауэлл, с перекошенным лицом, отшатнулась от перил и про-

тиснулась мимо Кросланда. Лэйнг, одновременно пораженный и возбужденный, вцепился в металлический поручень. Почти на всех балконах громадного фасада теперь стояли люди; жильцы смотрели вниз, словно из лож громадной оперы под открытым небом.

Никто не подошел ни к разбитой машине, ни к вмятому в ее крышу телу. Лэйнг, глядя на порванный смокинг и лакированные туфли маленького размера, узнал в покойнике ювелира с 40-го этажа. Его очки лежали у переднего колеса машины; в невредимых хрустальных линзах отражались яркие огни высотки.

4. ВВЕРХ!

После смерти ювелира события продолжали стремительно развиваться в тревожном направлении. Ричард Уайлдер, живущий на двадцать четыре этажа ниже доктора Лэйнга и по этой причине гораздо сильнее ощущающий давление высотки, одним из первых понял в полной мере, какие происходят перемены.

Уайлдер три дня был в отъезде — снимал сцены для нового документального фильма о волнениях в тюрьме. Бунт заключенных в большой провинциальной тюрьме, широко освещаемый в газетах и на телевидении, дал возможность вставить в фильм острые кадры.

Уайлдер вернулся домой после обеда. Он каждый вечер звонил из гостиницы Хелен и делегатно расспрашивал о новостях, но она ни на что особенно не жаловалась. Тем не менее ее уклончивые ответы беспокоили Уайлдера.

Припарковавшись, он с трудом выбрался из машины и со своего парковочного места на краю автостоянки внимательно оглядел фасад громадного здания. На первый взгляд все бы-

ло спокойно. Сотни машин стоят на парковке ровными рядами. Этажи балконов поднимаются навстречу солнцу, за перилами пышно растут растения в горшках. На мгновение Уайлдеру даже взгрустнулось — всегда готовый к действию, он наслаждался перепалками прошлой недели, когда приходилось осаживать агрессивных соседей, особенно с верхних этажей, портивших жизнь Хелен и двум сыновьям.

Некоторый диссонанс вносило только разбитое большое окно на 40-м этаже, через которое несчастный ювелир отправился в последний полет. На крыше были два пентхауса — северный занимал Энтони Ройял, в южном жили ювелир с женой. Сломанную раму не заменили, и звездочка осколков напомнила Уайлдеру то ли тайнопись, то ли отметку на фюзеляже боевого самолета — знак убийства.

Уайлдер достал из машины чемоданчик и сумку с подарками для Хелен и сыновей. На заднем сиденье лежала кинокамера — Уайлдер планировал отснять несколько сот футов пилотных кадров для фильма о высотке. Необъяснимая гибель ювелира подтвердила его убежденность в том, что следует снять документальный фильм о жизни в высотке — и смерть ювелира может стать завязкой. Счастье, что Уайлдер живет в том же доме, что и покойник, — это придаст фильму биографические черты. Когда закончится полицейское расследование, дело передадут в суд, а большой вопросительный знак дурной славы

так и останется на том, что Уайлдер называл «этот дорогущий дом» или «этот висящий замок, распространяющий семена интриг и разрушений».

Подхватив багаж мускулистыми руками, Уайлдер пошел по стоянке к зданию. Его собственная квартира располагалась прямо над главным входом, и он ожидал, что Хелен выйдет на балкон помахать рукой — такая у них возникла небольшая компенсация за парковку на краю стоянки. Однако почти все жалюзи были опущены.

Прибавив шагу, Уайлдер добрался до первых рядов машин. И тут иллюзия порядка начала таять. Машины в первых трех рядах были усыпаны грязью; лощеные когда-то бока покрылись царапинами и вмятинами. Дорожку вокруг здания заваливали бутылки, банки и осколки — мусора было столько, словно онсыпался с балконов непрерывным потоком.

В вестибюле выяснилось, что два лифта не работают. В холле царила тишина, словно здание бросили. Офис управляющего был заперт, неразобранная почта лежала на плитках пола у стеклянных дверей. На стене, обращенной к лифтам, виднелась полустертая надпись — первая из ряда призывов и посланий, которые скоро покроют все доступные поверхности. Граффити отражали уровень образованности жильцов. Несмотря на проявленные живость ума и богатое воображение, искусные акrostихи, палиндромы и игривые непристойности, выполненные на стенах аэро-

зольными красками, превратились в разноцветное нечитаемое месиво — вроде дешевых обоев в прачечных и туристических агентствах.

Уайлдер с нарастающим нетерпением ждал в лифтовом холле, раздраженно колотя по кнопкам. Лифты не реагировали. Все они подвисли между 20-м и 30-м этажами и совершали только короткие перемещения. Подхватив багаж, Уайлдер зашагал к лестнице. В темном коридоре второго этажа он запнулся о пластиковый мешок, набитый мусором — тот лежал у двери его квартиры.

Войдя в прихожую, Уайлдер поначалу решил, что Хелен уехала, забрав сыновей. Жалюзи в гостиной были опущены, кондиционер не работал. Детские игрушки и одежда валялись на полу.

Мальчики спали у себя в комнате, тяжело дыша в спертом воздухе. На подносе между кроватями лежали остатки вчерашней еды.

Уайлдер прошел по гостиной к своей спальне. Жалюзи на одном окне были открыты, и солнечный свет ровным прямоугольником лежал на белой стене. Почему-то Уайлдер вспомнил камеру в психиатрическом крыле тюрьмы, которую снимал два дня назад. Хелен, полностью одетая, лежала на аккуратно застеленной кровати. Казалось, она спит, но когда Уайлдер двинулся по спальне, стараясь заглушить тяжелые шаги, Хелен подняла на него совершенно невозмутимый взгляд.

— Ричард... все в порядке, — спокойно сказала она. — Я не сплю — с тех пор, как ты вчера позвонил. Хорошо съездил?

Хелен собралась вставать, но Уайлдер удержал ее голову на подушке.

— Что с мальчиками?

— Ничего. — Она тронула руку мужа и успокаивающе улыбнулась. — Они хотели спать, и я разрешила. Все равно заняться больше нечем. Ночью очень шумно. Извини, что в квартире беспорядок.

— Плевать на квартиру. Почему мальчики не в школе?

— Школа закрыта — как ты уехал, они уже и не ходили.

— Почему? — Уайлдер, раздраженный пассивностью жены, сцепил пальцы больших рук. — Хелен, нельзя же целый день лежать! А сад на крыше? А бассейн?

— По-моему, они существуют только у меня в голове. Сложно объяснить... — Хелен показала на кинокамеру на полу у ног Уайлдера. — А это зачем?

— Мне нужно снять кое-что — для фильма о высотке.

— Еще один фильм про тюрьму. — Хелен не весело улыбнулась. — Я посоветую, с чего начать.

Уайлдер взял ее лицо в ладони, нашупал худые скулы, словно хотел убедиться, что тонкие косточки еще на месте. Нужно взбодрить ее. Семь

лет назад, когда он встретил Хелен во время работы на коммерческую телекомпанию, она — яркая и уверенная — была ассистентом продюсера; ее бойкий язычок пришелся по сердцу Уайлдеру. Если они не обнимались в постели, то без устали спорили. Сейчас, после двух сыновей и года жизни в высотке, Хелен замкнулась в себе, страстно отдавшись заботе о детях. Даже рецензирование детских книг ушло в прошлое.

Уайлдер принес Хелен рюмку ее любимого ликера. То, чему раньше он радовался, теперь вызывало беспокойство — Хелен перестала замечать его романы с холостячками высотки. Даже завидев флиртующего мужа, Хелен подходила, таща за собой сыновей, словно ей было уже все равно, куда его может завести своеенравный секс. Некоторые из этих молодых женщин — вроде телеактрисы, чью афганскую борзую Уайлдер утопил во время перебоя с электричеством, или ассистентки режиссера этажом выше — с Хелен подружились. Ассистентка, серьезная девушка, читающая Байрона в очередях за продуктами, работала на независимого продюсера порнофильмов — так, по крайней мере, спокойно сообщила мужу Хелен.

— Она должна запоминать сексуальные позы между дублями. Увлекательная работа — интересно, какое требуется образование и когда на пенсию.

Уайлдера это потрясло. Из дурацкой щепетильности сам он не пытался расспрашивать ас-

систентку. Занимаясь с ней любовью в ее квартире на 3-м этаже, Уайлдер иногда представлял, что она автоматически запоминает все объятия и сексуальные позы — на случай, если ее куда-то позвовут, — и может продолжить с того самого места с другим бойфрендом. Среди бесчисленных профессий обитателей высотки попадались очень неприятные.

Глядя, как жена цедит ликер, Уайлдер поглаживал ее худые бедра.

— Послушай, ты как будто ожидаешь конца. Мы все поправим и поведем мальчиков в бассейн!

Хелен покачала головой:

— Слишком много вражды. Она была и прежде, а сейчас прямо вырвалась наружу. Люди цепляются к детям — мне иногда кажется, сами этого не замечая. — Хелен села на краешек кровати, пока Уайлдер переодевался, и посмотрела в окно на соседние здания на фоне неба. — Вообще-то, это не жильцы виноваты. Это высотка...

— Знаю. Но когда полиция завершит расследование, все успокоится, вот увидишь.

— А что они расследуют?

— Конечно, смерть. Нашего прыгуна ювелира. — Уайлдер подобрал камеру и снял крышку с объектива. — Ты говорила с полицией?

— Не знаю. Я ни с кем не хочу встречаться. — Собравшись с силами, Хелен подошла к Уайлдеру. — Ричард, как ты смотришь на то, чтобы продать квартиру? Мы могли бы съехать. Серьезно.

— Хелен... — Смешавшись, Уайлдер взглянул на крохотную, но стойкую фигурку жены. Он снял штаны, словно выставляя широкую грудь и тяжелые чресла, чтобы самому убедиться в своем авторитете. — То есть сдаться, смириться с тем, что нас вышибли? И мы уже не вернем потраченных денег.

Хелен опустила голову и снова повернулась к кровати. Именно по ее настоянию полгода назад они переехали из первой квартиры в цокольном этаже. Тогда они всерьез подумывали совсем съехать из высотки, но Уайлдер уговорил Хелен остаться — хотя и сам не совсем понимал, почему. Прежде всего, он ни за что не признал бы провал своей попытки общаться на равных с соседями, смотреть в глаза самодовольным бухгалтерам и маркетологам.

Когда в комнату вошли сонные сыновья, Хелен заметила:

— А может, получится переехать повыше.

Брея подбородок, Уайлдер думал над последними словами жены. Хелен, разумеется, говорила о социальном лифте, о подъеме в «лучшее окружение» — подальше от низких «пригородов», поближе к приличным жилым районам, где-то между 15-м и 30-м этажами, с чистыми коридорами, где детям не придется играть на улице; где воздух напоен толерантностью и утонченностью.

Сам Уайлдер задумал другое. Слушая, как Хелен тихим голосом мурлычет с сыновьями, он

изучал свое отражение в зеркале и, подобно бойцу, выходящему на ринг, поглаживал мышцы живота. И душой, и телом Уайлдер почти наверняка был самым сильным мужчиной высотки, и его раздражало безволие Хелен. Он понимал, что не в состоянии справиться с такой пассивностью, и реагировал на нее в соответствии со своим воспитанием. Чрезмерно любвеобильная мать души не чаяла в сыне все его детство, которое она старалась продлить изо всех сил, и вселила в Уайлдера то, что он считал непоколебимой уверенностью в себе. Мать с отцом разошлись, еще когда Уайлдер был ребенком; второй раз мать вышла замуж за приятного, но тихого счетовода — шахматного фаната. Она полностью посвятила себя общению с упретым сыном. Встретив будущую жену, Уайлдер наивно полагал, что будет всю жизнь ухаживать за ней и обеспечит ей нескончаемый поток спокойствия и радости. Но, разумеется, как понимал Уайлдер теперь, люди не меняются, и, при всей непомерной уверенности в себе, он сам нуждается в уходе так же, как и прежде. Раз-другой, в первые годы брака, он пытался изобразить бедное дитя, как привык с мамочкой. Но Хелен не могла заставить себя обращаться с Уайлдером как с сыном. Любовь и забота были нужны ей меньше всего. Возможно, проблемы в высотке больше соответствуют ее подсознательным желаниям, чем она сама думает.

Массируя щеки, Уайлдер прислушивался к неровному гудению воздуха в трубе системы

кондиционирования за душевой кабинкой — воздух нагнетался с крыши дома, в тридцати девяти этажах над ними. Текущая из крана вода тоже проделала долгий путь от резервуара на крыше, по громадным внутренним колодцам, пронизывающим дом, как ледяные потоки пронизывают подземные пещеры.

Намерение снять документальный фильм было просчитанной попыткой договориться с высоткой, ответить на брошенный ею вызов — и победить. Уайлдер уже сознавал, что у него развилась сильная фобия. Он постоянно чувствовал непомерный вес бетона над головой, ему казалось, будто в его теле сходятся силовые линии, пронизывающие здание. Ночью, лежа рядом со спящей женой, Уайлдер часто выходил из неприятного сна и ощущал, как остальные 999 квартир давят на него через стены и потолок, выдавливая из груди воздух. Собственно, афганскую борзую он утопил не от нелюбви именно к этой собаке и не из желания насолить хозяйке, а чтобы отомстить за себя верхним этажам дома. Он схватил в темноте собаку, когда она свалилась в бассейн, и, поддавшись властному порыву, удерживал под поверхностью бьющееся тело, в каком-то странном смысле борясь с самой высоткой.

Уайлдер встал под душ, включил холодную воду на полную мощь и подставил ледяным струям грудь и пах. Он был настроен решительно, как скалолаз, достигший наконец подножия горы, на которую готовился взобраться всю жизнь.

5. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ГОРОД

Как бы ни планировал свое восхождение Уайлдер, какую бы ни выбрал дорогу к вершине, вскоре стало ясно, что при нынешнем уровне развала от высотки скоро мало что останется. Все, что можно, работало неправильно. Уайлдер помог Хелен прибраться в квартире, пытаясь вдохнуть жизнь в сонное семейство; он поднял все жалюзи и громко топал по комнатам.

Однако вдохнуть жизнь оказалось непросто. Каждые пять минут отключалась система кондиционирования, и в теплую летнюю погоду становилось душно. К зловонию они уже начали привыкать. По словам Хелен, ходили слухи, что верхние этажи нарочно сбрасывают в вентиляционные шахты собачье дерьмо. По открытому пространству между высотками комплекса кружили сильные ветры, набрасываясь на нижние этажи домов между бетонными опорами. Уайлдер открыл окна, надеясь впустить свежий воздух, но квартира вскоре забилась пылью и цементной крошкой. Серая пленка покрыла шкафы и полки.

Вечером, когда жители возвращались с работы, лифты поднимались набитые битком. Не работало уже три, а оставшиеся были переполнены нетерпеливыми жильцами, рвущимися на свой этаж. В открытую дверь квартиры Уайлдер наблюдал, как соседи отпихивают друг друга, словно сердитые шахтеры, рвущиеся из клети, и шагают мимо, прикрываясь портфелями и сумочками, как бронежилетами.

Повинуясь порыву, Уайлдер решил проверить свое право свободного прохода по зданию и доступа ко всем удобствам, особенно к бассейну на 35-м этаже и детскому саду скульптур на обзорной крыше. Взяв камеру, он со старшим сыном отправился на крышу. И сразу выяснилось, что скоростные лифты либо отключены на ремонт, либо застыли на верхних этажах с отжатыми дверями. К ним можно добраться только через частный отдельный вход, от которого у Уайлдера не было ключа.

Теперь еще сильнее желая добраться до крыши, он стал ждать промежуточного лифта, на котором можно было доехать до 35-го этажа. Когда кабина пришла, отец с сыном с трудом втиснулись в толпу; пассажиры смотрели вниз на шестилетнего мальчика с несомненной враждебностью. На 23-м этаже лифт отказался двигаться дальше. Пассажиры ломанулись из кабины, колотя портфелями по закрытым дверям лифтов в ритуальной демонстрации злобы.

Взяв сына на руки, Уайлдер пошел к лестнице; физически крепкий, он спокойно доберется до крыши пешком. Однако через два этажа лестницу преградила группа местных жителей — среди них был и молодой хирург-ортодонт, сосед Роберта Лэйнга. Уайлдер, подозревая, что эти люди виноваты в отказе системы кондиционирования, хотел пройти мимо, но его грубо остановил плечом мужчина, в котором он узнал диктора из конкурирующей телекомпании.

— Уайлдер, эта лестница закрыта? Разве неясно?

— Что? — Уайлдера озадачила такая враждебность. — Как это?

— Закрыта! И вообще, что вы тут делаете?

Чтобы не пугать сына, который и так уже здорово нервничал в гнетущей обстановке, Уайлдер вернулся к лифту и поехал вниз.

Стычка, хоть и мелкая, его расстроила. Не обращая внимания на Хелен, Уайлдер расхаживал по квартире, крутя в руках камеру. Он ощущал странное возбуждение — не только от планов на документальный фильм, но и из-за сгущающейся атмосферы столкновений и вражды.

Громадные здания ближайших высоток напоминали тюрьму Алькатрас. Материала об этих зданиях — и визуального, и социологического — было вдоволь. Они снимут высотки с вертолета и из соседних зданий с четырехсот ярдов; Уайлдер уже крутил перед мысленным взором медлен-

ный, секунд на шестьдесят, наплыv — от здания целиком до крупного плана одной квартиры, одной ячейки в этом кошмарном термитнике.

Первую часть фильма он посвятит жизни в высотке с точки зрения недочетов проекта и мелких жалоб, а во второй части рассмотрит психологию жизни двух тысяч людей, набитых в коробку посреди неба, — от здоровья жильцов, частых приступов бессонницы и других психосоматических расстройств до разводов и преступлений. Собранные за десятилетия свидетельства ставят под сомнение жизнеспособность высотки как социальной структуры, однако вопросы рентабельности в государственном жилищном строительстве и высокая прибыльность частного строительства продолжают тянуть эти вертикальные города в небо, не обращая внимания на реальные потребности людей.

Психология жизни в высотках проявилась с обличающей ясностью. Например, все исследования подтверждали, что жители высоток не создают анекдотов про себя. Строго говоря, жизнь в этих домах была «бессобытийной». По собственному опыту Уайлдер знал, что жизнь в высотке требует уступчивости, гибкости и даже, возможно, определенного сумасшествия. Психутут раздолье. Вандализм подтачивал панельные башни с самого начала. Каждая оторванная телефонная трубка, каждая ручка, свинченная с двери пожарного выхода, каждый разбитый электро-

счетчик означает восстание против оболванивания.

С виду однородное сборище благополучных профессионалов раскололось на три явно враждебных лагеря. Старые социальные деления на основе власти, капитала и своекорыстия здесь, как и везде, обрели новую форму.

В целом высотка сразу разделила себя на три классические социальные группы — низший, средний и высший классы. Торговый центр 10-го этажа образовал ясную границу между нижними девятью этажами, жилищем «пролетариата» — работников киностудий, стюардесс и прочих, — и средней секцией высотки, простирающейся от 10-го этажа до бассейна и ресторана на 35-м. Центральные две трети высотки населял средний класс: врачи и юристы, бухгалтеры и налоговики, работающие не сами на себя, а в больших корпорациях. Высокоморальные и дисциплинированные, они были едины в стремлении сохранить свое второе место.

Над ними, на пяти верхних этажах, обитал высший класс, скромная олигархия второстепенных магнатов, промышленников и телеактрис, со скоростными лифтами, коврами на лестницах и вышколенной прислугой. Именно они задавали образ жизни. На их жалобы реагировали в первую очередь, они решали, когда пускать детей в бассейны и сад на крыше, какие блюда подавать в ресторане и за какие цены — недо-

ступные никому, кроме них самих. И главное, именно их мягкий присмотр удерживал средний класс в узде — манящей морковкой дружбы или одобрения.

Мысль об этих эксклюзивных жителях, настолько вознесшихся выше его в своих цитаделях, насколько феодал был выше крепостного, все больше наполняла Уайлдера нетерпением и обидой. Однако организовать какую-либо контр-атаку представлялось маловероятным. Несложно играть роль вождя народа и говорить от лица соседей по нижним этажам, но им недоставало единства и понимания своей выгоды; им не сравняться с дисциплинированными профессионалами центральной секции высотки. Они были тихи и беззаботны, склонны терпеть непомерные издевательства — до тех пор, пока не настанет момент просто сбрать вещи и съехать. Коротко говоря, инстинкт своей территории у обитателей нижних этажей, в психологическом и социальном смысле, атрофировался до такой степени, что они были полностью готовы к употреблению.

Чтобы сплотить соседей, необходимо все-лишь в них чувство единства. Документальный фильм — самое оно; это нечто им понятное. Фильм вскроет все обиды, подчеркнет злоупотребления верхних этажей. Возможно, придется даже немного преувеличить беды, чтобы раздуть напряжение.

Однако вскоре Уайлдер обнаружил, что рамки его фильма уже очерчены.

Горящий желанием отомстить, он все же решил избавить жену и детей от своего бесконечного хождения по квартире. Кондиционеры теперь работали только по пять минут в час, и к сумеркам в квартире стало душно и сырое. С балконов над головой несся шум разговоров и магнитофонов, работающих на полную мощность. Хелен подошла к закрытым окнам и беспомощно прижала ладони к щеколдам, словно пытаясь оттолкнуть ночь.

Уайлдер, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы помочь жене, схватил полотенце и плавки и отправился в бассейн 10-го этажа. Позвонив нескольким соседям с нижних этажей, он убедился, что они готовы участвовать в съемках; теперь нужны участники с верхних и средних этажей высотки.

Неработающие лифты еще не починили, и Уайлдер вышел на лестницу, которую «верхние» превратили в мусоропровод. Осколки стекла на ступенях скрипели под ботинками.

Торговый центр был полон людей — они двигались по кругу и в полный голос болтали, словно дожидались начала политического съезда. В бассейне, обычно пустынном в такой час, дурачились посетители — сталкивали друг друга в воду с бортиков. Смотритель оставил свой пост, и бассейн выглядел беспризорным; брошенные полотенца мокли в лужах.

В душе Уайлдер увидел Лэйнга. Доктор отвернулся, но Уайлдер, не обратив внимания, встал

под соседний душ. Они обменялись ничего не значащими фразами. Уайлдеру всегда нравилась компания Лэйнга, провожавшего острым глазом любую проходящую красотку, но сегодня доктор держался неприветливо. Как и на всех вокруг, на него подействовала атмосфера конфронтации.

— Полиция уже приехала? — спросил Уайлдер, перекрывая шум, по дороге к трамплинам.

— Нет, а вы их ждете? — Лэйнг, похоже, искренне удивился.

— Они ведь должны опросить свидетелей. Что произошло на самом деле? Беднягу ювелира столкнули? У него крепкая жена — может, захотела быстрого развода?

Лэйнг терпеливо улыбнулся, словно именно от Уайлдера ожидал подобного сомнительного замечания.

— Я ничего не знаю об этом несчастном случае. Или самоубийстве. А вас это сильно волнует?

— А вас нет? Очень странно: человек выпадает из окна сорокового этажа — и не проводится никакого расследования...

Лэйнг поднялся на вышку. Уайлдер заметил, что у него отлично накачанное тело — похоже, в последнее время он активно упражняется.

Лэйнг ждал, пока в переполненном бассейне очистится участок воды.

— Полагаю, его соседи обо всем позаботятся.

Уайлдер повысил голос:

— Я задумал документальный фильм, и смерть ювелира станет завязкой.

Лэйнг, неожиданно заинтересовавшись, решительно помотал головой.

— Я бы на вашем месте про все это забыл. — Он толкнулся от края доски, сделал два оборота и четко, чисто вошел в желтоватую воду.

Плескаясь в одиночестве на мелком конце бассейна, Уайлдер смотрел, как Лэйнг и его друзья ныряют на глубоком конце. В прежние времена Уайлдер присоединился бы к ним, тем более что там были две привлекательные женщины — Шарлотта Мелвилл, которая несколько дней уже не появлялась на собрании родительской ассоциации, и начинающая алкоголичка Элеонора Пауэлл. Однако Уайлдера явно из компании исключили. Об этом говорило и обращение по фамилии, обозначающее дистанцию, и расплывчатые замечания по поводу смерти ювелира, и потеря интереса к фильму — а ведь именно одобрение Лэйнга в свое время подвигло Уайлдера на предварительный сценарий. Видимо, доктор, человек закрытый, не хотел видеть на телезрекранах страны коллективное безрассудство жильцов, их детские дрязги и обидки.

Или тут действуют иные мотивы — например, нежелание сознавать, что на самом деле происходит в высотке? Даже Хелен, разговаривая вечером по телефону с мамой, говорила уклончиво: «Все хорошо. С кондиционерами что-то не так, но ужечинят».

Растущее сопротивление реальности не удивляло Уайлдера. Решение считать хаос в высотке

внутренним делом жильцов объясняло загадку смерти ювелира. По меньшей мере тысяча людей видели тело. Кто-нибудь вообще сообщил в полицию? Сначала Уайлдер счел это само собой разумеющимся, однако теперь уже сомневался. С трудом верилось, что такой разумный и влиятельный человек совершил самоубийство. И все же это никого не беспокоило — возможность убийства принималась так же, как посетители бассейна принимали винные бутылки и пивные банки, катающиеся по полу под ногами.

Вечером размышления Уайлдера уступили место более насущным нуждам — борьбе за сохранение рассудка. Уложив детей, они с женой сели ужинать; внезапное отключение электричества погрузило их во тьму. Сидя за обеденным столом друг напротив друга, они слушали непрекращающийся шум в коридоре — в лифтовом холле спорили соседи, из открытых дверей квартир орали транзисторы.

Хелен вдруг засмеялась.

— Дик, это просто громадная детская вече-ринка, вышедшая из-под контроля.

Жена пыталась успокоить Уайлдера. В комнате, чуть освещенной призрачным светом окон ближайшей высотки, ее худое лицо казалось не-реально спокойным, отстраненным, словно она больше не ощущала себя частью происходящих событий.

Сдерживая раздражение, Уайлдер застыл над столом в темноте. Его подмывало стукнуть кулаком по тарелке с супом. Когда дали свет, он попытался позвонить управляющему, но коммутатор был глухо занят. В конце концов автоматический голос сообщил, что управляющий болен и что жалобы будут записаны и в дальнейшем рассмотрены.

— Господи, придется ему все записи прослушивать — там, наверное, мили пленки...

— Думаешь? — Хелен хихикнула. — А может, остальным все равно. Ты единственный.

Сбой электрической системы повлиял и на кондиционеры. Из вентиляционных отверстий в стене повалила пыль. Словно громадный и агрессивный злоумышленник, высотка была готова использовать любые средства, чтобы досадить людям. Уайлдер попробовал заткнуть вентиляционные решетки, но через несколько минут ему пришлось спасаться на балконе. Соседи свешивались через перила, устремляя взоры на крышу, словно надеясь разглядеть виновных.

Оставив жену бродить по квартире и улыбаться завиткам пыли, Уайлдер вышел в коридор. Все лифты скопились в верхней секции здания. Множество соседей собрались в лифтовом холле — они ритмично колотили по дверям лифта и выражали недовольство непрерывными провокациями со стороны жителей верхних этажей.

Уайлдер протолкался к центру холла, где два пилота, стоя на кушетке, набирали добровольцев в диверсионную группу. Уайлдер ждал своей очереди, пытаясь привлечь внимание пилотов, пока не разобрал из возбужденных выкриков, что цель экспедиции — всего лишь попасть в бассейн 35-го этажа и публично помочиться в воду.

Уайлдер хотел было объяснить, что такая детская выходка ничем не поможет; пока не удастся организоваться, любая карательная экспедиция абсурдна — они слишком открыты для ответного удара. Однако в последний момент передумал. Он стоял у дверей на лестничную площадку, чувствуя, что уже не так предан этой толпе неуравновешенных жильцов, подбивающих друг друга на глупые поступки.

Раздался ликийющий возглас, а потом дружный свист. С 35-го этажа пошел вниз лифт; номера этажей загорались справа налево. Ожидая, когда придет кабина, Уайлдер думал о Хелен и сыновьях — он уже понимал, что его решение порвать с соседями никак не связано с чувствами заботы о жене и детях.

Лифт достиг 2-го этажа и остановился. Двери открылись, и внезапно все затихли. На полу кабины лежал избитый сосед Уайлдера, авиа-диспетчер-гомосексуалист, привыкший обедать в ресторане 35-го этажа. Толпа подалась назад, пораженная свидетельством явного насилия. Кто-то сказал, что 5-й и 8-й погружены во тьму...

6. НА УЛИЦАХ НЕБА ОПАСНО

Весь день Ричард Уайлдер готовился к восхождению. После шумной ночи, когда пришлось постоянно успокаивать сыновей и хихикающую жену, Уайлдер отправился в телестудию. Там он отменил назначенные встречи и сказал секретарше, что его несколько дней не будет. Уайлдер не замечал ни озадаченного взгляда секретарши, ни любопытства коллег из соседних офисов — а ведь он побрил только левую половину лица и со вчерашнего дня не переодевался. Утомленный, он недолго вздремнул за столом, уткнувшись в неразобранные письма, собрал портфель и вернулся в высотку.

Короткая отлучка показалась ему почти сном — настолько была нереальна. Уайлдер оставил машину на парковке, даже не заперев, и с чувством облегчения поспешил домой. Мусор, наваленный у стен здания, пустые бутылки и перепачканные машины с разбитыми лобовыми стеклами странным образом укрепили уверенность Уайлдера, что настоящее в его жизни происходит только внутри высотки.

Хоть и было уже больше одиннадцати, Хелен и дети еще спали. Мебель в гостиной и спальнях покрылась пленкой белой пыли, словно прошли века. На ночь Уайлдер блокировал кондиционеры, и в квартире сейчас не было ни движения, ни звука. Жена лежала на кровати в окружении детских книжек, которые рецензировала. Зная, что через несколько часов покинет ее, Уайлдер пожалел, что она так слаба и не сможет пойти с ним.

Пытаясь сосредоточиться на восхождении, он начал прибираться в квартире. Выйдя на балкон, подмел осколки и окурки, презервативы и обрывки газет, нападавшие с верхних этажей. Сейчас уже и не вспомнить, когда ему пришло в голову совершить восхождение; что там делать, на верху, Уайлдер тоже понятия не имел. Впрочем, он прекрасно сознавал несоответствие обычного подъема на крышу — всего-то и нужно нажать кнопку лифта — и мифологической версии этого восхождения, сидящей у него в голове.

В лифтовом холле он узнал последние слухи. Утром произошла серьезная стычка между жильцами 9-го и 11-го этажей. Холл 10-го теперь превратился в ничейную землю между враждующими сторонами — девятью нижними этажами и средней секцией здания. Рост агрессии и насилия никого не удивлял. Будничные дела — походы в супермаркет, винный магазин и парикмахерский салон — продолжались, как и прежде. Высотка словно приняла эту двойную логику. Даже о вспышках насилия соседи рассказывали

спокойно и буднично, как жители разоренного войной города обсуждают очередной воздушный налет. Впервые Уайлдер подумал, что людям нравятся бесконечные поломки и растущее противостояние. Все это сплачивало их, положив конец холодной изоляции прошлых месяцев.

После обеда он играл с сыновьями и ждал вечера. Хелен бесшумно двигалась по квартире, ничего вокруг не замечая. После вчерашнего припадка неудержимого смеха ее лицо застыло бесчувственной маской, лишь изредка дергались уголки губ. Уайлдер глядел на жену и, не зная, как помочь ей, почти поверил, что это она покидает его, а не наоборот.

Когда начали стущаться сумерки, с работы стали возвращаться жильцы. Одной из первых вышла из машины Джейн Шеридан. Полгода назад Уайлдер замутил с актрисой романчик — а ведь тогда добрался до 37-го!.. В ее квартире Уайлдера не оставляли мысли об огромном расстоянии до земли, о жене и детях, оставшихся в далеких глубинах, — будто подневольные женщины и измученные работой дети девятнадцатого века. Глядя в экран телевизора во время занятий любовью в спальне актрисы, Уайлдер ощущал себя высоко над городом в шикарном частном авиалайнере, оборудованном будуаром и коктейль-баром. Они и разговаривали, как незнакомцы в соседних креслах самолета.

Актриса прошла через частный вход к лифтам верхних этажей, словно не замечая битые бу-

тылки и пустые банки. Поездка к ней в квартиру вознесет Уайлдера, как лестница в настольной игре, почти на вершину здания, одним броском игральной кости.

Хелен укладывала мальчиков. Она придвигнула к их кроватям гардероб и туалетный столик, надеясь защитить от шума и волнений ночи.

— Ричард, ты уходишь?..

В этот момент она выглянула на мгновение из глубокого внутреннего колодца, ощущив, что остается с сыновьями сама по себе.

Уайлдер ждал, когда наступит этот миг озарения; он знал, что не сумеет объяснить жене взятую на себя миссию. Хелен молча сидела на кровати, положив руку на стопку детских книг, и безучастно смотрела в зеркало, как Уайлдер выходит в коридор.

Вскоре Уайлдер выяснил, что подняться на 37-й этаж — не так просто, как ему думалось. Пять лифтов или не работали, или застряли на верху с отжатыми дверями.

В лифтовом холле 2-го этажа столпились соседи Уайлдера — кто в деловых костюмах, кто в купальных халатах — и спорили, как раздраженные туристы, застигнутые валютным кризисом. Уайлдер протиснулся к лестничной площадке и начал долгое восхождение на 10-й этаж, где было больше шансов поймать лифт наверх.

Добравшись до 5-го этажа, Уайлдер повстречал с десяток пилотов — экспедиционный кор-

пус, возвращающийся из бесславного похода. Злые и трясущиеся, они кричали что-то людям, которые глумились над ними с верхних площадок. Выход в холл 10-го этажа был заблокирован столами и стульями — их притащили из начальной школы и побросали в лестничный пролет. Десант из родителей учеников школы, который попытался вернуть мебель на место, был затравлен жителями средней секции, нетерпеливо ожидающими завоза в винный магазин.

Уайлдер двинулся дальше. Противоборствующие группы на 10-м уже разошлись. Под ногами хрустели карандаши и мелки. В зале торгового центра сотни жителей распихивали друг друга, столпившись среди полок с вином и полок с моющими средствами; сетчатые тележки сплелись в проволочную стену. Грозные голоса перекрывали звяканье касс. А в стороне от этого столпотворения женщины в парикмахерском салоне сидели рядком под сушуарами и бесстрастно листали журналы. Два кассира вечерей смены в банке невозмутимо считали купюры.

Отказавшись от попытки пересечь холл, Уайлдер пошел к пустынному бассейну. Уровень воды понизился больше чем на шесть дюймов, словно кто-то воровал желтоватую жидкость. В центре вокруг пустой бутылки из-под вина полоскались пачки сигарет и размокшие сигарные окурки. Под вышками в воде лениво колыхалась газета; еле различимый заголовок казался посланием из другого мира.

В холле 10-го этажа толпа жильцов нетерпеливо льнула к дверям лифтов, держа в руках коробки со спиртным и упаковки деликатесов — запас для буйных вечеринок. Уайлдер вернулся на лестницу. Где-нибудь наверху пассажиры выйдут из лифта, и освободится место для него.

На лестнице было пусто — чем выше жил человек, тем неохотнее пользовался лестницей, словно она его унижала. Поднимаясь наверх, Уайлдер бросил взгляд в окно на стоянку, не видную с нижних этажей. Вдали через темнеющий пейзаж протянулась река — дорожный знак, указывающий на забытый мир.

Повернув на последний марш лестницы к 14-му этажу, пробираясь между выброшенными банками и сигаретными пачками, он почувствовал наверху движение, остановился и поднял взгляд; дыхание гулко раздавалось в тишине. Над головой в воздухе крутнулось кухонное кресло, брошенное противником тремя этажами выше. Стальное кресло ударилось о перила и, задев правое плечо Уайлдера, рухнуло вниз.

Он припал к ступенькам под защитой лестничного выступа и потер ушибленное плечо. Наверху его поджидали трое или четверо, угрожающие постукивая дубинками по металлическим перилам. Сжав кулаки, Уайлдер осмотрелся в поисках оружия. Сперва им овладело желание броситься вверх по лестнице и отомстить. С его-то физической формой он обратит в бегство рас-

полневших финансовых директоров и юрисконсультов, отправленных на подвиги женами. Тем не менее Уайлдер сдержал себя, отказавшись от лобовой атаки; он достигнет вершины, но только хитростью, а не грубой силой.

Дверь в лифтовый холл 13-го этажа была заперта на засов. Человек с хмурым лицом резко махнул ухоженной ладонью — прочь!

Спускаясь на 10-й, Уайлдер обнаружил, что все двери холлов заперты или забаррикадированы. Пришлось вернуться в торговый центр. Громадная толпа еще ожидала лифтов — явно разделившись на группы с разных этажей; и каждая нацелилась на свой лифт.

Полки супермаркета были пусты; персонал, заперев турникеты, разошелся. Уайлдер перескочил кассовый пункт и направился к складскому помещению в конце зала. За пирамидами пустых коробок прятался один из трех основных узлов высотки — грузовой лифт и водный, воздушный и электрический стояки.

Уайлдер подождал неторопливо спускающегося грузового лифта. В кабине размером с подъемник транспортного самолета можно было возить кухонные гарнитуры, ванны и громадные поп-артовые и абстракционистско-экспрессионистские картины, столь ценимые жителями верхних этажей. Отодвинув стальную решетку, Уайлдер увидел съежившуюся у панели управления узкоплечую молодую женщину. Бледная

и отошавшая, она все же взглянула на Уайлдера с интересом, словно рада была пригласить его в свои владения.

— Вам на какой? Выбирайте на вкус. Я поеду с вами.

Уайлдер узнал массажистку с 5-го этажа, одну из «беспрizорниц».

— Отлично, как насчет 35-го?

— На 30-м люди приятнее. — Она привычно нажала кнопку, приводя в движение тяжелые двери. Через пару секунд лифт грунно повлек их наверх. Юная массажистка ободряюще улыбнулась Уайлдеру — движение словно разбудило ее. — А если захотите выше, я провожу. Знаете, там полно вентиляционных шахт. Вот только туда пробрались собаки — они голодают...

Через час, когда Уайлдер вышел в щедро устланный коврами холл на 37-м этаже, он осознал, что открыл новый мир внутри знакомого здания. Путешествуя с юной массажисткой кружными путями — на втором грузовом лифте до 28-го, потом вверх и вниз путанными коридорами на границе враждебных анклавов, до лифта верхнего уровня, чтобы подняться еще выше, — Уайлдер увидел, как обустроились средний и верхний уровни здания.

Если соседи по нижним этажам оставались разрозненной толпой, объединенной только чувством беспомощности, то здесь возникли местные группы по тридцать соседних квартир,

неформальные кланы, пронизывающие два-
три этажа и связанные коридорами, холлами
и лифтами. Создавались комитеты безопасно-
сти, воздвигались барьеры, блокировались по-
жарные выходы, мусор сбрасывали в лестнич-
ные пролеты или сваливали на вражескую терри-
торию.

На 29-м Уайлдер попал в коммуну женщин, которой заправляла пожилая детская писательница, дама устрашающих размеров и силы духа. С ней в квартире поселились три стюардессы с 1-го этажа. Уайлдер робко шел по коридору мимо квартир, радуясь, что его сопровождает юная массажистка. Из приоткрытых дверей их злобно окликали — не только потому, что он мужчина, но и потому, что он, очевидно, пытался подняться на уровень выше их.

Уайлдер с облегчением вышел в пустынный холл 37-го этажа и настороженно замер, — холл не охранялся. Видимо, жильцы и не подозревали, что творится у них под ногами, надежно изолированные толстыми коврами.

Уайлдер пошел к квартире Джейн Шеридан. Ночь он проведет с ней. Завтра он поселится здесь насовсем, а Хелен и мальчиков навестит по пути в студию.

Нажав кнопку звонка, Уайлдер услышал за дверью сильный голос Джейн, знакомый по бесчисленным костюмированным теледрамам. Наконец дверь приоткрылась. Джейн посмотрела на него напряженно, как зритель, вынужденный

смотреть на обреченного. Уайлдер вспомнил, что выдал свою цель группке женщин-бродяг.

— Уайлдер... я не могу сейчас...

Распахнулась дверь соседней квартиры. На пришельца с неприкрытой враждебностью уставились налоговик с 40-го этажа и очень мускулистый хореограф, с которым Уайлдер не раз перекидывались набивным мячом в спортзале 10-го этажа.

Сообразив, что все эти люди его поджидали, Уайлдер повернулся прочь, но коридор оказался заблокирован. Из лифтового холла выскочили шестеро — в спортивных костюмах и белых кедах; и у каждого в руках была полированная бита. Возглавлял эту немолодую, но бодрую труппу — из биржевого маклера, двух педиатров и трех солидных ученых — Энтони Ройял. Как обычно, он красовался в белой охотничьей куртке, всегда раздражавшей Уайлдера, — такой наряд подходил разве что смотрителю зоопарка. В свете коридорных ламп светлые волосы Ройяла блестели, а на лбу ярко выделялись шрамы, как смущенные знаки вопроса на суровом лице. Он двинулся к Уайлдеру, сжимая в руках хромированную трость.

Понимая, что попал в западню, Уайлдер громко рассмеялся над труппой дурачков. Когда свет погас — сначала предупредительно мигнув, а затем исчезнув вовсе, — Уайлдер прижался спиной к стене, пропуская нападавших. Деревянные биты клацали вокруг него в темноте, выбивая хорошо отрепетированную дробь.

Из открытой двери квартиры Джейн Шеридан ударили луч фонаря, и физкультурники взялись за дело, Уайлдер ощущал шквал ударов по плечам. Прежде чем упасть, он ухватил одну биту, но остальные повалили его на ковер к ногам Энтони Рояла.

Уайлдер очнулся распростертым на диване в вестибюле цокольного этажа. Двое запоздавших жителей ждали лифта. Крепко вцепившись в портфели, они не обращали внимания на лежащего, которого наверняка сочли пьяным.

Ощупывая побитые плечи, Уайлдер потянулся и погладил шишку за правым ухом. С трудом поднявшись, он поплелся от дивана к стеклянным дверям. Ряды припаркованных машин тянулись во тьму, готовые везти его куда угодно. Уайлдер вышел в холодный ночной воздух. Держась за затылок, посмотрел на фасад высотки и почти разглядел огни на 37-м этаже. Внезапно он почувствовал себя раздавленным — и громадой здания, и тяжестью собственного поражения. Лихая и непродуманная попытка взобраться на высотку окончилась унижением. В каком-то смысле его отвергла сама высотка, а не Роял с приятелями.

Опустив взгляд, Уайлдер заметил, что с балкона его квартиры смотрит жена. Несмотря на разодранную одежду и разбитое лицо мужа, ее взгляд был спокоен, словно она его больше не узнавала.

7. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ

Далеко наверху, на 40-м этаже, двое первых жильцов готовились к отъезду.

Весь день Энтони Ройял и его жена паковали вещи. Пообедав в пустынном ресторане 35-го этажа, они вернулись домой, — и последние свои часы в этой квартире Ройял провел, закрывая проектную студию. Никакой спешки не было, просто пришла пора покинуть здание, и Ройял неторопливо выполнял последнее ритуальное задание.

Система кондиционирования не работала, и отсутствие ее знакомого жужжания — когда-то оно раздражало — беспокоило Ройяла. Пусть с неохотой, он вынужден был признать то, от чего последний месяц открешивался. Громадное здание, которое он помогал проектировать, умирало, его жизненные функции угасали одна за другой — вода пропала с отключением насосов, электрощиты на этажах вырубились, лифты застыли в шахтах.

Заныли, словно сочувствуя, старые раны на ногах и спине. Схватив хромированную трость,

Ройял вышел из студии и двинулся по гостиной между столами и креслами в чехлах. За год после аварии он усвоил, что только постоянные упражнения сдерживают боль; ему не хватало сквоша с Робертом Лэйнгом. Лэйнг, вторя врачу, говорил, что травмы, полученные в автокатастрофах, заживают долго. Впрочем, Ройял в последнее время начал подозревать, что раны действуют по своему собственному тайному сценарию.

В прихожей стояли наготове три портфеля, собранные еще с утра. Он никогда не пользовался портфелями; и роль, которую им предстояло сыграть в его личном дюнкеркском отступлении, только добавляла унижения.

Решение съехать из квартиры, и так уже откладываемое слишком долго, далось нелегко. Сколько ни отождествлял себя Ройял, как один из архитекторов, с высоткой, его вклад был не слишком велик и, увы, касался тех участков, которые приняли на себя главный удар ненависти жильцов — вестибюля 10-го этажа, начальной школы, обзорной крыши с детским садом скульптур и лифтовых холлов. Ройял с небывалой тщательностью подбирал материалы для отделки стен — теперь испещренных аэрозольными непристойностями. Глупо, наверное, но он принимал все надписи на свой счет, в частности, потому, что не сомневался во враждебности соседей к нему лично, — и хромированная трость, и белая овчарка давно перестали быть реквизитом.

В принципе, восстание этих успешных профессионалов против здания, которое они приобрели в складчину, не отличалось от десятков хорошо описанных восстаний жильцов из рабочего класса против муниципальных многоквартирных домов, так часто случавшихся в послевоенные годы. И все же Ройял принимал вандализм как личный вызов. Отказ здания как социальной структуры так на него повлиял, что в первые дни после необъяснимой смерти ювелира он ждал, что теперь нападут на него.

Однако позднее деградация высотки начала укреплять желание Ройяла все преодолеть. Испытание, которому подверглось его детище, было испытанием и его самого. Прежде всего, он заметил, что вокруг возникает новый общественный порядок. Ройял был уверен, что ключом к успеху громадных зданий является жесткая иерархия. Как он часто повторял Анне, в офисном здании до тридцати тысяч работников могут исправно трудиться десятилетиями — благодаря иерархии, четкой и формализованной, как в муравейнике, с практически нулевой вероятностью социальных волнений и даже мелкой преступности. Непонятное, но очевидное возникновение нового общественного порядка — явно на основе мелких племенных анклавов — завораживало Ройяла. Во-первых, упорствовал он, все должно идти, как идет, и какая бы враждебность лично ему ни грозила, он должен способствовать рождению

нового. Собственно, только эта убежденность и не давала ему сообщить бывшим коллегам о растущем в высотке хаосе. Сам того не понимая, он дал людям средство ускользнуть в новую жизнь и схему социальной организации, которая станет образцом для будущих высоток.

Увы, его мечты о том, чтобы привести две тысячи жителей в новый Иерусалим, не трогали Анну. Когда начались отказы кондиционеров и отключения электричества, когда стало опасно передвигаться по дому без сопровождения, она решила переехать и вскоре уговорила мужа на отъезд.

Ройял отправился в спальню Анны — посмотреть, как она собирается. Два дорожных сундука, набор маленьких и больших чемоданов, шкатулок с драгоценностями и косметичек лежали раскрытыми на полу, как на витрине магазина дорожных товаров. Анна, сидя перед зеркалом туалетного столика, то ли упаковывала, то ли наоборот распаковывала чемодан. Недавно Ройял обратил внимание, что жена окружает себя зеркалами, словно собственные отражения ее успокаивали. Анна давно привыкла, что к ней относятся с почтением, так что последние недели, даже в относительной безопасности пентхауса, переносила тяжело. В ее поведении вновь начали проскальзывать детские черты, словно она подлаживалась к чересчур затянувшемуся чаепитию у безумного шляпника. Поездка в ресторан на 35-м этаже

превратилась в ежедневное испытание; и поддерживала ее только перспектива покинуть здание навсегда.

Анна поднялась и обняла мужа. Как обычно, она машинально коснулась губами шрамов на лбу, словно пыталась считать выжимку из двадцати пяти лет, разделяющих их, — найти ключ к той части жизни Ройяла, которая была ей неведома.

— Кошмар. — Она с надеждой взглянула на кучу чемоданов. — Ладно, за час управлюсь. Ты вызвал такси?

— Понадобятся как минимум две машины. И они отказываются ждать у здания — придется вызывать уже снизу.

Оба их собственных автомобиля, припаркованные у самой стены, были безнадежно испорчены нижними жильцами.

Анна продолжила сборы.

— Главное, что мы уезжаем. Следовало уехать еще месяц назад, когда я говорила. Зачем тут вообще оставаться — не представляю.

— Анна, мы уезжаем...

— Наконец-то... И почему никто не позвонил в полицию? Или не пожаловался владельцам?

— Владельцы — мы.

Ройял уже усвоил, что его молодая жена не сможет быть счастлива в особой атмосфере высотки. Единственная дочь провинциального предпринимателя, Анна воспитывалась в замкнутом мире большого поместья — подробной копии шато на Луаре, — за которым приглядывал штат

слуг. В многоквартирном же доме ей прислуживала невидимая армия термостатов и датчиков влажности, компьютеризированных лифтовых переключателей и реле, выполняющих свою роль в новых — мудреных и абстрактных — отношениях хозяина и слуги. Однако в мире Анны важно было не только то, чтобы работа была сделана; нужно было видеть, как она делается. Постепенный отказ служб здания и конфронтация между враждующими группами жильцов оказались для нее слишком серьезным испытанием; сыграла роль долгими годами воспитываемая боязнь высшего класса — удастся ли сохранить место на вершине. Нынешние беспорядки в многоквартирном доме беспощадно обнажили эту боязнь. Встретив Анну впервые, Ройял счел естественной ее полную уверенность в себе, в то время как все было не так — отнюдь не уверенная в себе Анна постоянно нуждалась в подтверждении своего места на верхней ступеньке. А вот профессионалы, окружавшие ее, которые добились всего собственными силами, являли собой образец уверенности.

Когда они — первые жильцы — приехали в высотку, оба решили, что квартира станет только временным пристанищем; как только они найдут дом в Лондоне, тут же переедут. Но Ройял заметил, что откладывает любое решение по поводу отъезда. Его заинтриговала жизнь в этом вертикальном поселке. Будучи первым жильцом и обладателем лучшей и самой высокой кварти-

ры, он чувствовал себя феодалом, властителем поместья — это звание он позаимствовал из книг Анны, хотя оно ему и не нравилось. Его чувство физического превосходства — недаром он был чемпионом по теннису, пусть всего лишь в младшей любительской лиге — с годами неизбежно ослабело, но здесь оно немного окрепло из-за присутствия стольких людей прямо под ним, на чьих скромных жилищах надежно покоилось его собственное.

Даже после аварии, когда ему пришлось продать свою долю в консорциуме и отправиться на кресле-каталке в пентхаус, он ощущал это обновленное физическое превосходство. Долгие месяцы выздоровления, пока затягивались раны, каждый новый жилец ассоциировался с его крепнущими мышцами и сухожилиями, обновленными рефлексами; каждый вносил невидимый вклад в здоровье Рояля.

А вот Анну, наоборот, непрерывный приток новых жильцов раздражал. Квартира радовала ее, пока они были в высотке одни — ей казалось, никого больше и не будет. Она каталась в лифтах, словно в богато украшенных кабинках частного фуникулера, плавала в одиночестве в чистых водах обоих бассейнов и бродила по торговому центру, пользовалась собственными банком, парикмахерской и супермаркетом. К тому времени, как последние из двух тысяч жильцов заняли свое место внизу, Анне уже не терпелось уехать.

Ройяла тянуло к новым соседям, образчикам пуританского отношения к труду. В свою очередь, он знал от Анны, что соседи считают его загадочным нелюдимым типом, жертвой автокатастрофы, живущим в кресле-каталке на крыше высотки, с богатой женой вдвое моложе себя. Несмотря на символическую кастрацию, Ройяла все равно считали хранителем ключа от здания. Его лоб в шрамах и хромированная трость, любимая белая куртка, в которой он был похож на мишень, — все это казалось элементами секретного кода, воплощавшего в себе реальные отношения архитектора громадного здания с беспокойными жильцами. Даже неизбежные надвигающиеся изменения Анны включались в систему парадоксов, ласкающих любовь Ройяла к «играм», где можно рискнуть всем и не потерять ничего.

Ройяла интересовало, как реагируют на события соседи, особенно Ричард Уайлдер, готовый взбираться на Эверест, вооруженный лишь раздражением, что гора выше его; или доктор Лэйнг, торчащий на балконе целыми днями, воображая, что совсем отделился от высотки, хотя он-то и есть чуть ли не самый реальный житель. По крайней мере, Лэйнг знает свое место и придерживается его; а Уайлдеру три ночи назад пришлось преподать короткий, но жестокий урок.

Размышляя о вторжении Уайлдера — всего об одной из попыток людей снизу пробиться в верхние квартиры, — Ройял вышел из спальни и проверил засовы на входной двери.

Анна показала на три портфеля мужа.

— Это все, что ты берешь?

— Пока все. Потом вернусь, если понадобится.

— Вернешься? Зачем тебе? Может, и вовсе останешься?

Скорее для себя, чем для жены, Ройял сказал:

— Первым пришел, последним ушел...

— Это шутка?

— Разумеется, нет.

Анна положила ладонь ему на грудь, словно ища старую рану.

— Ты же знаешь, что все кончилось. Извини, дом не получился.

— Может быть... — Ройял с горечью принял ее сочувствие.

Со стороны жизнь в доме казалась вполне нормальной — большинство жителей каждый день отправлялись на работу, супермаркет был открыт, работали банк и парикмахерская. На самом деле атмосфера внутри высотки напоминала хрупкое сосуществование трех военных лагерей. Произошло укрепление позиций, и контакты между высшим, средним и низшим уровнями практически свелись к нулю. В первой половине дня еще удавалось передвигаться по дому, после обеда это было труднее, а к сумеркам любое передвижение становилось невозможным. Банк и супермаркет закрывались в три часа. Начальная школа переехала из разгромленных клас-

сов в квартиры на 7-м этаже. Выше 10-го этажа ребенка можно было встретить разве что в саду скульптур, в который Ройял вложил столько заботы. Бассейн на 10-м превратился в полупустую яму с желтой грязной водой. Один из залов для сквоша закрыли, остальные три были завалены мусором и поломанной школьной мебелью. Из двадцати лифтов три не работали совсем, а остальные к вечеру превращались в частные лайнеры враждующих групп, успевших их захватить. Пять этажей остались без электричества; ночью фасад высотки прорезали темные полосы — как отключенные участки угасающего мозга.

К счастью для Ройяла и его соседей, на верхних этажах условия ухудшались не так стремительно. Ресторан прекратил работу по вечерам, но получить какой-никакой обед удавалось каждый день — в те несколько часов, когда сократившийся персонал имел возможность входить и выходить. Однако два официанта уже уволились, и Ройял подозревал, что за ними скоро последуют шеф-повар с женой. Хотя бассейн на 35-м этаже функционировал, уровень воды существенно снизился, — подача воды зависела от электрических насосов и капризов водяных баков на крыше.

Из окна гостиной открывался вид на стоянку. Многие автомобили не трогались с места неделями — лобовые стекла выбиты, салоны завалены мусором; присев на спущенных шинах, машины

терялись в море отходов, раскинувшемся вокруг дома.

Иногда Ройялу казалось, что люди ждут, пока все станет еще хуже. Он заметил, что негодующие жильцы перестали осаждать офис управляющего. Даже соседи по верхнему этажу, которые в первые дни чуть что мчались жаловаться, теперь затихли. В отсутствие управляющего, который отлеживался с нервным срывом в своей квартире на цокольном этаже, оскудевший штат (жена звукооператора со 2-го этажа и жена первой скрипки с 3-го) держал героическую оборону за стойкой в вестибюле, не обращая внимания на деградацию, полным ходом идущую у них над головой.

Ройял недоумевал: почему жители ответили высотке преувеличенной грубостью, намеренно портили лифты и кондиционеры, перегружали электросеть? Такое безразличие к собственным удобствам означало сдвиг системы ценностей, а возможно, и появление нового социального и психологического порядка. Вспомнилось нападение на Уайлдера, который радостно смеялся над группой «физкультурников» — педиатров и ученых.

Ройял прошел мимо зачехленной мебели, поднял трость и рубанул затхлый воздух — так же точно он ударил тогда Уайлдера. В любой момент может появиться батальон полицейских и уволочь всех в ближайшую кутузку. Или нет? Жителям была на руку самодостаточная приро-

да высотки — этого саморегулируемого анклава среди частных владений жилого комплекса. Управляющий и его штат, почти все работники супермаркета, банка и парикмахерского салона сами жили в высотке; несколько пришлых сбежали или были уволены.

Несмотря на растущий вокруг хаос, жильцы все меньше интересовались внешним миром. Тюки неразобранной почты лежали в вестибюле. Разбитые машины были прикрыты строительными материалами, деревянными поддонами и кучами песка. Словно в поддержку молчаливого заговора с целью отгородиться от внешнего мира, в высотку не приезжали гости. Ройял и Анна уже несколько месяцев никого к себе не приглашали.

Позвонила Джейн Шеридан, лучшая подруга Анны, и пришла, чтобы помочь в сборах. Две женщины переправляли одно за другим вечерние платья из гардероба в сундуки, при этом возвращая ненужные рубашки и брюки обратно на полки. Со стороны невозможно было понять — укладываются они перед отъездом или распаковываются по прибытии.

— Анна! Ты приехала или уезжаешь? — спросил Ройял. — Похоже, мы не уложимся до вечера.

Анна беспомощно развела руками.

— Это все из-за кондиционеров — я просто не соображаю.

— Вам все равно сейчас не выбраться, — сказала Джейн. — Мы тут взаперти, насколько я понимаю. Всеми лифтами управляют другие этажи.

— Что? Ты слышишь? — сердито набросилась Анна на Ройяла, словно подобное рейдерство стало следствием неудачного проектирования лифтовых холлов. — Ладно, поедем завтра — прямо с утра. Но как быть с едой? Ресторан закрыт.

Дома они никогда не питались — Анна презирала бесконечные хлопоты соседей по приготовлению пищи. В холодильнике хранилась только собачья еда.

Ройял посмотрел на себя в зеркало, поправил белую куртку. В угасающем свете его отражение было бледным, как призрак, или как освещенный труп.

— Придумаем что-нибудь.

Забавный ответ, отметил про себя Ройял, словно есть источники пищи помимо супермаркета. Джейн Шеридан успокаивающе улыбнулась. Он взял на себя заботы об этой милой молодой женщине после смерти ее афганской борзой.

— Примерно через час освободятся лифты. Поедем в супермаркет.

А еще, подумал он, надо выгулять на крыше овчарку.

Анна начала разбирать полупустые чемоданы. Она сама не сознавала, что делает, словно большая часть мозга отключилась. Сколько бы она ни жаловалась мужу, она никогда не звонила управляющему — считала, что это недостойно? — и не жаловалась друзьям за пределами высотки.

Ройял заметил, что вилка ее прикроватного телефона выдернута из розетки, и кабель аккуратно намотан на трубку.

Пройдя по квартире, прежде чем идти искать собаку, он увидел, что три остальных телефона — в прихожей, гостиной и кухне — тоже отключены. Ройял понял, почему уже неделю не получал звонков из внешнего мира, и почувствовал спокойствие, зная, что их не будет и впредь. Он уже догадался, что, несмотря на все заявления, они не уедут завтра утром. Не уедут вообще никогда.

8. ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

В открытое окно пентхауса Ройял смотрел на громадных птиц, которые собирались на оголовке шахты лифта. Незнакомые виды чаек месяц назад прилетели с реки и скопились между вентиляционными шахтами и водяными баками, наполнили проходы пустынного сада скульптур. Ройял наблюдал их появление, сидя в кресле-каталке на личной террасе. Потом, когда установили тренажер, птицы неуклюже бродили вокруг, пока Ройял занимался. Видимо, их привлекала белая куртка и светлые волосы — близкие по тону к их яркому оперению. Возможно, они принимали Ройяла за своего — за старого хромого альбатроса, нашедшего убежище на крыше недалеко от реки...

Стеклянная дверь распахнулась в вечерний воздух, и овчарка унеслась. Лето кончилось, и редко кто поднимался на крышу. Обрывок заляпанного дождем тента для коктейльной вечеринки валялся в желобе у перил. Чайки, сложив тяжелые крылья, важно бродили среди сырных палочек, рассыпавшихся из коробки.

Ройял вышел на крышу. Ему нравились враждебные взгляды птиц; предчувствие вновь рождающегося варварства нависало над перевернутыми креслами и развесистыми пальмами, над брошенной парой дорогих солнечных очков — из оправы были выковыряны бриллианты. Когда Ройял приблизился, несколько чаек снялись в воздух и нырнули вниз, чтобы поймать крошки, брошенные с балкона в десяти этажах внизу. Птицы питались тем, что скидывали на автостоянку, но Ройялу нравилось думать, что их тянет на крышу то же, что и его самого, что они прилетели сюда из какого-то древнего мира, привлеченные грядущим священным насилием. Боясь, что птицы улетят, Ройял часто приносил им корм, словно хотел убедить, что ожидание того стоит.

Он отодвинул проржавевшую калитку сада скульптур, достал из решетчатого декоративного светильника пачку сухого корма, предназначенного, в общем-то, для овчарки, и начал рассыпать хлопья по бетонным дорожкам и под скульптурами. Разработка сада принесла ему особое удовлетворение, и он жалел, что дети больше сюда не приходят. Хотя бы птицам сад доступен. Чайки неотступно следовали за Ройялом, чуть не выбивая сильными крыльями коробку с хлопьями из его рук.

Ройял всегда мечтал о собственном зоопарке: полдюжины крупных кошачьих, а главное — необъятный вольер со всеми видами птиц. Годами

он рисовал наброски зоопарка, некоторые — по иронии — напоминали высотку.

Вымокший труп сиамской кошки лежал в желобе там, где настигли ее птицы. Несчастное животное, убежав из квартиры, долго карабкалось по вентиляционной шахте, чтобы окунуться в свет дня. Рядом с кошкой лежал скелет чайки. Ройял поднял неожиданно тяжелый скелет и сильным толчком запустил далеко в воздух. Скелет понесся к земле в крутом пике и взорвался белой бомбой на капоте припаркованной машины.

Никто этого не видел, да и Ройялу было все равно. Как ни интересовало его поведение жильцов, он все-таки смотрел на них свысока. Пять лет брака с Анной не прошли бесследно. Приходилось признать, что он презирает своих соседей уже за то, что они охотно приспособились к отведенным ячейкам многоквартирного дома, за отсутствие индивидуальности.

Прежде всего, он презирал их хороший вкус. Высотка была памятником хорошему вкусу, хорошо продуманной кухне, утонченной отделке, элитной бытовой технике, элегантной, но не крикливой мебели — короче говоря, всему эстетическому чувству, которое профессионалы усвоили в школах промышленного дизайна и утвердили в лучших схемах интерьера к последней четверти двадцатого века. В гостях у соседей Ройяла буквально тошнило от очертаний выигравшей конкурс кофеварки, от просчитанной цветовой

гаммы, от хорошего вкуса и интеллигентности, которая, как Мидас, превращала все в квартирах в безупречный союз функции и дизайна. В каком-то смысле эти люди были авангардом благополучного и высокообразованного пролетариата будущего, запертого в дорогих квартирах с элегантной мебелью — и не имеющего возможности сбежать. Ройял много отдал бы за вульгарное украшение на каминной полке, за не белоснежный унитаз, за одну искру надежды... Слава богу, они начали рваться прочь из своей отороченной мехом роскошной тюрьмы.

Мокрый от дождя бетон уходил в вечерний туман. Овчарка куда-то пропала. Чайки, сидя на оголовках вентиляционных и лифтовых шахт, смотрели необычайно внимательными глазами. Подумав, что они, возможно, пообедали собакой, Ройял отшвырнул ногой перевернутое кресло и направился к лестнице, громко подзывая пса.

В десяти футах от личной террасы, у перил с южного края крыши, женщина средних лет куталась в длинное меховое пальто и смотрела через здания комплекса на серебристую спину реки. Три лихтера тянулись за буксиром против течения; полицейский катер шел вдоль северного берега.

Приблизившись, Ройял узнал вдову погибшего ювелира. Она что — ждала полицию, хотя из какой-то извращенной гордости сама ее не вызывала? Ройял собирался спросить, не видела

ли она овчарку, но уже знал, что ответа не получит. На аккуратно накрашенном лице застыло выражение крайней враждебности. Ройял ухватил трость покрепче. Он не видел рук женщины и готов был поверить, что в рукавах пальто украшенные перстнями руки сжимают пару длинных лезвий. Почему-то ему вдруг подумалось, что именно она виновна в смерти мужа, а сейчас в любой момент может броситься и на него. И тут же он с удивлением понял, что хочет коснуться ее, обнять за плечи. Его охватила какая-то дикая сексуальность.

— Я ищу овчарку Анны, — сказал он смущенно и, не дождавшись ответа, добавил: — Мы решили остаться.

Сбитый с толку своей реакцией на горюющую женщину, Ройял повернулся и пошел к лестнице, не обращая внимания на боль в ноге. И в холле услышал неистовый лай овчарки, доносившийся из шахты ближайшего из пяти скоростных лифтов. Ройял прижал голову к двери. Кабина лифта, где рычала и прыгала овчарка, стояла на 15-м этаже с отжатыми дверями. Доносились глухие металлические удары по полу и стенам кабины и крики трех нападавших — двух мужчин и женщины.

Когда визг собаки затих, лифт наконец ответил на вызов. Кабина добралась до последнего этажа, и дверь открылась. Еле живая собака лежала на окровавленном полу, голова и плечи были в крови.

Ройял хотел успокоить собаку, но овчарка клацнула зубами, испугавшись трости. Подбежали соседи, стискивая в руках грозное оружие — теннисные ракетки, гантели и трости. Всех попросил расступиться друг Ройяла, гинеколог по фамилии Пэнгборн. Он ходил в бассейн с Анной и часто играл на крыше с овчаркой.

— Дайте взглянуть... Бедняжка, эти дикари тебя уделали... Ройял, отнесем его в вашу квартиру. А потом, думаю, нужно обсудить, что делать с лифтом.

Несколько недель гинеколог убеждал Ройяла вмешаться в систему коммутации электрических цепей здания — в качестве средства мести нижним этажам. Эта предполагаемая власть над высоткой главным образом и привлекала соседей к Ройялу. Мягкими руками и манерами врача на обходе Пэнгборн немного раздражал Ройяла; он как будто постоянно пытался утешить беспокойную пациентку в интересном положении. Впрочем, Пэнгборн принадлежал к новому поколению гинекологов, которые вообще не притрагиваются к пациенткам и не принимают новорожденных. Он специализировался на компьютерном анализе криков рожениц, по которым прогнозировал все будущие жалобы. И естественно, единственной привязанностью Пэнгборна в высотке была лаборантка со 2-го этажа — тощая, тихая брюнетка. Хотя после начала стычек он порвал и с ней.

Ройял смотрел, как Пэнгборн успокаивает пса и осматривает раны. Потом они наполовину

донесли, наполовину доволокли собаку до квартиры.

К счастью, Анна и Джейн Шеридан отправились в супермаркет 10-го — на единственном лифте, оставленном для общих нужд.

Пэнгборн уложил собаку на покрывало дивана.

— Хорошо, что вы тут, — сказал Ройял. — Вы не на практике?

Пэнгборн погладил опухшую голову овчарки; его белая ладонь казалась еще тоньше от крови.

— Я езжу в консультацию два раза в неделю — как раз хватает времени прослушать последние записи криков. А так — здесь дежурю. — Он пристально посмотрел на Ройяла. — На вашем месте я бы присматривал за Анной — если вы не хотите, чтобы она...

— Разумный совет. А вы не думали уехать? Нынешние условия...

Гинеколог нахмурился, словно не понимая, всерьез ли говорит Ройял.

— Я только въехал. С чего это я буду уступать этим людям? — Он решительно ткнул в пол окровавленным пальцем.

Пораженный тем, с какой решимостью этот утонченный и педантичный человек собирался отстаивать свои владения, Ройял проводил его до двери, поблагодарил за помощь и пообещал обсудить с ним диверсии на лифтах. Следующие полчаса Ройял промывал овчарке раны. Нападе-

ние пробудило в нем почти осознанное желание конфликта. До сих пор он действовал, как миротворец, удерживая соседей от бессмысленной мести. Теперь он жаждал беспорядков. Любой ценой.

Где-то внизу разбилась бутылка, грохнувшись на балкон, — короткий взрыв на фоне нарастающего рева магнитофонов, криков и стуков. Свет в доме начал гаснуть, зачехленная мебель вокруг Ройяла будто таяла в тумане. Близился вечер, скоро начнется опасное время. Представив, как Анна будет пробиваться обратно с 10-го этажа, Ройял повернулся к выходу из квартиры.

У двери он остановился, накрыв ладонью циферблат наручных часов. Об Анне он беспокоился с прежней силой — по крайней мере, ощущал к ней сильные собственнические чувства, — но решил подождать еще полчаса, прежде чем отправляться на розыски. И пусть это только увеличит опасность, возможность стычки. Ройял спокойно прошел по квартире, замечая на полу телефоны с аккуратно накрученными кабелями. Анна, даже если попадет в ловушку, позвонить не сможет.

Ожидая в темноте, он поднялся в пентхаус посмотреть на чаек. В вечерних сумерках их оперение казалось призрачным. Как птицы, подживающие на карнизах мавзолея, они сверкали крыльями над белым бетоном. Ройял думал о жене, о том, что на нее могут напасть, и почти сексуаль-

ная дрожь от опасности и жажды мести скрутила нервы. Через двадцать минут он покинет квартиру и начнет убийственный спуск — смертельное пике. Жаль, что нельзя взять с собой птиц. Ройял представил, как они ныряют в лифтовые шахты, кружат над лестничными пролетами и мчатся по коридорам. Он смотрел, как птицы кружат в воздухе, слушал их крики и думал о грядущем насилии.

9. В РАЙОН ВЫСАДКИ

В семь часов Энтони Ройял отправился с белой овчаркой на розыски жены. Пес оправился после побоев и шел, прихрамывая, впереди. Его промокшая шкура была покрыта ярко-алыми пятнами. Этими знаками битвы Ройял гордился, как и пятнами крови на своей куртке. Словно подражая псу, Ройял носил на груди и бедрах его кровь, как знаки отличия на костюме палача.

Он начал спуск в глубины здания с холла скоростных лифтов. Из кабины только что вышла группа возбужденных соседей, — четырьмя этажами ниже жильцы с 15-го разграбили квартиру. Такие налеты происходили все чаще. Особенно уязвимыми были пустые квартиры, даже оставленные всего на один день. Какая-то нематериальная система связи предупреждала готовых к рейду налетчиков, что квартира десятком этажей выше или ниже готова к разорению.

С трудом Ройял нашел лифт, который довез его до 35-го этажа. Ресторан был закрыт; приготовив последний обед, шеф-повар и его жена навсегда скрылись. Кресла и столы громозди-

лись беспорядочной баррикадой, на двери висел замок. Высокие обзорные окна, открывавшие волшебный вид, были закрыты ставнями, и северный конец бассейна погрузился во тьму.

Последний пловец, рыночный аналитик с 38-го этажа, как раз вылезал из бассейна; его жена караулила у раздевалки, пока он переодевался. Овчарка прошлепала по лужам на липких плитках под вышками и облегчилась в открытую дверь пустой раздевалки. Женщина даже не поморщилась. Ройял почувствовал гордость за пса — возрождался примитивный рефлекс терриории. Пометив раздевалку ярко-желтой собачьей мочой, Ройял ее захватил.

Еще час он продолжал искать жену, спускаясь все ниже в центральную секцию высотки. Горы мусора не давали подобраться к забитым мусоропроводам. Лестницы были усыпаны битым стеклом, обломками кухонных стульев и оторванными кусками перил. Таксофоны в лифтовых холлах стояли разбитыми, словно жильцы договорились прервать всякие контакты с внешним миром.

Чем ниже спускался Ройял, тем сильнее становилась разруха. Двери пожарных выходов были сорваны с петель, кварцевые стекла смотровых окон выбиты. Освещение в коридорах и на лестницах не работало, разбитые лампы никто менять не собирался. К восьми часам коридоры погружались почти в полный мрак; тут и там валялись

мешки мусора. Надписи на стенах, сделанные светящимися красками, напоминали декорации фильма ужасов.

В холлах собирались воинственные группы жителей — охраняли свои лифты. Многие женщины носили камеры со вспышками, готовые запечатлеть любой акт насилия, любое вторжение на их территорию.

Меняя лифты и обследуя по два этажа за раз, Ройял наконец добрался до нижней половины дома. Его не трогали, когда он появлялся в холлах, расступались. Раненая овчарка и пятна крови на куртке давали ему пропуск на территории враждующих кланов — словно владыке, спустившемуся из своей цитадели, дабы предъявить раны восставшим подданным.

Коридоры и холлы 10-го этажа пустовали. Несколько жителей бродили по торговому центру, таращась на пустые хромированные полки. Банк и винный магазин были закрыты, опущенные решетки заперты. Ройял повел овчарку в бассейн, теперь заполненный едва наполовину. В желтой воде плавал матрас в окружении картонных коробок и газет.

Тут даже труп останется незамеченным, мелькнула мысль у Ройяла. Пока овчарка обегала варварски разрушенные раздевалки, он помахал тростью, разгоняя сырой воздух. В нижней секции дома было трудно дышать. Даже сейчас, в ходе краткого визита, Ройял ощущал давление тысяч людей над головой.

В лифтовом холле за бассейном раздались крики. У входа в начальную школу разгорелся жаркий спор. Ссорились два десятка мужчин и женщин — группа родителей с нижних этажей несла парты и стулья, доску и мольберты, другая группа не давала им войти в классы.

Подстрекаемые монтажером, задравшим парту над головой, родители решительно двинулись вперед. Противник — жители 11-го и 12-го этажей — позиции не сдавали. Началась неприличная перебранка, потом женщины и мужчины стали неуклюже толкаться.

Ройял подтянул овчарку к себе, — пусть сами разбираются. Когда он повернулся, чтобы продолжить поиски Анны, дверь, ведущая с лестницы в холл, распахнулась. Толпа жителей, все с 14-го и 15-го этажей, присоединилась к драке. Этих возглавлял Ричард Уайлдер, вознесший в руке кинокамеру, как боевой штандарт. Ройял решил, что Уайлдер снимает документальный фильм, о котором столько говорил; наверное, он и срежиссировал всю сцену. Однако Уайлдер в пылу битвы камерой лишь агрессивно размахивал, ведя новых союзников в бой на своих же бывших соседей. Родителей, побросавших парты и доски, оттеснили в беспорядке на лестницу.

Уайлдер захлопнул за ними дверь. Изгнание бывших соседей и друзей явно доставило ему удовольствие. Указующей камерой он тыкал в сторону класса начальной школы. Там скорчились за опрокинутой доской две молодые женщины —

жена Ройяла и Джейн Шеридан. Как ученицы, пойманные за баловством, они уставились на Уайлдера, который поманил их к себе театральным жестом.

Взяв овчарку на короткий поводок, Ройял толкнул стеклянную дверь и миновал жильцов, увлеченно крушивших детские партии.

— Все в порядке, Уайлдер, — сказал он твердо. — Я разберусь.

Затем прошел мимо Уайлдера в класс и поднял Анну на ноги.

— Идем. Не бойся.

— А я и не боюсь... — Анна говорила совершенно спокойно и смотрела на Уайлдера с нескрываемым восхищением. — Господи, он просто чокнутый...

Уайлдер с интересом смотрел на Ройяла и чесал под мышкой — совсем по-звериному. Он словно радовался, что небожитель сошел наконец на нижние уровни и включился в борьбу за территорию и женщин. Рубашка Уайлдера была распахнута до пупа, обнажая гордо выставленную напоказ широкую грудь.

Вечером, вернувшись в квартиру на 40-м этаже, Ройял принял утверждать свое лидерство на верхних этажах. Для начала, пока его жена и Джейн Шеридан отдыхали в постели Анны, он отвел овчарку на кухню и скормил собаке остатки еды. Раны на плечах и голове пса покрылись жесткой коркой, и это волновало Ройяла куда

больше, чем оскорблений, которым подверглась жена. Он практически сам устроил Анне испытание, откладывая ее поиски. Как он и подозревал, Анна и Джейн, закончив покупки в супермаркете, не смогли найти работающий лифт. Когда к ним пристал пьяный звукооператор, женщины спрятались в пустом классе.

— Там все снимают свои фильмы, — сказала мужу Анна, возбужденная безрассудным приключением в среде обитания низших классов. — Как только кого-то начинают бить, тут же включают камеры.

— А потом набиваются в кинозал, — подтвердила Джейн, — и смотрят, кто что записал.

— Только не Уайлдер. Он ждет чего-то действительно страшного.

Как ни странно, именно любовь к Анне заставила Ройяла предъявить ее соседям снизу — это были вклад в новое царство, которое они строили вместе. Овчарка принадлежала более практичному миру, и уже понятно, что пес окажется гораздо полезнее, чем женщина, для обмена в том будущем, которое их ждет.

После нападений на овчарку и на жену Ройяла его квартира естественным образом превратилась в центр притяжения для соседей, решивших перехватить инициативу, пока их не заперли в ловушку на крыше высотки. Пэнгборну Ройял объяснил, что жизненно важно заручиться поддержкой жильцов на этажах чуть ниже 35-го.

— Чтобы выжить, нам нужны союзники — необходимо оградиться от нападений нижних уровней и расширить доступ к лифтам. Нас могут отрезать от центральной секции здания.

— Верно, — согласился гинеколог, довольный, что Ройял наконец трезво оценивает их положение. — Стоит нам утвердиться, и мы на-травим их на нижние уровни — то есть «раз-балканизируем» центральную секцию и начнем колонизацию всего здания...

Потом Ройял удивлялся, как легко им удалось осуществить замысел. В девять часов, до начала вечеринок, они начали вербовать сторонников на этажах ниже бассейна на 35-м. Пэнгборн искусно играл на обидах людей, которые мучились от тех же проблем, что и жители верхнего этажа: их машины тоже были разбиты, они тоже страдали от неисправностей водопровода и кондиционеров. Ройял и Пэнгбон расчетливо предложили соседям пользоваться верхними лифтами. Больше им не придется входить в главный вход и продираться через тридцать враждебных этажей, — достаточно дождаться жильца с последнего этажа, войти с ним в частный вестибюль и без приключений подняться на 35-й этаж, а потом спуститься на один-два пролета до своей квартиры.

Предложение было принято — ведь Ройял и Пэнгборн не просили взамен никаких уступок. Вернувшись на 40-й этаж, парламентеры разо-

шлись по домам готовиться к вечерним праздникам. За предыдущий час мало что произошло, разве что немолодую жену бухгалтера с 28-го этажа скинули без сознания в полупустой бассейн, а радиолога с 7-го этажа избили у сушуаров в парикмахерском салоне. Словом, обстановка в высотке оставалась нормальной. С наступлением ночи здание наполнили звуки пирушек. Начиная с нижних этажей, вечеринки распространялись по дому, укрывая его броней света и веселья. Стоя на балконе, Ройял слушал, как нарастают музыка и смех, и ждал, пока оденутся женщины. Далеко внизу к соседней высотке подъехала машина; три пассажира вышли и, задрав голову, смотрели на сотни забитых людьми балконов. Любой наблюдатель, несомненно, решил бы, что две тысячи жильцов живут вместе в состоянии всеобщей эйфории.

Успокоенные бодрой атмосферой, Анна и Джейн Шеридан быстро приходили в себя. Анна больше не заговаривала об отъезде и вообще словно забыла, что когда-то хотела уехать. После столкновения в начальной школе у нее появилось чувство единения с другими жильцами. В будущем насилие непременно станет ценным средством скрепления общества. В сопровождении Ройяла Анна и Джейн шли рука об руку на первую сегодняшнюю вечеринку, организованную газетным обозревателем с 37-го этажа, и слушали рассказы о новых столкновениях и инцидентах.

В частности, пропал свет еще на двух этажах — 6-м и 14-м.

Пэнгборн поздравил Ройяла с новостью; очевидно, он считал, что без него тут не обошлось. Похоже, никто даже на верхних этажах не видел несоответствия между довольными лощеными гуляками и упадком в здании. По коридорам, усыпанным неубранным мусором, мимо забитых мусоропроводов и обезображеных лифтов шли люди в смокингах. Элегантные дамы приподымали подол платья, чтобы перешагнуть россыпи битых бутылок. Аромат дорогих лосьонов после бритья мешался с воною кухонных отбросов.

Этот дикий контраст радовал Ройяла, показывая, как легко цивилизованные и степенные люди способны отказаться от рационального поведения. Он вспомнил собственное противостояние с Уайлдером. Тот, кстати, наверняка начал новое восхождение, раз добрался уже до 15-го этажа. Воистину в высотке должны остаться только двое — Уайлдер и Ройял, тогда и начнется настоящая схватка среди пустынных коридоров и брошенных квартир, на глазах у птиц.

Анна, приняв угрозу насилия, как будто заснула. Стоя у камина в гостиной обозревателя, Ройял с любовью смотрел на жену. Она больше не кокетничала с пожилыми бизнесменами и молодыми предпринимателями; она внимательно слушала Пэнгборна, словно чувствовала, что гинеколог может пригодиться ей не только в про-

фессиональном смысле. Хоть и приятно было выставить жену перед остальными жильцами, Ройял чувствовал за нее ответственность. Его сексуальное покровительство распространялось и на Джейн Шеридан.

— Не хотели бы перебраться к нам? — спросил он у Джейн. — Ваша квартира небезопасна.

— С удовольствием, Анна тоже предлагала. Я уже кое-что перенесла.

Ройял танцевал с ней в замусоренной прихожей, не таясь ощупывая крепкие бедра и таз, словно проведенная инвентаризация закрепляла его права на будущую встречу с этими частями тела.

Через несколько часов, после полуночи, Ройял очнулся в пустой квартире на 39-м этаже. Он лежал на кушетке, Джейн притулилась на его плече. Столы вокруг были уставлены грязными стаканами и пепельницами — следами покинутой гостями вечеринки. Музыку с балконов перекрывал шум случайных актов насилия. Где-то орали что-то невнятное и колотили в дверь шахты лифта.

Свет вырубился. Лежа в темноте и пытаясь унять головокружение, Ройял машинально начал ласкать Джейн, гладить ее тяжелые груди. Она даже не попыталась отодвинуться. Через несколько мгновений, когда вернулось электричество и загорелась настольная лампа — на полу балкона, —

Ройял увидел свою жену; та в вечернем платье сидела за столом в кухне, положив руку на греющуюся кофеварку. На последовавший половой акт она взирала молча, словно одобряла его — не как модный ныне ответ на супружескую измену, понял Ройял, но из племенной солидарности, из уважения к вождю клана.

10. СУХОЕ ОЗЕРО

Вскоре после рассвета Роберт Лэйнг сидел на своем балконе, доедал скучный завтрак и слушал первые звуки просыпающегося дома. Несколько жильцов уже спешили на работу, пробираясь через мусор к замызганным автомобилям. Сотни людей продолжали каждый день ходить в офисы и студии, ездить в аэропорты и на биржу. Несмотря на перебои с водой и отоплением, мужчины и женщины были элегантно и чисто одеты; по их виду никак нельзя было догадаться о событиях прошедших недель. Впрочем, большую часть рабочего времени они в своих кабинетах спали.

Лэйнг медленно и ритмично жевал кусочек хлеба. Сидя на треснутых плитках балкона, он чувствовал себя паломником, который утомился на опасном подъеме и теперь выполняет простой, но важный обряд в придорожной часовне.

Прошлая ночь принесла сплошной хаос — пьяные вечеринки, ссоры, грабежи и нападения на одиноких жильцов. Еще несколько этажей погрузились во тьму, включая 22-й, где жила Алиса, сестра Лэйнга. Вряд ли хоть кто-то спал. При

этом почти никто не выказывал признаков усталости, словно жизненный ритм людей сдвинулся со дня в ночь. Лэйнг подозревал, что бессонница, от которой страдали жильцы, это подсознательная подготовка к грядущим неожиданностям. Сам он, несмотря на синяки на плечах и руках, был в прекрасной физической форме. Скоро ему предстоит привести себя в порядок и ехать в институт.

Первую половину ночи Лэйнг прибирался у Шарлотты Мелвилл — ее квартиру разграбили, пока Шарлотта с маленьким сыном пряталась у друзей. Потом он несколько часов помогал охранять лифт, который удалось перехватить его соседям. Ехать никто никуда не собирался; главное, захватив лифт, некоторое время его удержать.

Вечер начался, как обычно, с вечеринки у Поля Кросланда, теледиктора, а ныне — вождя клана. Сам Кросланд находился в студии; гости смотрели, как он читает девятичасовые новости, знакомым, хорошо поставленным голосом рассказывая о крупной автокатастрофе, в которой погибли шесть человек. Лэйнг ждал, что Кросланд упомянет столь же страшные события в их высотке: смерть ювелира, теперь уже всеми позабытую, и разделение жителей на противоборствующие лагери. Возможно, в конце выпуска ведущий добавит и специальное послание членам своего клана, которые среди мусорных мешков в его комнате наполняли друг другу стаканы.

К тому времени, как Кросланд ввалился в квартиру — в спортивной куртке с капюшоном и в тяжелых ботинках, словно пилот, вернувшись с бомбардировки, — все были пьяны. Разрумянившаяся и возбужденная Элеонора Пауэлл клонилась к Лэйнгу, весело тыкая в него пальцем и обвиняя в том, что он пытался вломиться в ее квартиру. Эту новость приняли с восторгом, словно изнасилование было ценным и испытанным средством сплочения клана.

— Низкий уровень преступности, доктор, — сказала она дружеским тоном, — верный признак общественного упадка.

Лэйнг пил без остановки. Он понимал, что нарочно накручивает себя, подавляя любые сомнения в благородстве людей. А в практическом смысле напиться — кратчайший путь сближения с Элеонорой Пауэлл. Трезвая, она становилась до утомления чувствительной и бродила по коридорам с отсутствующим видом, словно потеряла ключи от мозга. Зато после нескольких коктейлей она оживлялась, ее настроение прыгало подобно тому, как испорченный телевизор скачет по программам, причем весь этот безумный хаос Лэйнг мог понять, только если сам был пьян. Он поднял Элеонору, радостно отметив, как она вцепилась в лацканы его пиджака, и не в первый раз подумал, что и сам, и его соседи жаждут не приятностей, как самого эффективного средства разнообразить половую жизнь.

Лэйнг открыл кофемашину и опорожнил ее через перила. Отходы теперь сбрасывали с балконов, и никого не заботило, что ветер может занести мусор в нижние квартиры. От постоянных отключений электричества еда в холодильнике испортилась. Бутылки с прокисшим молоком стояли заплесневелой шеренгой, прогорклое растаявшее масло капало через решетку. Пахла пропахшая еда весьма специфически, но Лэйнг, не тушуясь, сгреб все в пластиковый мешок и вышвырнул в полутемный коридор.

В лифтовом холле спорила группа соседей, назревал конфликт с жителями 28-го этажа. Кросланд бросал какие-то угрозы в пустую шахту лифта. Обычно в такой ранний час Лэйнг не обращал на него внимания; зачастую Кросланд и понятия не имел, о чем спор, — лишь бы началась стычка.

Из мрака за дверью с нарочитым равнодушием вышли хирург-ортодонт и его каменоликая жена. Немного постояли среди мусорных мешков, оглядываясь, затем Стил осторожно подобрался к Лэйнгу, взял его за руку — мягко, но властно, словно готовился к сложному удалению зуба, — и указал вниз.

— Они хотят запереть двери. Хотят переделать проводку двух лифтов так, чтобы от цоколя до 28-го остановок не было.

— А мы? — спросил Лэйнг. — Как нам выходить из здания?

— Дорогой мой, вряд ли они думают о нас. Наш 25-й — ключевой этаж для электросетей. Отрезав три этажа под нами, они получат буферную зону — разделят верхнюю и нижнюю половины дома. И прямо скажем, доктор, когда это произойдет, очень важно оказаться на нужной стороне...

Он замолчал — подошла сестра Лэйнга со своим электрическим кофейником. Стил отвесил поклон и растворился во мраке — маленькие ботинки ловко простучали среди мусорных мешков, пробор в волосах блеснул в неясном свете. Несомненно, он с той же ловкостью пролавирует среди будущих опасностей. Ортодонт вообще перестал покидать здание. После битв последних недель он, несомненно, ожидал бурного повышения спроса на качественную стоматологическую помощь.

Приветствуя Алису, Лэйнг осознал, что она тоже — если прав Стил — будет жить в темноте, с неправильной стороны демаркационной линии, с мужем-алкоголиком. Сестра пришла, якобы чтобы воспользоваться розеткой на кухне Лэйнга, но рассеянно поставила электрический кофейник на столик в прихожей и, выйдя на балкон, уставилась в утренний воздух, словно радуясь, что поднялась еще на три этажа.

— Как Чарльз? — спросил Лэйнг. — На работе?

— Нет... Он отпросился. По-моему, насовсем. А ты?

— Сегодня поеду. Хочешь, по дороге прове-
даю Чарльза?

Алиса словно не слышала. Она вцепилась
в перила и начала раскачиваться, как девчонка.

— Здесь так мирно... Роберт, ты не представ-
ляешь, что творится.

Лэйнга позабавило замечание Алисы, что его
не трогают события в высотке — типичное мне-
ние старшей сестры, обреченной с детства при-
сматривать за младшим братом.

— Заходи, когда захочешь. — Он положил ей
руку на плечо, легонько придерживая — на слу-
чай, если она потеряет равновесие. В прошлом
он всегда физически отстранялся от Алисы — она
была слишком похожа на их мать, но теперь —
и не только по сексуальным причинам — это
сходство его заводило. Хотелось трогать ее бедра,
гладить грудь.

— Можешь пользоваться моей кухней, — ска-
зал Лэйнг. — Насколько я понимаю, нас ждет
хаос. Здесь будет безопаснее.

— Хорошо. Только у тебя в квартире грязно...

— Я приберусь.

Лэйнг задумчиво посмотрел на сестру. Она
сознает, что происходит? Не желая того, они
только что условились о свидании.

По всей высотке люди паковали чемоданы,
готовясь к путешествиям — коротким, но важ-
ным, — на несколько этажей вверх или вниз.
Происходил скрытный обмен супругами. Шар-
лотта Мелвилл сошлась со статистиком с 29-го

этажа и почти не появлялась в своей квартире. Лэйнг не обижался. Шарлотте нужен человек, который поможет раскрыться ее силе и твердости.

Подумав о Шарлотте, Лэйнг ощутил сожаление, что сам никого не нашел. Впрочем, необходимую поддержку даст ему Алиса, с ее немодной теперь приверженностью домашним ценностям.

Обнимая сестру за плечи, Лэйнг посмотрел на крышу высотки. Казалось, он не поднимался на обзорную крышу многие месяцы, но впервые его туда не тянуло. Он построит себе жилище на этом месте, с этой женщиной и в этой пещере.

Удобно пристроившись к полному мусорному мешку, Лэйнг сидел на полу и смотрел на груды немытой посуды в раковине. Разглядывая кухню в непривычном ракурсе — снизу вверх, — Лэйнг поразился, во что она превратилась. Пол был завален объедками и пустыми консервными банками. С удивлением Лэйнг насчитал шесть полных мусорных мешков — он-то думал, что мешок всего один.

Лэйнг вытер руки о замызганные штаны и рубашку и, откинувшись на мягкое ложе из собственных отходов, чуть не задремал. Пришлось с усилием подниматься. Неуклонный упадок, постоянное снижение стандартов продолжались — не только в квартире, но и в личных привычках. В какой-то степени были виноваты перебои с водой и электричеством, однако существенную роль играло и падение интереса к любым услов-

ностям. Никого из соседей уже не волновало, что они едят. Ни Лэйнг, ни его друзья неделями не готовили чего-либо приличного. Точно так же никого не волновало, чем напиваться, — лишь бы побыстрее заглушить оставшиеся чувства. Лэйнг неделями не притрагивался к любимым аудиозаписям. Даже речь его стала грубой.

Такому упадку и в себе, и в окружающих он почти радовался. Грязь, несвежая одежда и отказ от гигиены, падение интереса к пище и питью — все это помогало показать себя настоящего.

Раздалось гудение холодильника. Электричество вернулось, и аппарат принялся сосать напряжение. Из крана закапала вода — заработали насосы. Вспомнив сердитые слова Анны, Лэйнг попытался навести хоть какой-то порядок. Но через полчаса, таща мусорный мешок из кухни в коридор, остановился и бросил мешок на пол. Все это ничего не даст, бессмысленно переносить грязь из одного места в другое.

Гораздо важней — физическая безопасность дома. Он прошелся вдоль длинных книжных полок в гостиной, сбрасывая медицинские и научные тома на пол. Разобрал полки, отнес доски в прихожую и целый час сутился, превращая открытую квартиру в самодельную крепость. Тяжелые предметы мебели — обеденный стол и резной дубовый шкаф из спальни — он передвинул в прихожую, из кресел и письменного стола соорудил прочную баррикаду, затем перенес запасы пищи из кухни в спальню. Запасы были неве-

лики, но позволяют протянуть несколько дней — мешки риса, сахара и соли, банки с говядиной и свининой, черствая буханка хлеба.

Теперь, когда кондиционер отказал, в комнатах стало душно. Отчетливо веяло крепким, но не противным запахом, характерным душком квартиры — запахом самого Лэйнга.

Он содрал с себя грязную футболку и помылся в последних струйках воды из душа. Потом побрился и надел чистую рубашку и костюм. Если прийти в институт, одетым как бродяга, можно выдать какому-нибудь остроглазому коллеге, что на самом деле творится в высотке. Лэйнг оценил себя в зеркале гардероба. Худющий, бледнокожий человек с синяками на лбу, в деловом костюме не по размеру, выглядел крайне неубедительно — так вышедший на свободу заключенный в чужом костюме моргает на дневной свет после долгого срока.

Укрепив запоры на входной двери, Лэйнг решил покинуть квартиру. К счастью, покинуть высотку было проще, чем передвигаться внутри нее. Словно неофициальная линия метро, один лифт, по всеобщему согласию, продолжал курсировать от главного вестибюля в рабочее время. Несмотря на это, повсюду ясно ощущалась атмосфера напряженности и враждебности. Баррикады из мебели и мусорных мешков загораживали вход на каждый этаж. Не только стены коридоров

и холлов, но и потолки, и ковры были исписаны лозунгами — путаница кодированных сигналов, отмечающих атаки диверсионных групп с верхних или нижних этажей. Лэйнг еле сдержался, чтобы не нацарапать карандашом номер своего этажа на стене лифта — среди множества цифр, некоторые по три фута высотой, напоминавших записи в безумном гроссбухе. Испорчено было почти все, что только можно: зеркала в холлах разбиты, телефоны-автоматы сорваны со стен, обшивка на диване изрезана. Вандализм словно был для чего-то нужен — он прикрывал намерение жильцов высотки, сдирая телефоны, отрезать себя от внешнего мира.

На несколько часов в день неформальное перемирие открывало транспортную систему здания, но период затишья становился все короче. Жители передвигались по высотке маленьими группками, чутко сторонясь чужаков. Лэйнг и другие пассажиры лифта застыли в медленно ползущей кабине, как манекены в музее под табличкой «жилец высотки второй половины двадцатого века».

Добравшись до цокольного этажа, Лэйнг осторожно двинулся к выходу, мимо запертого кабинета управляющего и тюков неразобранной почты. Он уже несколько дней не выбирался в институт, так что свет и прохладный воздух за стеклянными дверями ошеломили его, как пугающая атмосфера чужой планеты. Аура необыч-

ности, гораздо более реальная, чем все внутри здания, тянулась от высотки во все стороны по бетонным площадям и мостовым комплекса.

Обернувшись через плечо, словно проверяя страховочный трос от здания, Лэйнг пошел по автостоянке. Сотни битых бутылок и банок валялись среди машин. Накануне приезжал санитарный инспектор из центрального офиса комплекса, но отбыл через полчаса, удовлетворившись тем, что горы отбросов — это следствие неотлаженной системы вывоза мусора. Поскольку формальных жалоб от жителей не поступало, то и мер принимать не требовалось. Лэйнга уже не удивляло, что жители, несколько недель назад единодушно ругавшие развал служб здания, теперь с тем же единодушием убеждали чужаков, что у них все в порядке — частично от извращенной гордости, а частично из желания разрешить конфронтацию без вмешательства; так враждующие банды, воюющие на помойке, объединяются против любого пришельца.

Лэйнг добрался до центра стоянки — всего в двухстах ярдах от соседской высотки, запечатанной прямоугольной планеты со стеклянной поверхностью. Уже почти все жильцы вселились в квартиры, похожие до последней занавески и посудомоечной машины на квартиры в высотке Лэйнга, но чужое здание казалось далеким и пугающим. Глядя на бесконечные ряды балконов, Лэйнг казался себе посетителем злобного зоопарка, где в составленных друг на друга клетках

содержались звери непредсказуемой жестокости. Несколько жителей, опершись о перила, безучастно разглядывали Лэйнга — он вдруг представил, как две тысячи жителей выскакивают на балконы, начинают швырять в него все, что под руку подвернется, и погребают его под курганом винных бутылок и пепельниц, аэрозольных баллончиков и упаковок презервативов.

Дойдя до своей машины, Лэйнг вдруг осознал, что противостоит здесь соблазнам внешнего мира, подвергается его скрытым угрозам. При всех конфликтах, высотка означала безопасность и защищенность. Вспомнился застойный воздух квартиры, согретой теплом его собственного тела. А тут яркий свет, отраженный хромированной отделкой сотен машин, наполнял воздух острыми ножами.

Повернувшись к машине спиной, Лэйнг зашагал по стоянке параллельно зданию. Он еще не готов выйти в открытое пространство, встретиться с коллегами в институте, продолжить занятия со студентами. Может быть, лучше сегодня остаться дома и подготовиться к следующей лекции?

Лэйнг добрался до берега декоративного озера — изящного овала в сто ярдов длиной, — спустился по лесенке и, следуя за своей тенью, пошел по слегка покатому бетонному дну. Через несколько минут он остановился в центре пустого озера. Или, вернее, в центре громадной могилы, закругленной со всех сторон, гладкой

и безликой, но чем-то пугающей, как очертания глубоко запрятанного психоза. Пустое свободное пространство олицетворяло все опасности мира за пределами высотки.

Не в силах здесь оставаться, Лэйнг повернулся и быстро зашагал к берегу, а потом побежал к дому между пыльными машинами.

Через десять минут он оказался в своей квартире. Заперев дверь, перелез через баррикаду и стал бродить по полупустым комнатам. Вдыхая спертый воздух, Лэйнг освежался собственными запахами, почти узнавая части тела — вот ноги, вот гениталии, вот сложная смесь запахов изо рта. Сорвав в спальне одежду, швырнув костюм и галстук на дно шкафа, он снова облачился в замызганный спортивный костюм. Он знал, что больше никогда не попытается покинуть высотку. Лэйнг подумал про Алису, как завлечь ее в свою квартиру. В общем-то, именно сильные запахи и должны ее приманить.

11. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

К четырем часам вечера последние жильцы вернулись в высотку. С балкона Лэйнг наблюдал, как появляются машины и сворачивают к своим местам на парковке. С портфелями в руках водители направлялись ко входу. Лэйнгу понравилось, что всяческие разговоры прекращались, когда жильцы подходили к дому. Цивилизованные манеры его раздражали.

Вечером Лэйнг отдыхал, решив остыть и накопить силы для предстоящей ночи. Время от времени он перебирался через баррикаду и выглядывал в коридор, надеясь застать Стила. Беспокойство о сестре, которая была всего в трех этажах ниже со своим сумеречным мужем, не давало ему утомониться. Нужна вспышка насилия, нужен предлог ее спасти. Если план разделения дома воплотится в жизнь, сестры Лэйнгу уже не видать.

Лэйнг шагал по квартире, проверяя примитивные оборонительные укрепления. Жители верхних этажей гораздо уязвимее, чем представляют себе, и запросто могут оказаться во власти

жильцов нижних уровней. Уайлдеру и его прихвостням ничего не стоит заблокировать выходы, полностью отключить дом от электричества и воды и устроить пожар на верхних этажах. Лэйнг ясно представил, как первые языки пламени вздымаются по лифтовым шахтам и лестничным пролетам, а перепуганные жильцы ищут спасения на крыше.

Ошеломленный жутким видением, Лэйнг отсоединил акустические колонки и добавил их в баррикаду — к мебели и кухонной утвари. Пластинки и кассеты мешались на пути — Лэйнг отшвырнул их ногой. У основания гардероба в спальне он отодрал несколько половиц и в образовавшийся тайник размером с чемоданчик запихнул чековую книжку, страховой полис, налоговую декларацию и свидетельства на акции. Впихнув врачебную сумку с ампулами морфия, антибиотиков и сердечных стимуляторов и вернув половицы на место, Лэйнг почувствовал, что навеки опечатал остатки прежней жизни и безоговорочно готов к жизни грядущей.

Снаружи высотка выглядела безмятежной, но Лэйнг, к своему облегчению, в начале вечера услышал шум первых инцидентов. После обеда он ждал в лифтовом холле с группой соседей. А вдруг, господи спаси, ничего не случится? Обозреватель-международник принес новость: десятью этажами ниже состоялась жестокая битва за лифт. Адриана Талбота, симпатичного психиатра с 27-го этажа, облили мочой, когда он добирался

по лестнице домой. Пронесся даже слух, будто разорению подверглась квартира на 40-м этаже. Такие провокации гарантировали жаркую ночь.

Ходили слухи о том, что многие жители, вернувшись с работы, обнаруживали свои квартиры перевернутыми — мебель и кухонные принадлежности были поломаны, провода выдраны. Странно, что запасы пищи при этом остались нетронутыми, словно грабежи были случайными и бессмысленными. Или весь разгром устраивали сами хозяева, даже не ведая, что творят, лишь бы поднять градус насилия?

Вечер окутывал высотку; стычки продолжались. Из окон восьми погруженных во тьму этажей пробивались лучи фонариков, словно обозначая приготовления к жестокому кровавому ритуалу. Лэйнг сидел в темноте на ковре в гостиной, прислонившись спиной к надежной громаде баррикады. Свет зажигать не хотелось из страха — разумеется, абсурдного — перед нападением врагов снаружи, через балкон. Прихлебывая виски из фляжки, Лэйнг смотрел телевизор — первые вечерние программы. Звук он отключил — не от скуки документальных фильмов и комедийных сериалов, а от бессмысленности. Даже реклама, так нацеленная на повседневную реальность, казалась трансляцией с другой планеты. Устроившись среди мусорных мешков, Лэйнг следил, как фальшивые домохозяйки наводят чистоту на безупречных кухнях и поливают дезодорантом ухоженные подмышки.

Думая о сестре, он радовался первым знакам надвигающегося насилия. Брезгливой Алисе, видимо, покажется отталкивающим упадочное состояние квартиры, зато ей будет что критиковать. Пот Лэйнга и налет на зубах одевали его в броню грязи и телесного запаха, но зловоние придавало уверенности — телесными выделениями он словно доминировал над территорией. Даже то, что туалет скоро забытесь совсем (раньше он приходил от одной этой мысли в благоговейный ужас), теперь почти радовало.

Такой же отказ от стандартов гигиены наблюдался и у соседей. От их тел исходил сильнейший запах — фирменный знак высотки. Именно отсутствием этого аромата и пугал больше всего мир за стенами здания. Несколько дней назад Лэйнг поймал себя на том, что трется у стола секретарши, подбирайясь поближе, чтобы она могла ощутить надежный запах. Девушка обалдела, круглыми глазами глядя на импозантного бомжа.

Тремя этажами выше разбилась рухнувшая на балкон бутылка. Осколки мелькали в темноте, как трассирующие пули. Магнитофон у открытого окна взревел на полную катушку, и осколки усиленной музыки прошли всю ночь.

Лэйнг перелез через баррикаду и отпер дверь квартиры. В лифтовом холле несколько соседей подтащили стальную дверь пожарного выхода к лестничной площадке. Пятым этажом ниже в разгаре был налет. Лэйнг и члены его клана

столпились у стальной двери, вглядываясь в темноту лестничного колодца. Было слышно, как гудят шестеренки лифта, как ездит вверх и вниз кабина, переправляя новых атакующих к месту драки. С 20-го этажа, будто из пыточной ямы, донесся женский вопль.

С нетерпением ожидая, когда на помощь придет Стил, Лэйнг уже готов был отправиться на розыски. Но холл и коридор были забиты людьми — они бежали в темноте и сталкивались друг с другом, пытаясь пробиться к своим квартирам выше 25-го этажа. Атакующих отбросили. Лучи фонарей метались по стенам безумными семафорами. Лэйнг поскользнулся в липкой луже и упал среди мечущихся теней. Возбужденная женщина наступила на его руку, порезав каблуком запястье.

Следующие два часа в коридорах и на лестницах происходили местные бои, то выше, то ниже; баррикады восстанавливались и снова рушились. В полночь Лэйнг, скрючившись за перевернутой пожарной дверью, решил уже отправиться в квартиру Алисы, когда увидел среди поваленных стальных кресел Ричарда Уайлдера. В руке продюсер по-прежнему сжимал кинокамеру. Как громадный зверь, переводящий дыхание, он следил за тенями на стенах и потолке, словно вот-вот запрыгнет верхом на одну из них и погонит, как стаю зверей, вверх по воздуховодам высотки.

Стычка утихла, сместившись на нижние этажи. Лэйнг и его соседи собрались в квартире

Адриана Талбота. Они расселись на полу гостиной, среди поломанных столов и легких стульев с продавленными сиденьями. Фонари у ног жильцов образовали круг света, в котором поблескивали бутылки виски и водки, передаваемые из рук в руки.

С забинтованной рукой психиатр ходил по квартире, пытаясь картинами в разбитых рамках завесить лозунги, написанные на стенах веселенькими аэрозольными красками из супермаркета. Похоже, Талбота больше обижали личные гомофобные выпады, чем всеобщий упадок здания, однако Лэйнг считал их стимулирующими. Злобные карикатуры на стенах сверкали в свете фонарей, как приапические изображения пещерных жителей.

— По крайней мере, вас не тронули, — сказал Талбот, присев на корточки рядом с Лэйнгом. — А меня явно выбрали козлом отпущения. Этот дом словно средоточие обид — все буквально выплескивают нерастраченные запасы инфантильной агрессии

— Они перегорят.

— Возможно. На меня сегодня вылили ведро мочи. Еще немного — и я сам схвачусь за дубину. И неправильно полагать, будто мы все движемся к светлому примитивизму. Мы видим тут гораздо менее благородных дикарей, чем наши не такие уж невинные постфрейдистские «я», разгневанные привычкой к ватерклозету, грудным вскармливанием и родительской любовью; мы видим

гораздо более опасную смесь, чем все, с чем сталкивались наши викторианские предшественники. У наших соседей было счастливое детство, и все равно они в ярости. Может, их возмущает то, что у них не было шанса стать извращенцами...

Поглаживая синяки и передавая по кругу бутылки — для храбрости, — соседи заводили разговоры о контратаке и мщении. Стила по-прежнему не было. Почему-то Лэйнгу казалось, что тот должен быть здесь — будущий вождь, гораздо более значительный, чем Крослэнд. Несмотря на травмы, Лэйнг ощущал подъем и силу и хотел вернуться в драку. Темнота придавала уверенности; это была естественная среда обитания в высотке. Лэйнг гордился собой — он научился передвигаться в совершенно неосвещенных коридорах — по три шага, не больше, — останавливаться и слушать тишину; даже по собственной квартире он двигался, пригибаясь к полу.

Настоящий свет высотки — это мгновенная фотовспышка, помогающая запечатлеть миг желанного насилия, чтобы потом пересматривать снимки в вуайеристском задоре. Что за порочные виды электрической флоры появятся на запачканных коврах в коридоре в ответ на новый источник света? Полы были завалены засвеченной фотопленкой, — хлопьями, выпадающими под внутренним солнцем.

Взвинченный алкоголем, Лэйнг с трудом встал, когда соседи, словно пьяные студенты, принялись пихать друг друга, подстегивая хра-

брость. Они спустились во тьме на три этажа и вошли в анклав брошенных квартир на 22-м; проходя по пустынным комнатам, пинали экраны телевизоров и били кухонную посуду.

Чтобы прочистить мозги, прежде чем идти спасать сестру, Лэйнг пошел на балкон и сунул в рот два пальца. Нити светящейся слизи протянулись по фасаду здания. Согнувшись над перилами, Лэйнг слышал, как по коридору ходят соседи. Когда уйдут, он пойдет искать Алису.

За спиной вспыхнул электрический свет и начал мигать, как сердце с аритмией.

— Смотрите, Лэйнг, — позвал знакомый четкий голос ортодонта. — Это интересно.

Стил кружил по комнате, держа в руке шпагу из трости. Время от времени он делал выпад в пол, словно репетировал мелодраму.

Лэйнг осторожно подошел к двери, радуясь, что Стил нашелся, но понимая, насколько беззащитен, если тому придет в голову какая блажь. Лэйнг полагал, что Стил поймал хозяина квартиры или бродягу, который нашел тут приют, но в спальне никого не было. Потом, последовав взглядом за лезвием шпаги, Лэйнг увидел, что Стил загнал под туалетный столик небольшого кота. Стил метнулся вперед, взмахнул парчовой шторой, сорванной с окна, и потащил испуганное животное в ванную.

— Погодите, доктор! — Голос ортодонта был пропитан странной ледяной радостью, как у эротической машины. — Не уходите...

Свет продолжал мигать; Лэйнг словно смотрел страшную кинохронику. Сам себе поражаясь, он наблюдал, как Стил расправляется с котом под шторой. По какой-то уродливой логике ортодонт, мучивший животное, получал двойное удовольствие от присутствия брезгливого, но очарованного свидетеля.

С трудом оторвавшись от зрелища, Лэйнг молча вышел. Он осторожно шел по темному коридору, а в дверях разоренных квартир мигал свет от опрокинутых на пол ламп, от телевизоров, в последний раз вернувшихся к жизни. Где-то звучала тихая музыка. В пустой спальне кинопроектор докручивал последние кадры порнофильма на стену перед кроватью.

Добравшись до квартиры Алисы, Лэйнг помедлил, не зная, как объяснить свой приход. Но когда сестра открыла дверь и поманила его, Лэйнг тут же понял: она знала, что он придет. Два чемодана, уже собранные, стояли в гостиной. В спальне беспробудным сном спал Фробишер, рядом стоял полупустой ящик виски.

Алиса взяла брата за руку.

— Ты поздно, — сказала она с упреком. — Я давно жду.

Покидая квартиру, она даже не подумала оглянуться на мужа. Лэйнг припомнил, как много лет назад, дома, они с Алисой так же выскользнули из гостиной, где мать лежала без сознания, поранив себя во время запоя.

На лестнице, пока они поднимались в безопасной темноте на 25-й этаж, эхом отдавались звуки мелкой стычки. Теперь на пятнадцати этажах, включая этаж Лэйнга, света не было совсем.

Как буря, не желающая утихать, время от времени налетает новым порывом, так и насилие продолжалось всю ночь, пока Лэйнг с сестрой лежали без сна на матрасе в его спальне.

12. К ВЕРШИНЕ

Через четыре дня, примерно в два пополудни, Ричард Уайлдер вернулся из телестудии и выехал на автостоянку у здания. Сбросив скорость, чтобы в полной мере насладиться моментом возвращения, он удобно устроился за рулем и уверенным взглядом окидывал фасад многоэтажки. Длинные ряды припаркованных автомобилей покрылись слоем грязи и цементной пыли, лежащей через открытое пространство комплекса от строящейся развязки за медицинским центром. В эти дни мало машин уезжали со стоянки, так что свободных мест почти не было, но Уайлдер катался по подъездным дорожкам — доезжая до конца и сдавая назад к отправной точке.

Уайлдер погладил пальцем затянувшийся шрам на небритом подбородке — память о жестокой коридорной схватке накануне ночью. Он нарочно расковырял рану и с удовлетворением взглянул на окровавленный палец. По пути с работы Уайлдер гнал на полной скорости, словно пытался вырваться из злобного сна, гудел клаксоном и кричал на других водителей; теперь он

был спокоен и расслаблен. Сам вид пяти высоток умиротворил его, как всегда, предоставив реальность, которой не хватало в студии.

Уверенный в том, что найдет свободное место, Уайлдер продолжал объезжать стоянку. Изначально он парковался, как и его соседи с нижних этажей, в рядах по периметру стоянки, но в предыдущие недели он постепенно придвигал машину к зданию. То, что начиналось как безобидная игра тщеславия — ирония по отношению к самому себе, — скоро превратилось в серьезный процесс, очевидный показатель успеха или поражения. После нескольких недель восхождения на высотку он почувствовал, что вправе парковаться в тех же рядах, что и его новоиспеченные соседи. В момент триумфа, когда он взберется на 40-й этаж, его машина встанет рядом с дорогущими развалюхами у самых стен.

Прошлой ночью Уайлдер несколько часов удерживался на 20-м этаже и даже за несколько минут неожиданной схватки достиг 25-го. К рассвету его вынудили отступить с занятых позиций к предыдущему базовому лагерю на 17-м этаже — в квартиру ассистента режиссера с телестудии, бывшего собутыльника по фамилии Хиллман, который с неохотой приютил кукушонка в своем гнезде. Захват этажа, по строгой квалификации Уайлдера, значил больше, чем случайный захват заброшенной квартиры. Свободных жилищ в высотке были уже десятки. Уайлдер выбрал для себя более сложную версию восхождения — новые

соседи должны признать его за своего, за человека, получившего права на квартиру не просто грубой силой. Коротко говоря, он должен стать им нужным.

На 20-й этаж Уайлдер попал в результате одного из демографических капризов, которые сопровождали его восхождение. Во время местных стычек, заполнивших ночь, он помог заблокировать сломанную дверь квартиры на 20-м этаже. Там проживали две специалистки по фондовому рынку. Сначала чуть не выбив бутылкой шампанского мозги Уайлдеру, когда он сунул голову в дверной проем, они затем с радостью приняли его предложение помочи — он был восхитительно спокоен в минуты кризиса. Старшая из женщин, яркая блондинка лет тридцати, даже сделала Уайлдеру комплимент, назвав единственным здравомыслящим мужчиной в высотке. Уайлдер, со своей стороны, рад был играть роль хозяина дома, а не изображать вождя народа и Бонапарта на баррикадах в лифтовых холлах или объяснять необученной милиции из редакторов журналов и финансовых директоров, как атаковать защищенную лестницу или захватывать вражеский лифт. Помимо прочего, чем выше он забирался, тем в худшей физической форме находил местных, — долгие часы на велотренажере готовили их только к долгим часам на велотренажере.

Оказав помощь двум женщинам, Уайлдер кротал время до рассвета, попивая их вино и напрашиваясь на приглашение переехать в их квар-

тиру. Как обычно, он размахивал кинокамерой и рассказывал про документальный фильм о высотке, приглашая женщин появиться на экране. Однако такое предложение их особо не впечатлило. Если на нижних этажах жильцы с радостью готовы были участвовать в программе и выплакать свои горести, жители верхних этажей уже все бывали на телевидении, многие и не разу, в качестве экспертов в актуальных программах.

— Телевизор нужен, чтобы его смотреть, Уайлдер, — строго сказала одна из женщин. — А не чтобы в него лезть.

Вскоре после рассвета появились члены женского диверсионного отряда. Их мужья и спутники кто переехал к друзьям на другой этаж, кто совсем исчез. Вождица, пожилая детская писательница, в ответ на предложение стать звездой документального фильма только сердито зыркнула на Уайлдера. Поняв намек, он раскланялся и вернулся на промежуточную базу, в квартиру Хиллманов на 17-м этаже.

В тридцати футах от машины Уайлдера, который вознамерился найти достойное своего нового положения место, бутылка рухнула на крышу чьего-то автомобиля, разлетевшись облаком блестящих осколков. Бутылка прилетела с далеких высот, чуть ли не с 40-го этажа. Уайлдер притормозил машину, почти остановив ее, подставляясь, как мишень. Он даже готов был увидеть фигуру Энтони Ройяла в белой куртке

у перил пентхауса — в позе мессии — и белую овчарку у его ног.

За последние дни Уайлдеру довелось несколько раз мельком увидеть архитектора — тот исчезал в экспроприированном лифте, уносясь в цитадель верхних этажей. Вне всяких сомнений, он нарочно выставлялся перед Уайлдером, маня вверх. Иногда казалось, будто Ройял непостижимым образом знает про затаившуюся в чердаке мозга Уайлдера мутную фигуру биологического отца, мелькающего в высоких окнах детской. Сознательно ли Ройял играет эту роль, надеясь, что сложные чувства Уайлдера по отношению к отцу поколеблют его решимость к восхождению?.. Уайлдер ударил тяжелыми кулаками по рулевому колесу. Каждую ночь он становится ближе к Ройялу, делает несколько шагов к последней схватке.

Под шинами захрустели осколки стекла. Прямо перед глазами Уайлдера, в первом ряду, предназначенному для жителей верхнего этажа, оказалось свободное место — раньше там стояла машина погибшего ювелира. Без колебаний Уайлдер повернул руль и встал на свободное место.

— Давно пора...

Свободное место — хорошее предзнаменование. Он не спеша выбрался из машины и прошагал ко входу с видом состоятельного землевладельца, только что прикупившего гору.

Днем Уайлдер проводил несколько часов с Хелен и сыновьями на 2-м этаже, стараясь подбодрить жену, от которой все больше отдался.

Рано или поздно он уйдет навсегда. По вечерам, когда он возобновлял восхождение, Хелен немногого оживлялась и даже говорила с ним о его работе в телестудии — о программах, над которыми он работал несколько лет назад. Прошлым вечером, когда Уайлдер собрался идти, успокаивая сыновей и проверяя запоры на двери, Хелен вдруг обняла его, словно хотела остановить. Мышцы на ее худом лице нервно задрожали, как будто внутри пытались встать на место детали замка с секретом.

К удивлению Уайлдера, войдя в квартиру и пробравшись по коридору между баррикадой и мусорными мешками, он обнаружил жену в состоянии радостного возбуждения. Хелен с группой домохозяек отмечала небольшую победу. Две молодые женщины с 7-го этажа, бывшие учительницы в начальной школе, решили возобновить занятия. По тому, какими мрачными взглядами они смотрели на группу добровольцев из трех пап, заслонявших женщин от дверей, Уайлдер понял, что им пришлось пережить жестокое похищение.

Пока Уайлдер готовил ужин из последних консервов, Хелен сидела у кухонного стола; ее белые руки метались, как испуганные птицы в клетке.

— Просто не верится — я на какое-то время освобожусь от мальчиков.

— А где будут занятия?

— Здесь, у нас — завтра и послезавтра.

— Но тогда ты вовсе не будешь свободна от мальчиков... Впрочем, хоть что-то.

Уайлдер спрашивал себя, сможет ли Хелен бросить детей. Она только об этом и думала. Играя с сыновьями, Уайлдер всерьез раздумывал, не взять ли их с собой наверх. Он смотрел, как Хелен пытается прибраться в квартире — гостиная была разграблена во время налета. Пока Хелен с сыновьями укрывалась у соседей, налетчики переломали мебель, практически полностью уничтожили кухню. Хелен принесла поломанные стулья из столовой и выставила в ряд перед страдающим переломом столешницы столом Уайлдера. Перекошенные стулья опирались друг на друга, представляя диковинную пародию на школьный класс.

Уайлдер даже не пытался помочь. Иногда ему казалось, что жена нарочно изнуряет себя и что синяки на запястьях и коленях были частью сложной системы намеренного самоистязания, попыткой отвоевать мужа; каждый день, возвращаясь домой, он был почти уверен, что найдет ее в инвалидном кресле со сломанными ногами и повязкой на бритой голове, решившейся на последний отчаянный шаг — лоботомию.

Почему он возвращался? Единственной его целью было бросить Хелен; избавиться от тяги возвращаться каждый вечер в квартиру и от любых обветшальных связей с собственным детством. Расставшись с Хелен, он отключится от всей системы подростковых запретов, от которой пытал-

ся освободиться с юности. Даже его агрессивное распутство было частью той же попытки отринуть прошлое, хотя Хелен своим безразличием сводила эту попытку на нет. Впрочем, в конце концов именно его романы подготовили почву для восхождения на высотку, создали опоры, которые помогут ему взобраться на крышу по телам былых любовниц.

Уайлдеру претило всерьез заниматься состоянием жены или жизнью ее соседей-неудачников. Нижние этажи обречены. Сама настойчивая идея учить детей — последний рефлекс любой угнетаемой группы, готовой сдаться, — говорила о том, что сопротивление на исходе. Хелен теперь даже соглашалась на помочь группы женщин с 29-го этажа. Во время дневного заташья детская писательница и ее прислужницы обходили дом, предлагая помочь брошенным и одиноким женщинам.

Уайлдер зашел в спальню к сыновьям. Они стреляли по пустым мискам из пластиковых пистолетов и обрадовались, увидев отца. Мальчики были одеты в детские камуфляжные костюмы парашютистов и жестяные каски. Уайлдер машинально отметил, что форма неправильная; в свете надвигающихся событий правильная военная униформа в высотке — деловой костюм брокера, портфель и шляпа.

Мальчики хотели есть. Позвав Хелен, Уайлдер вернулся на кухню. Жена стояла на коленях у электроплиты. Дверца духовки была открыта,

и Уайлдеру вдруг показалось, что Хелен пытается спрятать свое маленькое тело в духовке — а может, саму себя приготовить, как прощальный дар семье.

— Хелен... — Он нагнулся к жене, поразившись крохотности ее тела — горстке косточек под бледной кожей. — Господи, да ты просто...

— Все в порядке, я потом поем. — Хелен отстранилась и начала бездумно скрести пригоревший жир на дне духовки.

Глядя на скрюченную у его ног жену, Уайлдер сообразил, что у нее бывают голодные обмороки. Он позволил ей облокотиться на плиту и обвел взглядом пустые полки.

— Подожди тут, я схожу в супермаркет, куплю что-нибудь поесть. Почему ты не сказала, что голодаешь?

— Ричард, я тысячу раз говорила.

Она с пола наблюдала, как он ищет у нее в сумке деньги — свои в последнее время были Уайлдеру ни к чему. Он даже не обналичил последний зарплатный чек.

Заперев за собой дверь, Уайлдер отправился на поиски пищи и воды. Во время дневного перемирия жильцам нижней секции дома еще был доступен путь до супермаркета на 10-м этаже. Почти все лестницы перегораживали прочные баррикады — гостиные гарнитуры, обеденные столы и стиральные машины громоздились от ступеней до потолка. Больше дюжины лифтов

из двадцати не работали. Остальные работали с перебоями, по прихоти любого властного клана.

В холле Уайлдер осторожно заглянул в пустые шахты. Куски металлических перил и водопроводных труб, перегораживающих шахты, как стопоры, чтобы не дать лифтам проехать, сами образовывали своего рода лестницу.

Стены были исписаны лозунгами и непристойностями, списки жильцов превратились в безумные каталоги. У дверей холла четкий указатель в военном стиле обозначал единственную безопасную лестницу, которой можно пользоваться ранним утром и в комендантский час — на протяжении трех часов.

Уайлдер поднял камеру и поглядел на знак через видоискатель. Отличный получится начальный кадр. Уайлдер по-прежнему был убежден, что необходимо оставить визуальное свидетельство всего, что происходит в высотке, хотя решимость его таяла. Развал высотки напоминал ему один фильм — городок в Андах сползнул по склону горы к гибели, а жители неторопливо снимали с веревок белье в разваливающихся садах, продолжали готовить в кухнях, пока вокруг рушились стены...

Уже двадцать этажей оставались без света по ночам; больше сотни квартир были брошены жильцами. Клановая система, которая давала жителям чувство безопасности, теперь почти развалилась, жильцами овладевали апатия или паранойя. Повсеместно люди прятались в квартире, а то и в одной комнате, заваливая вход баррикадой.

На площадке 5-го этажа Уайлдер остановился, удивляясь, что вокруг нет ни души. Он подождал у двери в холл, ловя любой подозрительный звук. Из тени возник высокий пожилой социолог с мешком отбросов в руке и двинулся, как привидение, по замусоренному коридору.

Несмотря на развал дома — воды почти не было, вентиляционную систему засорили объедками и экскрементами, — при свете дня большинство жильцов вели себя сдержанно. На площадке 7-го этажа Уайлдер остановился еще раз, чтобы облегчиться прямо на ступеньки. Почему-то его удивил вид мочи, текущей между ног. Но это ерунда. Уайлдер находил особое удовольствие в том, что во времяочных стычек и налетов может мочиться, где захочет, и какать в заброшенных квартирах. Прошлой ночью он радостно гонял перепуганную женщину, которая умоляла его не облегчаться на полу ее ванной.

Так или иначе, Уайлдер любил и понимал ночь — только в темноте освобождались подавленные инстинкты. Он радовался проявлению новых извращенных черт характера. К счастью, вести себя как выродок становилось тем легче, чем выше он поднимался, — словно под воздействием тайной логики высотки.

Вестибюль 10-го этажа пустовал. Уайлдер прикрыл дверь на лестницу и двинулся к торговому центру. Банк был закрыт, как и парикмахерская, и винный магазин. Последняя кассирша

супермаркета — жена оператора с 3-го этажа — stoически сидела за кассой, властвуя, как обреченная Британия, над морями мусора. Уайлдер прошелся мимо пустых полок. На дне морозильных прилавков в жирных лужах плавали гниющие продукты. В центре торгового зала рассыпалась пирамида упаковок собачьих бисквитов.

Уайлдер положил в корзинку три пачки бисквитов и шесть банок кошачьего питания. С этим Хелен и мальчики протянут, пока Уайлдеру не удастся вломиться в чужую квартиру и вскрыть тайник с едой.

— Остался только корм для животных, — пожаловался он кассирше. — Ничего не заказываете?

— Спроса нет, — ответила женщина, машинально поглаживая рану на лбу. — Все, наверное, затоварились несколько месяцев назад.

Врет, подумал Уайлдер, шагая к лифтовому холлу. Уж он-то знал — взломав не одну квартиру, — что мало кто хранил хоть какие-то запасы еды. Люди просто перестали задумываться над тем, что будет завтра.

Цифры над дверью лифта двигались — последний доступный на сегодня лифт поднимался вверх. Где-нибудь между 25-м и 30-м этажами его остановит часовой, — и это будет конец дневного перемирия и начало еще одной ночи.

Уайлдер машинально прибавил ходу. Он оказался у дверей лифта, когда кабина притормозила на 9-м, выпуская пассажира. Едва она начала движение, Уайлдер успел нажать кнопку.

В те секунды, что оставались до открытия дверей, он понял, что окончательно решил бросить Хелен и сыновей. У него теперь только один путь — вверх. Как альпинист, отдыхающий в ста футах от вершины, он не имел выбора.

Двери лифта открылись. Человек пятнадцать смотрели на Уайлдера, неподвижные, как пластмассовые манекены. Только ноги чуть шаркнули, освобождая место.

Он помедлил, подавив желание развернуться и броситься вниз по лестнице к своей квартире. Глаза пассажиров были устремлены на Уайлдера — всех утомила его нерешительность, и все боялись какой-то уловки.

Двери начали закрываться, и Уайлдер шагнул в кабину, выставив перед собой кинокамеру. Он снова начал восхождение на высотку.

13. БОЕВАЯ РАСКРАСКА

После двадцатиминутной задержки, раздражающей, как заминка на сонной пограничной заставе, лифт поднялся с 16-го на 17-й этаж. Утомленный ожиданием, Уайлдер шагнул в холл, ища, куда бы швырнуть коробки с собачьей и кошачьей едой. Оставшиеся в лифте бухгалтеры и телемагнаты, прижатые плечами друг к другу, вцепились в портфели и, чтобы не смотреть на попутчиков, пристально изучали граффити на стенках. Стальная крыша кабины куда-то пропала — выломали и унесли с какой-то целью? — и длинная шахта уходила ввысь над их головами, открытыми любому, кому подвернется под руку кирпич.

Три пассажира, вышедшие из лифта вместе с Уайлдером, исчезли среди баррикад, переграживающих тускло освещенный коридор. Добравшись до квартиры Хиллманов, Уайлдер обнаружил дверь надежно запертой. Изнутри не доносилось никаких звуков. Попытки взломать замок не удались. Видимо, Хиллманы бросили квартиру и укрылись у друзей.

Вдруг из глубины прихожей послышалось негромкое царапание. Прижав голову к двери, Уайлдер разобрал, как миссис Хиллман тихим голосом спорит с собой, двигая по полу что-то тяжелое.

После долгих перестукиваний и переговоров, которые Уайлдеру приходилось вести, подражая льстивому тону самой миссис Хиллман, он был допущен в квартиру. Громоздкая баррикада из мебели, кухонного оборудования, книг, одежды и даже настольных украшений перегораживала прихожую, напоминая обычную городскую свалку в миниатюре.

На матрасе в спальне лежал Хиллман с разбитой головой, перевязанной разодранной рубашкой, через которую сочилась на подушку кровь. Когда Уайлдер вошел, рука раненого зашевелилась, пытаясь нащупать лежавший рядом обломок балконных перил. Хиллман стал одним из первых козлов отпущения — бесцеремонность и независимость превратили его в естественную мишень. Во время налета на верхний этаж ассистента режиссера ударили по голове статуэткой-премией за лучшую телепрограмму. Уайлдер дотащил его до квартиры и приглядывал за ним ночью.

При нетрудоспособном муже миссис Хиллман целиком зависела от Уайлдера, и ему такая зависимость нравилась. Когда Уайлдер отсутствовал, миссис Хиллман беспрерывно беспокоилась о нем, как сверхзаботливая мама волнуется за

непутевого сына; а сразу по его возвращении забывала, кто он такой.

Она потянула Уайлдера за рукав — прочь от Хиллмана. Ее больше заботила баррикада, чем муж. Все в квартире, что можно было сдвинуть с места, даже мелочи, она добавляла к завалам перед дверью, рискуя однажды замуроваться на века. Каждую ночь, когда Уайлдер несколько часов дремал, свернувшись в кресле, он слышал, как миссис Хиллман без устали двигается вокруг, добавляя в баррикаду случайно найденный предмет мебели, три книжки, виниловую пластинку, шкатулку для драгоценностей... Однажды Уайлдер, проснувшись, обнаружил, что она использовала и его собственное тело. Часто с утра приходилось по полчаса пробираться к двери.

Миссис Хиллман уставилась на коробку собачьей еды — в отсутствие мебели Уайлдер не знал, куда ее девать, а добавлять в баррикаду почему-то не хотелось.

— Я прибралась, — с гордостью сказала она. — Вы ведь этого хотели?

— Разумеется... — Уайлдер хозяйственным глазом оглядел квартиру. Честно говоря, изменений он не заметил.

— А это что? — Она нетерпеливо показала на коробку, играво ткнув Уайлдера под ребра, как мама, поймавшая маленького сына с подарком. — Сюрприз?

— Оставьте. — Уайлдер грубо отодвинул ее, почти свалив с ног. Ему нравились такие аб-

сурдные ритуалы. В них они выходили на такой уровень интимности, которого он не достиг бы с Хелен.

Крохотная женщина проворно извлекла из коробки упаковку собачьих бисквитов и уставилась на перекормленного бассет-хаунда на этикетке. Хиллманы оба были тощие, как пугала. От щедрот Уайлдер протянул ей банку кошачьих консервов.

— Размочите бисквиты в джине — я знаю, где-то припрятана бутылка. Это вам обоим полезно.

— У нас будет собака! — В ответ на сердитый взгляд Уайлдера она прильнула к нему, положив ладони на его тяжелую грудь. — Собака! Пожалуйста, Дик...

Уайлдер хотел отодвинуться, но похотливый и льстивый тон женщины сбивал с толку. Он сделал вид, что заигрывает, из любопытства обхватив ладонями маленькие, как яблочки, ягодицы миссис Хиллман — посмотреть, как отреагирует раненый. Но Хиллман, похоже, ничего не заметил. Уайлдер прекратил гладить миссис Хиллман, когда она начала в открытую отвечать на ласки. Не такого развития отношений он хотел.

— Дик, я знаю, почему вы пришли спасти меня... — Миссис Хиллман последовала за ним вокруг баррикады, все еще держа за руку. — Вы их накажете?

Это тоже входило в игру. «Они» — жители высотки ниже 17-го этажа — должны явиться

с повинной и пасть ниц в бесконечную очередь у ее двери.

— Накажу, — успокоил ее Уайлдер. — Все хорошо?

Кивнув, жаждущая мщения миссис Хиллман выхватила из недр баррикады черную металлическую трубку. Уайлдер с удивлением увидел, что это ствол дробовика, и забрал оружие у женщины. Она ободряюще улыбалась, словно ожидала, что Уайлдер сейчас же отправится в коридор и пристрелит кого-нибудь. Он переломил затвор: заряжено.

Уайлдер убрал оружие подальше от миссис Хиллман. Ему пришло в голову, что дробовик — лишь один из, может быть, сотен стволов высотки — охотничьи ружья, оружие на память о военной службе, дамские пистолетики. Но при всей вакханалии насилия никто ни разу не выстрелил. И Уайлдер точно знал — почему. И почему сам он ни за что не станет стрелять из этого дробовика, даже на пороге смерти. Жители высотки заключили молчаливое соглашение — разрешать противостояние только с помощью физической силы.

Уайлдер затолкал дробовик вглубь баррикады и пихнул миссис Хиллман в грудь.

— Ступайте, спасайтесь ...

Когда она, наполовину шутливо, наполовину всерьез, запротестовала, он начал бросать в нее собачьи бисквиты, роняя их на пол. Ему нравилось издеваться над ней.

На высотку опускалась тьма, и Уайлдер больше и больше тупел, напуская на себя грубость, как провинившийся отрок выпендривается перед директрисой.

Всю ночь, прерываемую вспышками насилия, Уайлдер провел в квартире Хиллманов на 17-м этаже. То, что инцидентов становится меньше, его расстроило, — в целях восхождения на высотку он собирался предлагать свои услуги боевика тем или иным воюющим группировкам. А открытые племенные конфликты прошлой недели теперь явно прекратились. Границы и линии перемирия стерлись; клановая структура распалась, уступив место маленьким анклавам, объединяющим три-четыре соседних квартиры.

Сидя в темноте на полу гостиной у противоположных стен, Уайлдер и миссис Хиллман прислушивались к приглушенным звукам, — так звери в темнеющем зоопарке укладываются рядышком в угрюмой тишине, иногда бросаясь друг на друга в коротких актах дикого насилия.

Ближайшие соседи Хиллмана — страховой брокер и его жена, два финансовых директора и фармаколог — были совершенно лишены инициативы и на призывы к самоорганизации не реагировали. Их застывшие мозги можно было расшевелить только самыми вопиющими проявлениями бессмысленной злобы. Притворный и искренний гнев Уайлдера, его фантазии о мести лишь на миг вырывали бедняг из оцепенения.

Перегруппировка вокруг наиболее радикальных и агрессивных вождей происходила по всей высотке. В послеполуночные часы свет фонарей метался по холлам и коридорам — там мелкие анклавы по пять-шесть жильцов, присев среди пластиковых мусорных мешков, подзуживали сами себя — как гости на свадьбе спаивают друг друга, зная, что скоро будут спокойно совокупляться среди сладких угощений.

В два часа Уайлдер вышел из квартиры Хиллманов и пошел тормошить соседей. Мужчины сгрудились с дубинками и копьями в руках, сложив фляжки в общую кучу. Луци фонарей выхватывали из тьмы обширную выставку мусорных мешков. Уайлдер обрисовывал план очередной фурражной экспедиции на верхние этажи. Соседи, хоть и питались много дней впроголодь, не рвались принимать участие в набеге, опасаясь мощного отпора. Однако Уайлдер умело играл на их фантазии, в очередной раз в качестве козла отпущения выбрав Адриана Талбота, которого на сей раз обвинил в приставании к ребенку в раздевалке бассейна. Лживость обвинения, очевидная для всех, служила только доказательством.

Незадолго до рассвета Уайлдер оказался в пустой квартире на 26-м этаже. Женщина с маленьким сыном, жившая тут, ушла, даже не подумав навесить на дверь висячий замок. Утомленный ночных буйствами, Уайлдер сбежал от диверсионной группы, предоставив им в десятый раз

громить квартиру Талбота. В его планы входило угнездиться в пустой квартире и весь день спать, чтобы в сумерках продолжить восхождение.

Обыскав комнаты, он бродил в темноте, распахивая шкафы и сбрасывая на пол книги и украшения. Хозяйка, покидая квартиру, предприняла робкую попытку прибраться, сложив детские игрушки в гардероб в спальне. Уайлдер расстроил вид подметенных полов и аккуратно сложенных штор. Он вывалил ящики шкафов на пол, сорвал с кроватей матрасы и помочился в ванну. Его дородная фигура в расстегнутых штанах, открывавших крупные гениталии, глядела из зеркал в спальне. Уайлдер чуть не расколотил стекло; успокоил его вид собственного пениса — белой дубинки во тьме. Надо бы как-то его украсить, может, бантик с букетиком повязать.

Уайлдер не сомневался в успехе. Даже чувство голода заглушалось торжеством — пройдено больше половины пути к вершине. Из окна уже было трудно разглядеть землю внизу — оставленный позади мир. Где-то в вышине прогуливается со своей белой овчаркой Энтони Ройял, не подозревая, какой его ждет сюрприз.

На рассвете пришла хозяйка квартиры и ощупью двинулась на кухню, где отдыхал Уайлдер. Он сидел, расслабленный, на полу, спиной к плите, разбросав вокруг остатки еды. Ему удалось найти несколько консервных банок и две бутылки красного вина в обычном тайнике — под днищем гардероба в спальне. Открыв банки, Уайлдер занялся

магнитофоном на батарейках, найденным среди детских игрушек: похрюкал и порыгал в микрофон, потом прослушал, что получилось. На серию отрыжек удалось наложить вторую и третью, причем все это собственными руками — пальцами с обгрызенными грязными ногтями.

Кларет навеял приятную дрему. Размазывая красное вино по широкой груди, Уайлдер дружелюбно посмотрел на ошарашенную хозяйку, которая, зайдя в кухню, споткнулась о его ноги.

Женщина, нервно положив ладонь на горло, уставилась на Уайлдера; он припомнил, что когда-то ее звали Шарлотта Мелвилл. Имя теперь существовало отдельно, как сорванный ветром со спортсмена жилет с номером. Уайлдер часто был в этой квартире — поэтому ему и показались смутно знакомыми детские игрушки и мебель, хотя кресла и диван передвинули, чтобы прикрыть тайники.

— Уайлдер?.. — тихо, словно с некоторым сомнением, произнесла Шарлотта Мелвилл. Ночью она пряталась с сыном тремя этажами выше, в квартире статистика, с которым недавно подружилась. С началом рассвета, когда все утихло, она вернулась, чтобы забрать остатки запасов пищи и уйти — теперь насовсем. Быстро опомнившись, она критически осмотрела плотного мужчину с распахнутым лоном, который лежал, словно дикарь, среди бутылок; его грудь украшали красные полосы. Она не ощущала потери или

оскорблений, как данное приняв хаос в квартире и крепкий запах мочи в ванной.

Уайлдер, похоже, дремал, и Шарлотта Мелвилл медленно двинулась к двери. Вдруг Уайлдер потянулся и ухватил женщину за лодыжку; встав, обошел вокруг нее, подняв магнитофон, словно собирался нанести удар. Но он только включал и выключал магнитофон, демонстрируя коллекцию отрыжек и хрюканий, довольный, что может похвастаться неожиданным мастерством.

Первый раз ударив ее и прижав к полу, Уайлдер попытался записать ее прерывистое дыхание, но ленту зажевало. Он аккуратно расправил ленту, нагнулся и снова начал шлепать женщину; и остановился, только когда записанные крики его удовлетворили. Во время неуклюжего полового акта на матрасе в детской спальне Уайлдер оставил включенный магнитофон рядом на полу и проигрывал запись короткого насилия, с наложенным треском разрываемой одежды и злобного пыхтения.

Потом ему наскучили и женщина, и игры с магнитофоном; он зашвырнул аппарат в угол. Звук собственного голоса, пусть и грубого, вносил какую-то дисгармонию. Говорить вообще не хотелось, как будто слова придавали всему неправильный смысл.

Шарлотта оделась, и они вместе позавтракали на балконе, сидя за столом по чудным правилам прежнего мира. Шарлотта ела остатки мяса из

банок, которые нашла на полу. Уайлдер допил кларет и обновил красные полосы на груди. Поднимавшееся солнце согревало его распахнутое лоно, и он ощущал себя довольным мужем, который завтракает с женой на террасе виллы, прилепившейся к склону горы. Он простодушно хотел рассказать Шарлотте про свое восхождение на высотку и робко показал на крышу. Но Шарлотта не поняла; запахнув порванную одежду вокруг крепкого тела, она тупо смотрела вдаль.

С балкона Уайлдер видел крышу высотки — меньше чем в дюжине этажей над ним. Такая высота ударяла в голову даже сильнее содержимого бутылки. Он уже мог разглядеть птиц, усевшихся в ряд на перилах — они, несомненно, ждали, когда он явится и примет командование.

Внизу, на балконе 20-го этажа, мужчина готовил еду на огне — подкладывал отломанные ножки кофейного столика в ворох тлеющих палок, на которых балансировала консервная банка.

К краю автостоянки подъехала полицейская машина. Несколько жильцов высотки — аккуратно одетые в костюмы и плащи, с портфелями в руках — как раз отправлялись в этот ранний час на работу. Оставленные на подъездных дорожках автомобили не давали полицейским доехать до входа; они вышли из машины и заговорили с жильцами. Обычно никто не стал бы отвечать чужим людям, но сейчас жители собрались вокруг двух полицейских. Уайлдер удивился — неужели собираются слить информацию? Впрочем, не

слыша ни слова, он все же понимал, о чем они говорят. Жильцы явно успокаивали полицейских, что все в порядке, невзирая на мусор и битые бутылки вокруг здания.

Решив проверить защищенность квартиры, прежде чем ложиться спать, Уайлдерглянулся в коридор. Потянуло богатыми ароматами. Как и мусор, так и экскременты жителей верхних этажей явно отличались по запаху.

Вернувшись на балкон, Уайлдер посмотрел, как полицейские садятся в машину и уезжают. Из двух десятков жителей, которые продолжали каждое утро выходить на работу, трое повернули обратно к высотке, явно выбитые из колеи общением с полицией.

Больше они и не попытаются выйти. Не за горами полное отключение высотки от внешнего мира, — и оно совпадет с его появлением на вершине. Умиротворенный такой картиной, Уайлдер сел на пол, положил голову на плечо Шарлотте Мелвилл и заснул, пока она гладила винные полосы на его груди и плечах.

14. ПОЛНАЯ ПОБЕДА

В сумерках, усилив охрану, Энтони Ройял приказал зажечь свечи на обеденном столе. Держа руки в карманах смокинга, он стоял у окна пентхауса на 40-м этаже и смотрел на бетонные площади комплекса. Все, кто ездил сегодня на работу, уже припарковали машины и пошли домой. Дождавшись их возвращения, Ройял почувствовал, что может расслабиться — так капитан, давно готовый поднять паруса, встречает последних членов экипажа из увольнения на берег в иностранном порту. Вечер начался.

Ройял сел во главе стола в дубовое кресло с высокой спинкой. Пламя свечей играло на серебряных приборах и золотой тарелке, отражалось в шелковой отделке смокинга. Как обычно, Ройял улыбнулся нарочитости обстановки, напоминающей дешевую телерекламу продукции для светского общества. Три недели назад они с Пэнгборном решили переодеваться к ужину каждый вечер. Ройял велел женщинам максимально раздвинуть стол в столовой, чтобы сидеть во главе стола спиной к высоким окнам и осве-

щенным этажам соседних высоток. По его приказу, женщины достали из тайников свечи и серебряную посуду и готовили мудреные блюда. Тени женщин качались на потолке — словно в столовой палате феодала. Сидя в кресле на дальнем конце длинного стола, Пэнгборн уместно восхищался.

Разумеется, гинеколог прекрасно понимал, что маскарад не имеет смысла. Всего в шаге, за границей освещенного свечами пространства, у стены толстым слоем лежали мусорные мешки. Коридоры и лестницы были набиты поломанной мебелью и перекрыты баррикадами из стиральных машин и морозильных камер. Шахты лифтов превратились в новые мусоропроводы. Ни один из двадцати лифтов высотки не работал, в шахтах копились кухонные отходы и трупы собак. Хоть какое-то подобие цивилизации осталось только на трех верхних этажах, в последнем племени высотки. Ройял и Пэнгборн ошибочно полагали, что под ними всегда останется какая-то общественная структура, которой можно повелевать. На самом деле высотка скатывалась в мир вообще без социальной организации. Кланы распались на мелкие группки убийц и одиноких охотников, которые ставили ловушки на людей в пустых квартирах или настигали неосмотрительных врансплох в лифтовых холлах.

В комнату вошла женщина, держа в сильных руках серебряный поднос. Приглядевшись, Ройял узнал миссис Уайлдер. Она была в изящ-

ном брючном костюме Анны; не в первый раз Ройял подумал, что эта умная женщина очень легко приспособилась к верхнему уровню высотки. Две недели назад, когда ее, брошенную Уайлдером, нашли съежившуюся с сыновьями в пустой квартире на 19-м этаже, она была совершенно истощена и замучена; то ли в поисках мужа, то ли повинуясь смутному инстинкту, она начала подъем. Разведгруппа доставила ее на последний этаж. Пэнгборн хотел вышвырнуть эту анемичную бродяжку, но Ройял не позво-лил. Где-то внизу еще пытался совершить восхождение на высотку Уайлдер; его жена может оказаться ценной заложницей. Ее отвели к группе брошенных жен, которые вместе с детьми жи-ли в соседней квартире и выполняли роль прислуги.

Очень скоро к миссис Уайлдер вернулись сила и уверенность, и она вновь стала прежней: серьезной и привлекательной женой напористо-го тележурналиста, появившегося в высотке год назад.

Ройял обратил внимание, что женщина убирает приборы перед креслом Пэнгборна, укладывая безукоризненно чистое серебро на поднос.

— Вы что-то знаете? Я так понимаю, он не придет сегодня вечером?

— И завтра, и после. Он решил отказаться от приема пищи — совсем. — Миссис Уайлдер взглянула через стол на Ройяла, словно сочув-

ствую ему, и буднично добавила: — Я бы с доктором Пэнгборном была поосторожнее.

— Понимаю.

— Когда такого человека, как доктор Пэнгборн, перестает интересовать еда, логично предположить, что он нашел более интересную работу зубам — и гораздо более опасную.

Ройяла не удивило, что совместные ужины подошли к концу. И он, и Пэнгборн предвидели неизбежный распад последнего клана высотки, и теперь, забрав своих женщин, они укрылись в штабах на противоположных концах крыши. Пэнгборн перебрался в пентхаус, принадлежавший покойному ювелиру. Странно, подумал Ройял, все возвращается к началу — каждый жилец замыкается в своей квартире.

За последние месяцы последствия автокатастрофы исчезли почти полностью; Ройял чувствовал себя даже сильнее и увереннее, чем до аварии. Он победил в попытке властвовать над высоткой и заслужил право управлять громадным домом, пусть даже ценой собственного брака. А что касается нового общественного порядка, появление которого он хотел увидеть, то Ройял начал понимать, что очень близки к истине видения многоэтажных вольер. Сам того не сознавая, он создал гигантский вертикальный зоопарк из сотен поставленных друг на друга клеток. Все события прошедших месяцев обретают смысл, если понять, что яркие и экзоти-

ческие существа просто научились открывать двери.

Поскольку в кухне не было никакого оборудования, готовить приходилось в соседней квартире. Миссис Уайлдер снова вошла с подносом, перешагивая через перегородившие прихожую мусорные мешки; даже скатившись в варварство, обитатели высотки остались верны корням и продолжали производить огромные количества отходов.

Как обычно, главным блюдом ужина было жаркое. Ройял никогда не спрашивал, что за мясо — наверняка собака. Женщины сами заботились о поставках. Пока Ройял пробовал остро приправленное кушанье, миссис Уайлдер стояла рядом, глядя в ночное небо. Как вышколенная домохозяйка, она ждала знака одобрения, хотя ее, похоже, не волновали ни похвалы, ни критика. Миссис Уайлдер говорила бесцветным голосом — зато с Анной и другими женщинами она трещала оживленно. На самом деле миссис Уайлдер проводила даже больше времени с женой Ройяла, чем он сам. Шесть женщин жили дружно в соседней квартире — якобы для того, чтобы их проще было защитить в случае внезапного нападения. Иногда Ройял навещал Анну, но его обескураживал тесный кружок женщин, сидящих на кроватях в окружении мусорных мешков и вместе присматривающих за детьми Уайлдера. Их глаза насквозь прожигали Ройяла, мнущегося на пороге, — ждали, когда он уйдет. Даже Анна

отдалилась от него, поняв, что больше ему не нужна. После долгих месяцев борьбы за сохранение высшего статуса она решила присоединиться к простым жителям.

— Замечательно. Превосходно, как всегда. Погодите... — Ройял отложил вилку и небрежно спросил: — О нем что-нибудь слышно? Может, его кто видел?

Миссис Уайлдер, утомленная однообразными расспросами, покачала головой.

— Кого?..

— Вашего мужа — как его... Ричард, кажется?

Миссис Уайлдер посмотрела в лицо Ройялу и покачала головой. Наверняка она забыла не только своего мужа, но и вообще всех мужчин. Чтобы проверить предположение, Ройял положил руку на ее бедро, пожав крепкие мышцы. Миссис Уайлдер неподвижно стояла с подносом, не замечая, что Ройял ласкает ее — отчасти потому что за последние месяцы слишком многие мужчины приставали к ней, а еще потому, что изнасилования потеряли смысл. Только когда Ройял запустил два пальца ей между ягодиц, она шевельнулась, но не оттолкнула его руку, а подтащила ладонь к талии и придержала там — так она остановила бы шаловливую руку сына.

Когда женщина ушла, забрав часть мяса, которую Ройял всегда ей оставлял, он остался сидеть за длинным столом. И хорошо, что ушла. Не спросясь, миссис Уайлдер выстирала его

белую куртку, удалив пятна крови, которые Ройял когда-то носил с такой гордостью. Или она сделала это нарочно, понимая, что этим словно кастрирует его?.. Ройял еще помнил время бесконечных вечеринок, когда дом был залит светом, как праздничный лайнер. Ройял самозабвенно играл роль феодала, председательствуя каждый вечер на заседаниях совета, проходивших в его гостиной. Сидя при свете свечей, нейрохирурги, профессора и биржевые маклеры демонстрировали таланты к интригам и выживанию, развитые годами службы в промышленности, коммерции и науке. При всем официозе повесток и протоколов, предложений и ходатайств, при всей словесной атрибутике, взращенной сотнями совещаний, это были, по сути, собрания племени. Здесь обсуждались новейшие уловки для захвата еды и женщин, защиты верхних этажей от грабителей, обсуждались союзы и предательства. Возник новый порядок, при котором жизнь в высотке вращалась вокруг трех стимулов — безопасность, пища и секс.

Встав из-за стола, Ройял взял серебряный подсвечник и поднес к окну. Света не было во всей высотке, за исключением двух этажей, но и там его не включали. Темнота успокаивала, в темноте расцветали настоящие иллюзии.

Сорока этажами ниже на автостоянку заехала машина и двинулась по лабиринту дорожек к своему месту в двухстах ярдах от дома. Води-

тель в летной куртке и тяжелых ботинках торопливо пошел к зданию, не поднимая головы. Ройял догадался, что этот неизвестный, видимо, единственный из тех, кто отправлялся сегодня на работу.

Где-то на крыше заскулила собака. Далеко, из окна квартиры этажей на двадцать ниже, доносился короткий вопль — боли, похоти, гнева? Теперь уже неважно. Через миг раздался второй. Эти крики выражали совершенно абстрактные эмоции, никак не связанные с реальными событиями.

Ройял ждал, что кто-то из свиты войдет с докладом о причинах волнений. Кроме женщин в соседней квартире, пара молодых людей — владелец галереи с 39-го и модный парикмахер с 38-го — обычно околачивались в коридоре среди мусорных мешков, опираясь на копья; они приглядывали за лестничными баррикадами.

Взяв хромированную трость, Ройял вышел из столовой; одинокая свеча в серебряном подсвечнике освещала дорогу. Натыкаясь на черные пластиковые мешки, он подумал: почему их не сбрасывают с крыши? Возможно, мусор оставляют, не столько опасаясь привлечь внимание внешнего мира, сколько из желания вцепиться в свое, окружить себя родными остатками недоеденных трапез, обрывками окровавленных бинтов, битыми бутылками.

Ройял осторожно вышел в коридор. На посту у баррикады часового не было; из соседней квартиры, где жили женщины, не пробивалось ни лучика. Удивившись, что света нет даже на обычно оживленной кухне, Ройял вошел в темную прихожую, отшвырнул ногой детскую игрушку и поднял подсвечник над головой, силясь разглядеть хоть одну спящую фигуру в комнатах.

На матрасах, покрывавших пол в хозяйской спальне, лежали открытые чемоданы. Ройял, стоя на пороге, ощущал в темноте смесь запахов — яркий след, оставленный сбежавшими женщинами. Помедлив, он шагнул в комнату и щелкнул выключателем.

Яркий электрический свет, такой чужой после колеблющегося пламени свечи и трясущихся лучей фонарей, выхватил из тьмы шесть матрасов. На каждом лежал наполовину собранный чемодан, словно женщины ушли по внезапному порыву или дождавшись условленного сигнала. Много одежды осталось — Ройял узнал брючный костюм, в котором миссис Уайлдер прислуживала за ужином. Вешалки с платьями и костюмами Анны висели в гардеробах, как на витрине магазина.

Ровный свет, мертвый, как на полицейской фотографии места преступления, заливал рваные матрасы и брошенную одежду, винные пятна на стенах и забытую косметику на полу.

Глядя на открывшуюся картину, Ройял вдруг услышал слабые удаляющиеся звуки из темного коридора. Эти хрипы и уханье он слышал много дней, безуспешно стараясь не обращать на них внимания. Выключив свет, она двумя руками ухватил трость и вышел из квартиры.

Звуки раздавались в квартирах на дальнем конце этажа, металлические и отдаленные — шумели звери его частного зоопарка.

15. ВЕЧЕРНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Дом погружался во тьму. Как обычно в этот час, наступила тишина, как будто все жители высотки пробирались по приграничной полосе. На крыше начали выть собаки. Ройял задул свечи в столовой и отправился по лестнице в пентхаус. Свет далеких огней соседних высоток отражался в хромированном каркасе гимнастического тренажера; казалось, что ртутные столбики скачут вверх-вниз, и сложный аппарат записывает психическое состояние жильцов. Когда Ройял вышел на крышу, он увидел, что темнота полнится белыми силуэтами сотен птиц. Их крылья сияли в ночи, когда чайки пытались отыскать местечко на переполненных оголовках лифтовых шахт и на балюстраде.

Ройял подождал, пока птицы окружат его, тростью отводя клювы от своих ног. Накатило спокойствие. Женщины и прочие члены его редеющего окружения решили уйти — ну и пусть. Здесь, в темноте, среди кричащих птиц, среди собак, скулящих в детском саду скульптур, он до-

ма. Как никогда прежде, он был уверен, что птиц привлекает одно его присутствие.

Ройял распахнул ворота сада скульптур. Узнав его, собаки принялись скулить и рваться с поводков. Несколько ретриверов, пуделей и такс — все, что осталось от примерно сотни животных, живших на верхних этажах высотки. Их держали тут как стратегический продовольственный резерв, но заботами Ройяла съели пока немногих. Собак — личную охотничью свору — он хранил для последней битвы. Тогда он спустит зверей с поводков и пошлет вниз по зданию; и откроет настежь окна в забаррикадированных квартирах, чтобы впустить птиц.

Собаки тянулись к его ногам, поводки переплелись вокруг игровых скульптур. Ройял попытался успокоить свою любимицу, белую овчарку, погладив блестящую шерсть, еще в пятнах крови. Пес нервно ткнулся лбом в ноги, подталкивая к пустым кормушкам.

Из центрального лестничного колодца донеслись голоса, в темноте возникли огоньки — двигалась процессия фонарей. Лучи света прорезали ночной воздух, согнав птиц в небо. Портативный кассетный магнитофон почти заглушал музойкой постукивание гантелей. Ройял притаился за оголовком лифтовой шахты и смотрел, как выплескивается на крышу толпа соседей с верхних этажей. Под предводительством Пэнгборна люди собрались в широкий круг, готовясь отпраздно-

вать новую победу. Без разрешения Ройяла и даже не поставив его в известность, они провели рейд по нижним этажам.

Гинеколог в крайнем возбуждении подгонял руками отстающих — этакий спятивший экскурсовод. Изо рта у него вырывались странные завывания и стоны, словно неандертальец звал подругу. На самом деле Пэнгборн издавал крики рожениц, записи которых анализировал на компьютере. Эти жуткие пугающие звуки Ройял был вынужден слушать неделями, когда его приближенные подхватывали припев. Несколько дней назад Ройял запретил отвлекающий шум — невозможно сидеть в пентхаусе и думать о птицах, когда женщины в кухне неподалеку ухают и хрюкают. Однако Пэнгборн продолжал регулярные сессии в своем штабе на другом краю крыши, где включал записи криков рожениц для удовольствия собравшихся в притихший кружок женщин. Все вместе они повторяли странные звуки — оральную эмблему растущей власти Пэнгборна.

Покинув Ройяла, женщины давали полный выход новым знаниям — выли и рычали, как хор безумных беременных, накликающих родовые травмы будущим детям.

Выбирай момент, чтобы выйти из укрытия, Ройял отвел овчарку за оголовку лифтовой шахты. Хорошо, что он надел черный смокинг, — белая куртка сверкала бы, как пламя.

Привели двух «гостей» — бухгалтера с 32-го этажа с забинтованной головой и близорукого

метеоролога с 27-го. В женщине, несущей кассетный магнитофон, Ройял без удивления узнал свою жену Анну. Небрежно одетая, с расстрапанными волосами, она отцепилась от плеча Пэнгборна и побрела в круге света фонарей, как угрюмая проститутка, помахивая магнитофоном на двух пленников.

— Дамы... прошу тишины. Мы продолжаем. — Пэнгборн утихомиривал спутниц, а его тонкие пальцы шевелились в неверном свете.

Установили портативный бар. Рядом поставили столик и два кресла, на которые усадили испуганных гостей. Бухгалтер пытался поправить сползающую повязку на голове, словно боялся, что его заставят водить в жмурки. Метеоролог близоруко щурился на фонари, надеясь увидеть в участниках празднества кого-то из знакомых. Ройял знал всех присутствующих — они уже год были его соседями — и готов был поверить, что присутствует на обычной коктейльной вечеринке, каких летом на крыше устраивали множество. И все же он словно смотрел на первый акт стилизованной оперы или балета, где ресторан изображается одним столиком, а над обреченным героем глумится хор официантов.

Заводили вечеринки начали пить задолго до появления двух гостей. Вдова ювелира в длинном меховом пальто, Анна с магнитофоном, Джейн Шеридан, трясущая коктейльный шейкер, — все они двигались, изгинаясь, словно под музыку, не слышанную только Ройялу.

Пэнгборн снова призывал к тишине.

— А теперь займите наших гостей. Они, похоже, заскучали. Во что мы играем сегодня?

Посыпались предложения:

— Пиратская доска!

— Доктор, доктор! Летнюю школу!

— Прогулка по Луне!

Пэнгборн повернулся к гостям.

— Я предпочитаю Летнюю школу... Вы знаете, что мы тут открыли Летнюю школу? Не знаете?..

— Мы решили преподать вам несколько бесплатных уроков, — пояснила Анна.

— Один бесплатный урок, — поправил Пэнгборн под дружное хихиканье. — Одного будет достаточно. Правда ведь, Анна?

— Да, курс очень интенсивный.

— Точно, самостоятельный полет с первого раза.

Под руководством вдовы ювелира раненого бухгалтера уже поволокли к балюстраде. На спину жертве прикрепили пару разодраных крыльев из папье-маше — от детского костюма ангела. Снова раздались вой и рычание.

Таша за собой упирающуюся овчарку, Ройял вышел вперед. Народ так увлекся близкой казнью, что никто его не замечал. Стараясь говорить спокойно, Ройял позвал:

— Пэнгборн!.. Доктор Пэнгборн!..

Шум стих. Лучи фонарей мелькнули в темноте, скользнув по шелковым лацканам смокинга,

и уперлись в белую овчарку, которая пыталась спрятаться за ногами хозяина.

— Летная школа! Летная школа! — снова завопил хор. Глядя на эту неуправляемую банду, Ройял словно видел толпу полуграмотных детишек. Зоопарк восстал против своего смотрителя.

Услышав голос Ройяла, гинеколог отвернулся от узника, вытер руки и пошел по крыше, подражая небрежной походке Ройяла. Но глаза изучали лицо Ройяла с профессиональным интересом, словно Пэнгборн прикидывал, что выражение твердой решимости можно подправить, перерезав лишь несколько нервов и мышц.

Ройял спокойно ждал, пока стихнет гам. Анна, оторвавшись от толпы, ринулась вперед, остановилась перед Ройялом и с ухмылкой встряхнула длинной юбкой. Потом вдруг включила магнитофон на полную мощность, и воздух наполнили невнятные крики рожениц.

— Ройял! — крикнула вдова ювелира. — Берегитесь, там Уайлдер!

Ройял испуганно дернулся, рубанув тростью темноту. Вокруг замельтешили лучи фонарей, по бетонной крыше заметались тени от поваленных кресел. Опасаясь нападения Уайлдера из-за спины, Ройял споткнулся о тент и запутался в собачьем поводке.

За его спиной раздался смех. С трудом сдержавшись, он снова повернулся к Пэнгборну. Но гинеколог уже шагал прочь, оглянувшись без

злобы. Он легко взмахнул рукой, словно метнув дротик, отпуская Ройяла навсегда. Фонари оставили Ройяла, и все вернулись к более важному занятию — мучениям гостей.

Противостояние с Пэнгборном завершилось — да его и не было. Попавшись на примитивную уловку, Ройял теперь и сам не мог понять — неужели он и вправду так боится Уайлдера. Ройяла унизили, и поделом. Сейчас всем верховодил гинеколог. Зоопарку не прожить долго с таким смотрителем, как Пэнгборн, но он даст толчок насилию и жестокости, которые поддержат в остальных волю к жизни.

Пусть правят психи. Только они понимают, что происходит. Вцепившись в поводок, Ройял позволил овчарке утянуть себя в безопасный мрак у сада скульптур. Белые силуэты птиц скопились на всех карнизах и парапетах. Голодные собаки скулили, кормить их было нечем. Надо заблокировать лестницу и укрыться в пентхаусе; возможно, взять в качестве служанки миссис Уайлдер. Отсюда он будет руководить высоткой и обретет последний приют среди неба.

Ройял отпер ворота сада скульптур и пошел во тьме между скульптурами, отвязывая собак. Одна за другой, они убегали, пока не остался только он сам. И птицы.

16. РАДОСТНОЕ ОБУСТРОЙСТВО

Квартиру заливал загадочный свет, серый и сырой, хотя и окрашенный легким внутренним свечением. Стоя на кухне посреди мешков мусора, Лэйнг пытался нацедить хоть несколько капель из крана и оглядывался через плечо на унылый туман, протянувшийся занавесом через гостиную... или через его собственный мозг? Любопытно, который час? Сколько он уже не спит? Лэйнг смутно припомнил, что прикорнул на клетчатом коврике на полу кухни, положив голову на мусорный мешок.

Он потряс часы и колупнул треснувший циферблат грязным ногтем. Часы остановились во время потасовки в лифтовом холле 25-го этажа несколько дней назад. Впрочем, какая разница, который час — лишь бы не ночь, когда следует укрыться в квартире, скорчившись за ненадежной баррикадой.

Лэйнг туда-сюда крутил кран холодной воды, слушая, как меняется тон гудения. На короткое время, чуть ли не на минутку в день, из крана выходила зеленая от водорослей жидкость.

Маленькие порции воды, двигаясь вверх-вниз в громадной сети труб по всему зданию, объявляли о своем появлении и исчезновении легким изменением тона гудения. Слушая эту далекую и сложную музыку, Лэйнг отточил слух и теперь лучше воспринимал любые звуки. И наоборот — глаза, используемые в основном по ночам, теряли былое значение.

Высотка практически замерла. Как часто повторял себе Лэйнг, почти все, что могло случиться, уже случилось. Покинув кухню, он втиснулся в узкое пространство между входной дверью и баррикадой и прижался правым ухом к дверной панели, по легкой вибрации определяя, ходят ли по соседним квартирам грабители. Каждый день, когда и он, и Стил выскальзывали из своих квартир — как символическое напоминание о временах, когда люди в самом деле выходили из дома, — они по очереди прижимали ладони к металлическим стенкам лифтовой шахты, ощущая, как телу передается дрожь внезапных движений пятнадцатью этажами выше или ниже. Скорчившись на лестнице и положив пальцы на металлические перила, они ловили тайное бормотание высотки, далекие очаги насилия — словно вспышки излучения из другой вселенной. Высотку пронизывали тихие редкие шорохи: раненый житель крадется по ступенькам лестницы, ловушка захлопывается за бродячей собакой, неосторожная жертва падает под ударом дубинки.

Впрочем, сегодня в этой зоне без времени

и света не раздавалось ни звука. Лэйнг вернулся на кухню и продолжил слушать водопровод — часть гигантской акустической системы, управляемой тысячей клапанов; умирающий музыкальный инструмент, на котором когда-то активно играли. Все было тихо. Жители оставались на месте, прятались по домам за баррикадами, пытаясь сберечь остатки рассудка и подготовиться к ночи. В каком-то смысле жизнь в высотке начала копировать внешний мир, — там тоже жестокость и агрессия сдерживается корректными конвенциями.

Так и не припомнив, сколько он уже не спит и чем был занят полчаса назад, Лэйнг уселся на пол кухни посреди пустых бутылок и отбросов и стал смотреть на останки стиральной машины и холодильника, превратившихся в мусорные баки. Ему было трудно припомнить, для чего эти предметы использовались прежде. В каком-то смысле у вещей появлялось новое назначение, новая роль, которую еще предстоит понять. Запущенная высотка стала моделью мира, в который влекло людей будущее — в пейзаж по ту сторону технологии, где все или разваливается, или радикально перестраивается. Лэйнг задумался — порой казалось, что они живут в будущем, что оно уже пришло и уже выдохлось.

Присев на корточки у пересохшего источника, как пустынный кочевник, который никуда не торопится, Лэйнг терпеливо ждал, когда пойдет

вода. Он поковырял грязь на тыльной стороне ладоней. Мыться все давно перестали. Высотка воняла. Ни туалеты, ни мусоропроводы не работали, и по утрам по фасаду дома с балконов текли тонкие струйки фекалий. Но над этим характерным запахом властвовал новый двусмыс- ленный, сладко-гнилостный аромат, сочившийся из пустых квартир, — и вдаваться в подробности Лэйнг не желал.

При всех неудобствах, жизнь в высотке ему нравилась. Сейчас, когда жителей осталось мало, Лэйнг готов был двигаться вперед и жить своей жизнью. Как и где — этого он еще не решил.

Беспокоила его сестра. Алиса подцепила не- понятную болезнь и все время то лежала на матрасе в спальне, то бродила полуголая по квартире; ее дрожащее тело, как сверхчувствительный сейсмограф, отзывалось на незаметную дрожь здания. Лэйнг постучал по сливной трубе под раковиной, посыпая гул по пустой трубе, — и Алиса позвала его тихим голосом из спальни.

Лэйнг отправился к ней, пробираясь среди куч щепок, наколотых из порубленной мебели. Он получал удовольствие, круша столы и стулья.

Алиса протянула к нему тощую руку.

— Этот шум... ты опять сигнализил кому-то. Кому на сей раз?

— Алиса, никому. Да и кого мы знаем?

— Людей на нижних этажах. Они тебе нравятся.

Лэйнг стоял рядом с матрасом, решая, не присесть ли. Лицо сестры блестело, как восковой лимон. Глаза, пытаясь сфокусироваться, плавали в глазницах потерянными рыбками. Лэйнг на миг испугался, что сестра умирает, — за последние два дня они съели лишь несколько долек консервированного копченого лосося, банку которого он нашел под половицами в пустой квартире. Забавно, что меню в высотке становилось все разнообразнее в дни полного упадка — на свет появлялись новые и новые деликатесы.

Впрочем, еда не главное, и в других отношениях Алиса была полна жизни. Лэйнг с удовольствием выслушивал приятную критику в свой адрес, когда старался угодить бессмысленным прихотям сестры. Это была лишь игра, но он наслаждался ролью исполнительного слуги язвительной хозяйки, верного прислужника, для которого удовольствием было не одобрение, а бесконечное перечисление его промахов.

— Алиса, я пытаюсь раздобыть воды. Ты бы хотела чаю?

— Чайник воняет.

— Для тебя я его помою. Тебе грозит обезвоживание.

Она неохотно кивнула.

— А что происходит?

— Ничего... Все уже произошло. — От тела Алисы исходил спелый, но не отвратительный запах. — И теперь начинает приходить в норму.

— Что с Аланом? Ты говорил, что присмотришь за ним.

— Боюсь, его нет. — Лэйнг терпеть не мог упоминаний о муже Алисы. — Я ходил в твою квартиру... Она пуста.

Алиса отвернулась, показывая, что сыта братом по горло. Лэйнг наклонился, чтобы собрать с пола щепки, которые набросала у матраса сестра. Ножки от кресла из гостиной, густо пропитанные kleem и лаком, будут отлично гореть. Эти кресла Лэйнг притащил из квартиры Адриана Талбота после исчезновения психиатра. Общие вкусы жителей средних этажей оказались очень кстати. А вот жителям нижних этажей туда придется с модными когда-то стульями из хромированных трубок и неотделанной кожи — на них можно только сидеть.

Пищу теперь готовили на кострах, которые разводили на балконах или в декоративных каминах. Лэйнг вынес дрова на балкон. Присев на корточки, он сообразил, что готовить-то и нечего. Банки из тайника давным-давно пришлось пожертвовать соседу-ортодонту. Положение Лэйнга спасали лишь припрятанные ампулы с морфием.

Стила, страшного своей непредсказуемой жестокостью, Лэйнг держался только по необходимости. Множество людей пропали или полностью перестали бороться. Бросили высотку ради внешнего мира? Лэйнг был уверен, что нет. В каком-то смысле он зависел от неопределенных

отношений с ортодонтом и следил за его убийственными вывертами, как узник, влюбленный в угрюмого тюремщика. В предыдущие недели поведение Стила было пугающим. Нарочито бездумные нападения на одиноких и беззащитных, детская привычка мазать кровью стены пустых квартир — на это Лэйнгу было тяжело смотреть. Со времени исчезновения жены Стил ходил будто туда натянутый — как тетива громадных арбалетов, которые он смастерили из струн от пианино и установил в холлах и коридорах; на стрелы он пустил клюшки для гольфа. При этом Стил оставался странно спокоен, словно играл в какое-то приключение, и вечерами отсыпался, давая возможность Лэйнгу искать воду.

Взяв чайник, Лэйнг услышал, как его зовет сестра, но когда вошел, она уже забыла, чего хотела, и протянула руки к брату. Обычно Лэйнг тер ей ладони, стараясь передать хоть немного тепла, но сейчас, из какой-то смешной лояльности ортодонту, он даже не попытался помочь Алисе. Такая мелкая демонстрация черствости, как и отказ от личной гигиены и даже нарочитое пренебрежение здоровьем, входили в систему, которая устраивала Лэйнга. Теперь его мысли занимал только следующий налет, следующая квартира, которую разграбят, и следующий жилец, которого избьют. Ему нравилось смотреть на Стила в деле — бездумное насилие завораживало. Каждый инцидент приближал их к конечной

цели — царству, в котором самые извращенные порывы наконец смогут проявляться в любых видах.

Лэйнг подождал, пока Алиса впадет в забытье. Забота о сестре отнимала слишком много сил. Если она умирает, он помочь не в силах; придется вколоть последний грамм морфия и спрятать тело, не отдав на поругание Стилу. Любимым занятием ортодонта стало наряжать трупы и устраивать из них гротескные композиции. Воображение дантиста, подавляемое годами работы с зубами, разыгрывалось, когда он играл с мертвыми. Накануне Лэйнг застал Стила, когда он наносил грим на лицо рекламного агента, одетого в шелковую ночнушку. Со временем Стил сможет таким образом заново заселить всю высотку — в трупах у него недостатка нет.

С чайником в руках Лэйнг вышел из квартиры. Все тот же мутный свет, окрашенный в перламутр внутренним сиянием, наполнял коридор и лифтовый холл — ядовитые испарения самой высотки, суть ее мертвого бетона. Стены поверх аэрозольных граффити были забрызганы кровью — как изыски ташиста на картинах, которых было полно в квартирах верхних этажей. Мусорные мешки вдоль стен покрылись паутиной сбежавшей с катушек магнитофонной пленкой.

Под ногами хрустнули брошенные негативы — на каждом был запечатлен давно забытый акт насилия. Лэйнг замер, чтобы не привлечь за-

таившегося хищника; из открывшейся двери на лестницу в холл вошел мужчина в летней куртке и кожаных ботинках.

Глядя, как Пол Кросланд деловито шагает по грязному ковру, Лэйнг осознал, что диктор вернулся из телестудии, где читал дневные новости. Кросланд был единственным, кто выходил из здания, последним связующим звеном с внешним миром. Даже Стил его чурался. Некоторые жители все еще смотрели новости — с помощью телевизоров на батарейках, прикорнув на мусорных мешках за баррикадами; возможно, еще надеялись — вдруг Кросланд отложит подготовленный текст и выложит всему миру, что происходит в высотке.

На лестнице Лэйнг устроил собачью ловушку с помощью тропической москитной сетки, которую стянул из квартиры антрополога третья этажами выше. Высотку затопило нашествие собак — они спускались из родных угодий на верхних этажах. Лэйнг не питал надежд поймать крупную собаку, а вот такса или пекинес вполне могли бы запутаться в нейлоновых сетях.

Холл перегораживала баррикада из мебели, и Лэйнг двинулся по коридору, в который выходили десять квартир северного крыла. Через три двери он обнаружил брошенную квартиру. Комнаты были пусты, мебель и аппаратура давно исчезли. На кухне Лэйнг покрутил краны, потом, взрезав ножом шланги стиральной и посудомоеч-

ной машин, набрал с чашку отдающей металлом воды. В ванной на плиточном полу лежало обнаженное тело пожилого налоговика. Графин на полу еще хранил запах виски, и слабый аромат вызвал почти головокружительную ностальгию.

В следующей квартире, тоже брошенной и выпотрошенной, Лэйнг обратил внимание на округлую припухлость ковра в спальне. Заподозрив, что там припрятаны запасы еды, он скатал ковер и обнаружил, что в паркете и бетонной плите проделан лаз в нижнюю квартиру.

Заперев дверь, Лэйнг лег на пол и заглянул вниз. В круглом стеклянном столике, чудом уцелевшем, отразилась его окровавленная рубашка и бородатое лицо, как будто Лэйнг смотрел в глубокий колодец. У стола лежали два опрокинутых кресла. Балконная дверь была аккуратно закрыта, с двух сторон окна висели чистые занавески. Глядя на мирную сцену, Лэйнг чувствовал, что ему случайно открылся параллельный мир, где не действуют законы высотки, — волшебное царство, в котором громадные дома обставлены и украшены, но не заселены.

Не удержавшись, он опустил в лаз тощие ноги и проскользнул в нижнюю комнату. Стоя на стеклянном столе, Лэйнг оглядывал квартиру. Обостренное чутье подсказало, что он не один — где-то звякнул крохотный колокольчик. Из спальни послышалось тихое шуршание, словно маленькое животное пыталось выбраться из бумажного пакета.

Лэйнг толкнул дверь спальни. Рыжая женщина, лет за тридцать, полностью одетая, лежала на кровати и играла с персидской кошкой. На животном был бархатный ошейник с колокольчиком, а поводок был привязан к окровавленному запястью женщины. Кошка слизала с шерсти капельки крови, а потом вцепилась в запястье женщины, пытаясь разгрызть тонкую кожу и разбередить рану.

Лэйнг узнал в женщине Элеонору Пауэлл. Она даже не пыталась помешать кошке, намеревавшейся полакомиться ее плотью, а с серьезным синюшным лицом смотрела на животное, как терпеливая мама смотрит на игры детей.

Рядом с ее левой рукой, на шелковом покрывале, лежали карандаш и журналистский блокнот. Экранами к ней, в футе от кровати, стояли четыре телевизора, настроенные на разные каналы. Три экрана были пусты; четвертый телевизор, на батарейках, показывал расплывчатую картинку конных скачек — без звука.

Забыв о блокноте, Элеонора периодически подносила окровавленное запястье к пасти кошки, которая жадно терзала кожу вокруг сустава. Лэйнг попытался отогнать кошку, но Элеонора дернула поводок, возвращая животное к ране.

— Я не даю ей умереть, — укоризненно сказала женщина Лэйнгу и безмятежно улыбнулась. Потом подняла левую руку. — Доктор, могу предложить вам другое запястье... Бедняжка, вы совсем отощали.

В квартире царила тишина, и звук собственного учащенного дыхания Лэйнга раздавался неестественно гулко. Он что, скоро останется единственным живым обитателем высотки? Один-одинешенек будет скитаться по этажам и галереям, подходить к тихим лифтовым шахтам, сидеть в одиночестве на балконах — по очереди на каждом? Сон, давным-давно его манивший, вдруг показался кошмаром.

Лэйнг включил звук у телевизора. Из динамика донесся голос комментатора скачек — безумная скороговорка кличек; диктор словно торопливо перечислял тех, кто должен населить высотку с помощью экстренной пересадки личностей.

— Что? Где программа? — Элеонора подняла голову, уставившись в экран. Левая рука потянулась к блокноту и карандашу. — Что он говорит?

Лэйнг подсунул под нее руки, собираясь унести, однако худое тело оказалось неожиданно тяжелым. А он оказался неожиданно слабым.

— Вы можете идти? За телевизором я потом вернусь.

Элеонора, пожав плечами, привалилась к Лэйнгу, как пьяная в баре, принявшая двусмысленное предложение от старого знакомого, окинула его оценивающим взглядом и потрепала по руке.

— Ладно. Только сначала найдите батарейки.

— Разумеется. — Под ее взглядом Лэйнг вытащил из гардероба чемодан и начал набивать в него одежду.

Так Лэйнг забрал Элеонору Пауэлл и ее портативный телевизор к себе. Элеонору он устроил на матрасе в гостиной и целыми днями рыскал по заброшенным квартирам в поисках еды, воды и батареек. Возвращение в его жизнь телевизора убедило Лэйнга, что все в высотке приходит в норму. Когда Стил перебрался на более сытные пастбища — вверх, Лэйнг отклонил предложение сопровождать его. Он уже решил отделиться со своими двумя женщинами от всех. С Алисой и Элеонорой он сможет быть таким агрессивным и самодостаточным, таким пассивным и подчиненным, как пожелает. Пока что он не представлял, кем станет для этих двух женщин, но свою роль он будет играть в родных стенах.

Ему было лучше, чем когда-либо, несмотря на угрозу для жизни, на возможность умереть в любую минуту от голода или нападения. Его радовала уверенность в себе, умение справляться с задачами по выживанию — поиск пищи, сохранение рассудка, охрана своих женщин от грабителей, которые пожелают забрать их себе. И главное, он гордился, что держит в узде порывы по отношению к Элеоноре и сестре, извращенные мысли, навеваемые бесконечными возможностями высотки.

17. ПАВИЛЬОН У ОЗЕРА

Словно не решаясь тревожить внутренности дома, утреннее солнце аккуратно обследовало полуприкрытую стеклянную крышу лестничного колодца на 40-м этаже, скользнуло между осколков разбитого стекла и косо улеглось на ступеньки. Пятью этажами ниже, дрожа в холодном воздухе, Ричард Уайлдер ждал, когда солнце доползет до него. Он сидел, прислонившись спиной к обеденному столу, который вместе с другой мебелью перегораживал лестницу. Проведя так всю ночь, Уайлдер продрог. Чем выше он забирался, тем холоднее становилось, и порой тянуло пойти вниз. Уайлдер поглядел на животное, свернувшееся у его ног — похоже, когда-то это был черный пудель, — завидуя его курчавой шубке. Сам Уайлдер был почти голый; он размазал по груди и плечам губную помаду, надеясь согреться этой сладкой мазью.

Пес уставился наверх — на лестничную площадку. Уши встали торчком, когда он услышал звуки, недоступные человеку, — за баррикадой

кто-то двигался. За десять дней человек и животное образовали отличную охотничью бригаду.

Излохмаченные остатки штанов Уайлдера, обрезанных по колено, были запятнаны кровью и вином. Крупное лицо заросло клоаковатой бородой, частично открывавшей рану на челюсти. Выглядел Уайлдер усталым и истощенным, но на самом деле мышцы были налиты силой. Широкую грудь заштриховали нарисованные полосы, продолжающиеся на плечах и спине. Время от времени Уайлдер проверял узор, который нанес вчера губной помадой, найденной в заброшенной квартире. Начатая спьяну игра вскоре превратилась в серьезный ритуал. Боевая раскраска не только наводила ужас на встречных, но и давала Уайлдеру чувство самоидентификации.

Крепко держа собачий поводок, он смотрел на площадку в десяти ступеньках от себя. Солнце, продолжая трудовой спуск по лестнице, принялось согревать кожу. Прямоугольник белого неба за крышей в шестидесяти футах над головой выглядел неестественно, словно потолок съемочного павильона.

Вздрогнув, пес вытянул вперед лапы. Кто-то, всего в нескольких шагах, поправлял баррикаду. Уайлдер терпеливо ждал, подтянув пса на ступеньку вверх. При всем дикарском облике, Уайлдер вел себя очень сдержанно. Уже почти добравшись до цели, он не хотел, чтобы его застали врасплох. Он взглянул через щель в обеденном

столе: кто-то за баррикадой отодвигал в сторону письменный стол красного дерева, служивший тайной дверцей. В проеме появилась почти лысая женщина лет семидесяти с напряженным лицом и, помедлив, пролезла через проем к лестничным перилам, держа в руке ведерко для шампанского. На ней были остатки дорогого вечернего платья, открывающие пятнистую белую кожу мускулистых рук и плеч.

Уайлдер смотрел на женщину с уважением. С такими старушенциями он сталкивался не раз и знал, что они способны на удивительную ревность. Пришлось подождать, пока она, перегнувшись через перила, не вылила из ведерка помои. Холодные брызги окатили Уайлдера и пса, но они и не дрогнули. Уайлдер аккуратно вытер кинокамеру, лежавшую рядом на ступеньке. Линзы уже покрылись трещинами в стычках и нападениях, доведших его до крыши высотки, однако кинокамера оставалась символом. Уайлдер чувствовал такое же единство с камерой, как и с собакой. Впрочем, при всей любви и верности к животному, им скоро предстоит расстаться — они оба примут участие в праздничном банкете, подумал Уайлдер с мрачным юмором, но пудель будет в кастрюле.

Думая об этом скором ужине — первой прличной еде за несколько недель, — Уайлдер продолжал следить за бормочущей что-то женщиной. Вытерев бороду, он осторожно поднялся с колен,

потянул собачий поводок — обрывок электропровода — и зашипел сквозь разбитые зубы.

Как по заказу, пес взвизгнул, поднялся, дрожа, и шагнул на две ступеньки вверх. На виду у старушки он присел и жалобно заскулил. Женщина быстро скрылась за баррикадой. Через несколько секунд в ее руке блеснул тяжелый разделочный нож. Хитрыми глазами она глядела на съежившегося на ступеньках пса, который повернулся набок, открыв жадному взгляду мясистый живот.

Когда пес снова заскулил, Уайлдер выглянул из-под стола. Этот момент всегда его забавлял. В самом деле, чем выше он забирался по высотке, тем больше находилось поводов для смеха. Уайлдер все еще держал поводок, который тянулся от собаки по ступенькам, но не натягивал его. Женщина, не в силах отвести взгляд от пса, шагнула через проем в баррикаде. Она свистнула сквозь искусственные зубы и поманила пса.

— Бедняжка. Потерялся, красавчик? Иди, иди сюда...

Еле удерживаясь от хохота при виде лысой старушки, с преувеличенным состраданием сюсюкающей перед псом, Уайлдер прислонился к столу. Вот-вот она получит сюрприз — тяжелый ботинок на шею.

За баррикадой возникла вторая фигура. Молодая женщина лет тридцати — возможно, дочь — выглянула из-за плеча старушки. Ее не

застегнутый замшевый жакет открывал пару чумазых грудей, но волосы были заботливо накручены на бигуди, словно для каких-то частей тела готовился праздник, а другие не были на него приглашены.

Две женщины спокойно смотрели на пса. Дочь ждала с разделочным ножом в руках, а мать подошла к ступенькам. Успокаивающе бормоча, она потрепала пуделя по загривку и нагнулась за поводком.

Как только ее крепкие пальцы ухватились за шнур, Уайлдер рванулся вперед. Пес тоже ожил, взлетел по ступенькам и вонзил зубы старушке в руку. С неожиданной живостью она метнулась к проходу в баррикаде с висящим на руке пском. Уайлдер еле успел проскочить за ней и отпихнул письменный стол, не дав дочери вернуть его на место. Потом оторвал пуделя от окровавленной руки женщины, схватил ее за шею и швырнул на штабель картонных коробок. Старушка лежала потрясенная — растрепанная герцогиня, удивленная тем, что напилась на балу. Когда Уайлдер повернулся, успокаивая пса, к нему бросилась дочь. Нож она отшвырнула и теперь в одной руке держала папильотки, а в другой — серебряный дамский пистолет. Уайлдер шагнул в сторону с ее пути, выбил пистолет из руки и повалил на баррикаду.

Две женщины, тяжело дыша, сидели на полу. Уайлдер взглянул на пистолетик у ног, подобрал его и начал обозревать свои новые владения. Он стоял у входа в бассейн 35-го этажа. В луже зла-

вонной воды, заваленной мусором, отражались холмы мусорных мешков на плиточном полу. В замершем навсегда лифте был устроен небольшой шалаш. У костра спал пожилой мужчина — вроде бы бывший налоговик. Дымовая труба, собранная из двух половинок балконных водосточных желобов, уходила над головой мужчины через потолок лифта.

Все еще с пистолетом в руке, Уайлдер разглядывал женщин. Мать сидела среди картонных коробок и по-деловому забинтовывала руку, оторвав для этой цели полоску от своего шелкового платья. Дочь, на полу у баррикады, гладила разбитые губы и трепала пуделя по голове.

Уайлдер выглянул на лестницу и посмотрел в направлении 36-го этажа. Стычка воодушевила его, и он готов был пройти весь путь до крыши. Однако он не ел уже больше суток и жадно вдыхал запах животного жира от костра у входа в шалаш.

Уайлдер поманил молодую к себе. Ее бесцветное, коровье лицо казалось смутно знакомым. Жена директора киностудии?.. Она поднялась и подошла к Уайлдеру, с интересом разглядывая полосы, покрывавшие грудь и плечи, и выставленные на обозрение гениталии. Убрав пистолет в карман, Уайлдер потащил женщину в шалаш. Перешагнув через пожилого мужчину, они вошли в лифт. Со стен свисали шторы, на полу лежали два матраса. Придерживая женщину за плечи, Уайлдер сел к задней стене лифта

и через холл посмотрел на желтую воду бассейна. Некоторые раздевалки в свое время превратились в маленькие одноместные хижины, но теперь и они были заброшены. В бассейне плавали два трупа, почти неразличимые среди прочего мусора — кухонных очисток и кусков мебели.

Уайлдер взял себе остатки жареной тушки маленького кота. Зубы вонзились в жилистое мясо, а слизав еще теплое сало с вертела, он чуть не захмелел.

Молодая женщина приветливо склонилась к Уайлдеру и не возражала, когда он сильной рукой обхватил ее плечи. Свежий запах женского тела поразил его — чем выше он забирался, тем чище были женщины. Уайлдер взглянул на ненакрашенное лицо — открытое и приветливое, как мордочка ручного животного. Ее как будто совершенно не касались события в высотке, она как будто ждала в некой тайной комнате появления Уайлдера. Он попытался что-то сказать, но услышал только рычание, — он не мог выговорить ни слова сломанными зубами и израненным языком.

Под кайфом от мяса, Уайлдер с удобством улегся рядом с женщиной, поигрывая серебряным пистолетиком. Бездумно распахнул ее замшевый жакет, выпустив на волю груди. Положив ладони на маленькие соски, придвигнулся ближе. В полуодреме он бормотал что-то молодой женщине, а она гладила нарисованные полосы на его груди и плечах — ее пальцы непрерывно двигались по его коже, словно оставляя послание.

Лежа в уютном павильоне у озера, Уайлдер отдохнул после обеда. Молодая женщина сидела рядом, грудями почти касаясь его лица, и указывала этого громадного, почти обнаженного мужчину с раскрашенным телом и открытым лоном. Ее родители слонялись по холлу. Время от времени старушка в вечернем платье вытаскивала из баррикады что-нибудь из мебели и рубила разделочным ножом на щепки.

Уайлдер не обращал на стариков внимания, он замечал только тело молодой женщины и громадные колонны, уходящие до самой крыши. В окна вокруг бассейна виднелись башни четырех соседних высоток, рассекавшие вечернее небо прямоугольными лучами. Тепло в лифте, исходящее словно от грудей женщины, высосало волю и энергию Уайлдера. Спокойное лицо молодухи внушало уверенность. Она приняла его, как приняла бы любого охотника-грабителя. Сначала попыталась убить, а когда не вышло, отдала еду и тело, грудью вернула в детство и, возможно, полюбила. А как только он заснет, перережет ему горло. Сценарий идеального брака.

Собравшись, Уайлдер сел и пнул ботинком пуделя, спящего на матрасе у лифта. Хотелось спать, но сначала нужно перебраться в безопасное укрытие, иначе старушка и ее дочь живо с ним расправятся.

Не оглядываясь, он встал, сунул пистолет за пояс штанов, проверил узор на груди и плечах, перелез через баррикаду и вернулся на лестни-

цу, оставив за спиной тихую стоянку и молодую женщину у желтого озера.

Лестница была устлана ковром, который приглушал шаги. Добравшись до 37-го этажа, Уайлдер ощутил, как ледяной воздух с открытого неба омывает его обнаженное тело. Отчетливо доносились крики чаек. Когда пес заскулил, отказываясь идти дальше, Уайлдер отпустил его и проводил взглядом.

37-й этаж был пустынен. Истощенный Уайлдер, не размышляя, нашел пустую квартиру, забаррикадировался в гостиной и провалился в глубокий сон на полу.

18. КРОВАВЫЙ САД

В трех этажах над ним, на открытой крыше, Энтони Ройялу, напротив, спать совсем не хотелось. Он наконец был готов присоединиться к птицам и стоял у окна пентхауса, глядя на далекое устье реки. Омытый недавним дождем, утренний воздух был чист, но морозен, и река вытекала из города, как поток льда. Ройял уже два дня ничего не ел, однако отсутствие пищи не истощило его, а, наоборот, напрягло все нервы и мышцы. Крики чаек наполняли воздух и будто впечатывались в открытые ткани мозга. Птицы, непрерывно срываясь с оголовков лифтовых шахт и перил, взмывали вверх расширяющимся вихрем и снова ныряли к саду скульптур.

Теперь Ройял понимал, что птицы зовут его. Собаки убежали — стоило их освободить, они ринулись вниз по лестницам и коридорам; осталась только белая овчарка. Пес сидел рядом с хозяином у открытого окна, завороженный движением птиц. Раны уже зажили, и густая северная шерсть была снова белой. Ройялу не хватало красных

пятен, как не хватало кровавых отпечатков рук на постиранной миссис Уайлдер куртке.

Немногие запасы пищи, с которыми Ройял заперся в пентхаусе, он отдал псу, но сам уже не ощущал голода. Три дня он не виделся ни с кем и был рад, что отделился от жены и соседей. Чайки, бурлящие облаком в воздухе, — вот истинные жители высотки. Сам того не понимая, именно для них он создал сад скульптур.

Ройял зябко поежился и вышел на крышу. Тонкий лен охотничьей куртки не защищал от ветра на бетонной крыше. На свету белая ткань казалась серой по сравнению с бледной кожей.

Чайки вертелись под ногами, крутя головами и вытирая клювы о бетон. Поверхность крыши была испещрена кровавыми полосами. Ройял впервые разглядел на карнизах и перилах эти знаки — символы кровавой тайнотписи.

Вдалеке послышались невнятные женские голоса. В центре обзорной площадки, за садом скульптур, жительницы проводили публичный диспут.

Расстроенный их посягательством на частные владения и напоминанием о том, что он еще не один в доме, Ройял укрылся за стеной сада скульптур. Голоса звучали вокруг него, и похоже было, что женщины тут не впервые. Может, он спал во время их прошлых посещений, а может, из-за холодной погоды женщины перенесли место заседаний под защиту его пентхауса.

Вихрь птиц распался — чайки ныряли за край крыши. Пустив овчарку вперед, Ройял вышел

из-за стены сада скульптур. Две женщины стояли уже в пентхаусе, одна положила руку на гимнастический тренажер. Поражала их непринужденная поза — они словно осматривали виллу, которую арендовали на отпуск.

Ройял отступил за оголовок лифтовой шахты. После длительного уединения с птицами и овчаркой вид пришлых людей угнетал. Лучше подождать в саду, когда пришельцы уберутся.

Толкнув заднюю калитку сада, он пошел между окрашенными геометрическими формами. Десятки чаек шли следом, с надеждой глядя на Ройяла, словно ждали от него подачки.

Он поскользнулся на мокрых плитках и, взглянув на ботинок, увидел, что к подошве прилип хрящик. Ройял отцепил его, опершись на бетонную скульптуру — шар в половину человеческого роста, выкрашенный в ярко-красный цвет. Птицы разошлись, освобождая ему место, и оказалось, что весь сад внутри покрыт кровью. Плиточный пол стал скользким от яркой слизи.

Пес, жадно принюхавшись, набросился на клочки плоти на краю небольшого бассейна. Потрясенный Ройял уставился на залитые кровью плитки, на свои окрашенные руки — и на белые кости, очищенные птицами.

Уайлдер проснулся вечером. Холодный сквозняк носился по пустой комнате, играя с газетой на полу. В вентиляционной шахте гудел ветер. Крики чаек смолкли, словно птицы улетели на-

всегда. Сидя на полу в гостиной, Уайлдер готов был поверить, что он — первый и последний житель высотки.

Поднявшись, он вышел на балкон. Далеко внизу на парковке виднелись сотни машин, прикрытые легким туманом — деталь, подтверждающая существование иного мира.

Слизывая с пальцев оставшийся на них жир, Уайлдер вошел в кухню. Шкафы и холодильник были пусты. Уайлдер вспомнил молодую женщину, тепло ее тела в лифте у бассейна, и задумался — не вернуться ли к ней. Ему помнилось, как она гладила его грудь и плечи, кожа еще хранила ощущение ее ладоней.

Продолжая обсасывать пальцы, представляя себя заброшенным в огромном здании, Уайлдер вышел из квартиры. В коридоре было тихо, холодный воздух шевелил клочки мусора на полу. Уайлдер держал в левой руке кинокамеру, хотя уже и не помнил точно, для чего она нужна и зачем он так долго носит ее с собой.

А вот серебряный пистолет в правой руке он узнал сразу. Уайлдер игриво прицеливался в распахнутые двери и надеялся, что кто-нибудь выйдет и присоединится к игре. Верхние этажи здания были частично захвачены небом. Уайлдер видел белые облака через лифтовые шахты и в рамках стеклянных куполов лестничных колодцев, когда поднимался на 40-й этаж.

Выставив перед собой пистолет, он метнулся через лифтовый холл. Здесь кто-то явно старался

поддерживать порядок. Мусорные мешки были убраны, баррикады разобраны, в холл снова выставили мебель. Стены оттерли, счистив граффити и содрав графики дежурств и расписание движения лифта.

За спиной ветер хлопнул дверью, перерезав луч света. Уайлдер наслаждался игрой в пустом здании и знал, что очень скоро кто-то присоединится к нему. Он опустился на колено и навел пистолет на воображаемого противника. Промчавшись по коридору, распахнул ударом ноги дверь и ворвался в квартиру.

Такой большой и просторной квартиры он раньше не видел — даже на верхних этажах. Как и холл с коридором, квартира была тщательно убрана — заново устланы ковры, на высоких окнах висят шторы. На полированном обеденном столе стояли два подсвечника.

Впечатленный увиденным, Уайлдер обошел вокруг сияющего стола. Почему-то ему показалось, что он уже бывал тут, за много лет до того, как появился в этом пустом здании. Высокие потолки и строгая мебель напомнили дом, в котором он жил маленьким ребенком. Уайлдер прошел по заново обставленным комнатам, почти ожидая увидеть игрушки, кроватку и детский манеж, разложенный к его приходу.

Межу спальнями неприметная лестница вела наверх, в другую залу и несколько комнаток, глядящих на крышу. Зачарованный тайной и вызовом секретной лестницы, Уайлдер начал

взбираться по ступенькам. Слизав с пальцев последний жир, он протрубил сам себе победу.

И добрался до середины лестницы, когда что-то преградило дорогу. Громадный силуэт высокого светловолосого мужчины появился из тени. Гораздо старше Уайлдера, с растрепанными на ветру волосами, незнакомец стоял на верхушке лестницы, молча разглядывая сверху вниз незваного гостя. Лицо его размылось в ярком свете, но шрамы на лбу были ясно видны, как и свежие отпечатки ладоней на белой куртке.

Смутно припомнив этого старого человека на обзорной крыше, Уайлдер замер на ступеньках. Он не знал, поиграет с ним Ройял или будет ругать.

Все же надеясь заманить Ройяла в игру, Уайлдер радостно помахал пистолетом. К его удивлению, архитектор отшатнулся, словно изображая испуг. Когда Уайлдер двинулся по ступенькам вверх, Ройял поднял хромированную трость и бросил ее вниз.

Металлический прут, задев перила, ударили Уайлдера по плечу. От боли он уронил кинокамеру. Рука заныла, на мгновение Уайлдер почувствовал беспомощность, как несправедливо наказанный ребенок. И когда архитектор шагнул вниз по ступенькам, Уайлдер поднял пистолет и выстрелил ему в грудь.

Когда грохот затих в морозном воздухе, Уайлдер одолел последние ступеньки. Тело архитектора неуклюже улеглось на лестнице, как будто он

изображал свою смерть. Лицо в шрамах, совсем бледное, было повернуто в сторону. Ройял, еще живой, глядел в открытое окно на последних птиц, которых выстрел погнал в воздух.

Озадаченный неожиданным поворотом игры, Уайлдер перешагнул через тело, оставив кино-камеру у подножия лестницы. Поглаживая ушибленное плечо, он бросил пистолет, от которого зудела рука, и шагнул через стеклянные двери.

В двадцати ярдах от него в саду скульптур играли дети. Двери были распахнуты, и Уайлдер видел геометрические узоры игровых конструкций ярких цветов на фоне белых стен. Он помахал детям; хотя они ничего не замечали, их присутствие его оживило. Странный человек в шрамах и окровавленном смокинге, лежащий позади на ступеньках, просто не понял игры.

Мальчик лет двух, совершенно голый, бегал среди скульптур. Уайлдер быстро расстегнул изодранные штаны, и они упали к лодыжкам. Чуть покачиваясь, словно разучившись пользоваться ногами, голый Уайлдер побежал к своим новым друзьям.

В центре сада скульптур, у маленького бассейна, женщина разводила большой костер из остатков мебели. Сильными руками она поправляла тяжелый вертел из хромированной трубы от тренажера.

Уайлдер шагнул вперед, робко надеясь, что женщина заметит узоры на его груди. Пока он ждал, что дети позовут его играть, он заметил

слева еще одну женщину — в платье до лодыжек и клетчатом фартуке; длинные волосы, убранные с сурового лица, были завязаны узлом на затылке.

Уайлдер застыл среди статуй, смущенный, что его не замечают. Среди статуй двигались другие женщины, захватывая Уайлдера в плотный кружок. Они словно явились из другого века или других мест — не считая солнечных очков, которые выделялись черными пятнами на забрызганной кровью террасе на крыше.

Уайлдер ждал, что с ним заговорят. Он радовался, что голый и что видны узоры на теле. Наконец женщина, сидящая у костра, оглянулась, и, несмотря на странный наряд, Уайлдер узнал свою жену, Хелен. Он чуть не бросился к ней, но был остановлен бесстрастным взглядом, скользнувшим по его тяжелым гениталиям.

Теперь он понял, что знает всех собравшихся вокруг женщин. На него без враждебности смотрела Шарлотта Мелвилл в шарфе, закрывающем синяки на шее. Рядом с Джейн Шеридан стояла молодая жена Рояля — теперь воспитательница младших детей. Узнал Уайлдер и жену ювелира в длинном меховом пальто — ее лицо, как его грудь, было раскрашено красным. Оглянувшись через плечо — путь к отступлению отрезан, — Уайлдер увидел статную фигуру детской писательницы: она сидела у открытого окна пентхауса, как королева в павильоне. В безумной последней надежде Уайлдер решил, что, может быть, она ему почитает.

Дети в саду скульптур играли с костями.

Кружок женщин сжимался. Над костром появились первые язычки пламени, лак на старых креслах быстро занимался. Глаза за солнечными очками внимательно следили за пришлым мужчиной, словно напоминая, что тяжелая работа вызвала здоровый аппетит. Каждая что-то достала из глубокого кармана фартука.

В окровавленных руках сверкали разделочные ножи. Смущенный, но наконец счастливый, Уайлдер заковылял по крыше навстречу своим новым матерям.

19. НОЧНЫЕ ИГРИЩА

Ужин был почти готов. Сидя на балконе 25-го этажа, Роберт Лэйнг шевелил золу костра из страниц телефонного справочника. Язычки пламени освещали соблазнительные плечи и грудную клетку овчарки на вертеле. Лэйнг раздувал пламя и надеялся, что Алиса и Элеонора Пауэлл, лежащие рядышком на матрасе, одобрят все, что он сделал. Он не забывал поливать жиром темную кожу овчарки, которую основательно нашпиговал чесноком и зеленью.

— Одно есть правило в жизни, — бормотал он про себя. — Чуешь запах чеснока, значит, все в порядке.

Наконец-то все устроилось, по крайней мере в данную минуту. Овчарка почти готова — большое блюдо, которое пойдет женщинам на пользу. Они обе в последнее время стали ворчливы из-за недоедания и от усталости даже не похвалили Лэйнга — с каким искусством и смелостью он поймал собаку, не говоря уже о непростой задаче свежевать и потрошить громадное животное. Женщины даже жаловались на нервный скулеж,

пока Лэйнг торопливо листал страницы поваренной книги, найденной в квартире неподалеку. Он долго выбирал, как готовить собаку. По тому, как дрожал и скулил пес, он и сам оценил важность момента — словно понимал, что остался одним из последних животных в высотке и поэтому заслуживает особых кулинарных изысков.

Мысль о приближающихся неделях голода расстроила Лэйнга, и он подбросил в костер еще несколько страниц. Хотя на нижних этажах, возможно, и водилась дичь, спускаться его пока не тянуло. Отвратительная вонь от бассейна на 10-м проникала во все вентиляционные коробы и лифтовые шахты. Лэйнг лишь однажды за последние месяцы попал на нижние уровни — когда, как добрый самаритянин, помог Энтони Ройялу.

Он спокойно колол дрова в холле 25-го этажа. Стоило ему выдернуть из бесполезной уже баррикады туалетный столик, как в образовавшуюся брешь ввалился Ройял. Кровь из маленькой раны на его груди покрывала белую куртку красными отпечатками ладоней, словно архитектор пытался себя пометить — чтобы не потеряться. Он был явно уже не жилец, глаза смотрели врозь, кожа обтянула худой лоб. Каким-то образом Ройял смог добраться сюда от самого пентхауса. Постоянно спотыкаясь, он ковылял вниз по лестнице с помощью Лэйнга, пока они не достигли 10-го этажа. Над пустыми полками супермаркета висело зловоние гниющей плоти — Лэйнг решил было, что

взломали запертый холодильник и мясо портится. Взыгравший аппетит чуть не заставил его бросить Ройяла и устремиться на поиски еды. Но Ройял, почти не открывая глаз, ухватил Лэйнга за плечо и показал в сторону бассейна.

В желтом свете, отражающемся от жирных плиток, перед ними протянулся длинный могильник. Вода давным-давно высохла; дно бассейна было усыпано черепами, костями и обезображенными конечностями десятков тел. Перепутанные тела напоминали посетителей громадного пляжа, застигнутых внезапной катастрофой.

Пораженный не столько видом изуродованных тел — жителей, умерших от старости или болезни и доставшихся, похоже, диким собакам, — сколько зловонием, Лэйнг отвернулся. Ройял, отчаянно цеплявшийся за него во время спуска по лестнице, дальше мог справиться сам и двинулся к ряду раздевалок. В последний раз Лэйнг видел Ройяла, когда тот подходил к ступенькам у мелкого конца бассейна, словно надеялся найти себе местечко на этом последнем склоне.

Лэйнг, присев на корточки у огня, потыкал шампуром бедро овчарки и с усилием прогнал из памяти вид могильника. Иногда у него возникали подозрения, что кто-то из жителей дошел до каннибализма — с очень многих трупов хирургически искусно были срезаны куски плоти. Возможно, обитатели нижних этажей, измучен-

ные тяготами и дискриминацией, сдались необходимости.

— Роберт! Ну что ты делаешь?.. — Недовольный голос Алисы прервал раздумья Лэйнга.

Вытерев руки о фартук, он поспешил в спальню.

— Все в порядке, ужин почти готов.

Лэйнг говорил успокаивающим тоном — так он разговаривал во время клинической практики с самыми тупыми детьми-пациентами. Такой тон не годился для двух умных женщин, внимательно следивших за ним из кровати.

— Всю квартиру задымил, — сказала Элеонора. — Опять сигналы подаешь?

— Нет... Это все телефонные справочники. Бумага, наверное, с пластиком.

Алиса устало покачала головой.

— Где батарейки для Элеоноры? Ты обещал найти. Она хочет снова писать обозрения.

— Я знаю... — Лэйнг посмотрел на пустой экран портативного телевизора на полу. Ответить было нечего — как он ни старался, сели последние батарейки.

Элеонора расковыряла рану на запястье и жеманно показывала ее кошке, сидящей в дальнем углу.

— Мы обсуждали, не переехать ли тебе в другую квартиру.

— Что? — Не зная, серьезно ли это, или фарс продолжается, Лэйнг весело рассмеялся. Женщины лежали вплотную друг к другу, как будто

сливались в одну. Периодически принося еду, Лэйнг даже не понимал точно, кого обслуживает. Они объединились в одной кровати для тепла и безопасности, а возможно, и чтобы сообща следить за ним. Элеонора и Алиса знали, что зависят от Лэйнга. Несмотря на «фарсы», они своим поведением полностью удовлетворяли потребности Лэйнга — в обмен на его заботу. Такой обмен восхитительно подходил Лэйнгу, как и то, что обе были в одной постели — он терпел только один набор льстивых требований, один репертуар нервических игр.

Ему нравилось, когда в Элеоноре просыпался старый дух. Обе женщины страдали от недоедания, и Лэйнг радовался, когда они находили силы исполнять свои роли в этом вялотекущем фарсе и обращались с ним, как две гувернантки в услужении у богатого хозяина, дразня своеенравного и замкнутого ребенка. Временами Лэйнгу нравилось доводить игру до логического завершения — он представлял, что эти две женщины командуют им и бесконечно его презирают. Такая роль выручила его, когда в квартиру ворвалась банда грабительниц. Увидев, как издеваются над Лэйнгом, и приняв его за пленника Элеоноры и Алисы, женщины ушли.

Так или иначе, Лэйнг мог свободно жить в этом тесном семейном кругу. Теперь он имел полную свободу исследовать себя, а постоянная непредсказуемость держала всех в тонусе. Он мог молить о титяке, а мог взъяриться. Ампул с мор-

фием оставалось в достатке, и Лэйнг подумывал познакомить женщин с этим пьянящим эликсиром. Привыкание вновь склонит баланс сил в его пользу и усилит их зависимость. Как ни странно, именно здесь, в высотке, он нашел своих первых пациентов.

Потом, разделав собаку и раздав щедрые порции женщинам, Лэйнг, прислонившись спиной к балконным перилам, задумался о своем везении. Теперь уже неважно, как он ведет себя, каким своенравным порывам дает волю, какими извращенными тропами следует. Жаль, что Ройял умер, — ему Лэйнг был безмерно благодарен за проект высотки и вообще за все, что здесь происходило. Непонятно, с какой стати Ройял чувствовал перед смертью какую-то вину.

Лэйнг бодро помахал женщинам — они сидели на матрасе с подносом и ели из одной тарелки, — доел темное мясо, пропитанное чесноком, и посмотрел на фасад здания. Все этажи были погружены во тьму, и Лэйнг порадовался. Хотя он действительно любит и поддерживает свою стаю, это не мешает новообретенной свободе.

В целом жизнь в высотке удалась. Все постепенно приходит в норму. Лэйнг снова начал подумывать о медицинском институте. Завтра можно подъехать в физиологическую лабораторию — может, дадут студентов. Только сначала нужно прибраться. Он видел, как две соседки подметали в коридоре. Есть надежда запустить лифт. Наверное, стоит занять еще одну квартиру,

разобрать баррикаду и заново обставить комнаты. Лэйнг вспомнил про угрозу Элеоноры прогнать его и почувствовал неприличный кайф. Надо подумать, как снова завоевать их расположение.

Впрочем, все это, как и морфий, который он будет им давать, увеличивая дозу, — только начало, репетиция будущих развлечений. Чувствуя, как растет внутри радость, Лэйнг прислонился к перилам.

Сгущались сумерки, во тьме светились догорающие огоньки костра. Большая собака на вертеле напоминала летящий силуэт изуродованного человека, взмывающего в ночное небо, и угольки горели драгоценностями на его коже.

Лэйнг посмотрел на соседнюю высотку. Там случился сбой электропитания, и на 7-м этаже погас свет. В темноте уже мелькали лучи фонарей — жители пытались понять, что происходит. Лэйнг улыбнулся, готовый приветствовать их в новом мире.

СОДЕРЖАНИЕ

1. КРИТИЧЕСКАЯ МАССА	5
2. ВЕЧЕРИНКИ	25
3. СМЕРТЬ ЖИЛЬЦА	42
4. ВВЕРХ!	53
5. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ГОРОД	63
6. НА УЛИЦАХ НЕБА ОПАСНО	75
7. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ	86
8. ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ	100
9. В РАЙОН ВЫСАДКИ	109
10. СУХОЕ ОЗЕРО	120
11. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ	133
12. К ВЕРШИНЕ	143
13. БОЕВАЯ РАСКРАСКА	156
14. ПОЛНАЯ ПОБЕДА	168
15. ВЕЧЕРНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ	178
16. РАДОСТНОЕ ОБУСТРОЙСТВО	185
17. ПАВИЛЬОН У ОЗЕРА	198
18. КРОВАВЫЙ САД	207
19. НОЧНЫЕ ИГРИЩА	216

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Баллард Джеймс

ВЫСОТКА

Роман

Ответственный редактор *В. Демичев*

Технический редактор *Н. Духанина*

Компьютерная верстка *Е. Кумшаевой*

Корректор *Н. Яснева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 күрылым, 5 белме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.03.2016. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж 2000 экз. Заказ 318.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-17-090979-7

9 785170 909797 >

А С Т

ДЖЕЙМС ГРЭМ БАЛЛАРД (1930–2009) – британский писатель, одна из крупнейших фигур английской литературы XX века, непревзойденный стилист и прорицатель, у которого охотно брали интервью на злободневные темы.

Роман «Высотка» относится ко второму периоду творчества писателя, от романов-катастроф перешедшего к изучению психологических изменений сознания человека, запертого в безвыходном тупике большого города. «Водный мир», «Автокатастрофа», «Империя солнца» – каждая экранизация Балларда становится знаковым событием и сопровождается повышенным вниманием зрителей и критиков.

И теперь – экранизация романа, дожидавшегося своего часа 40 лет! Знаменитые актеры Джереми Айронс, Сиенна Миллер, Том Хиддлстон воплотят в жизнь мрачные прогнозы Балларда, сделанные им в 1975 году.

Сорок этажей, тысяча квартир, две тысячи жильцов – это и есть высотка, одна из пяти запланированных в новом жилом комплексе в Лондоне. Полная самообеспеченность, включая торговый центр, салон-парикмахерскую, два плавательных бассейна, спортивный зал и начальную школу для детей – несомненно, это образец будущего, новая социальная структура, дивный новый мир...

Вот только начинается что-то неладное – с электричеством, с лифтами, с мусоропроводом... Кто виноват? Виноваты другие – те, кто сверху, те, кто снизу. Что делать? Не давать спуску! И вот жильцы, обеспеченные, состоявшиеся профессионалы, вопреки всем ожиданиям, вопреки здравому смыслу, втягиваются в склоки – в стычки – в войну. Войну, ограниченную пределами одного дома – никто во внешнем мире не догадывается,

что происходит в стенах высотки...

Что же получилось: новый мир или старые грабли?

Что построил архитектор: фантастический зоопарк или дикие джунгли?...

ISBN 978-5-17-090979-7

9 785170 909797